

ОГОНЁК
№ 16 АПРЕЛЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Лауреат Сталинской премии токарь-скоростник Ленинградского металлического завода имени Сталина Василий Михайлович Бирюков делится опытом с будущими металлистами — учащимися третьего ремесленного училища.

Фото С. Осипова.

На первой странице обложки:
Земснаряд «Сормовец-12».
Фото О. Кнорринга.

На четвертой странице обложки:
Снежный барс в горах Ала-Тау.
Фото М. Галкина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 16 (1349) 19 АПРЕЛЯ 1953

31-й год издания.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПО ЗАЛАМ МУЗЕЯ В. И. ЛЕНИНА

Центральный музей В. И. Ленина — великого основателя нашей непобедимой партии, создателя первого в мире социалистического государства...

Сюда приходят десятки тысяч людей: школьники, студенты, офицеры, рабочие, колхозники — русские, украинцы, туркмены, марийцы, чуваши... Особенно возрастает людской поток в эти дни, когда народ отмечает 83-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина.

Группами и в одиночку идут люди из зала в зал, от стенда к стенду, вчитываются в ленинские слова, всматриваются в знакомый с детства облик, изображенный на фотографиях и картинах. Стараясь не пропустить ни одного слова, слушают они пояснения экскурсоводов.

Внимательно рассматривают посетители музея документы из жизни и деятельности Ленина и Сталина, слушают рассказ о великих вождях нашего народа. Это рассказ о партии, о советском народе, о его великих победах под руководством Коммунистической партии.

Читаем записи в книге отзывов:

«Мы своими глазами видели живую историю нашей Коммунистической партии, жизнь гениальных наших вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина. Мы постоянно учимся у них. Это ученье помогает нам всюду: в жизни, в работе».

Издалека приехал в Москву техник Уральского завода химического машиностроения.

«Большим счастьем в моей жизни было посещение музея В. И. Ленина,— пишет он.— В музее я имел возможность еще больше узнать о жизни и деятельности создателей партии рабочего класса и первого в мире государства рабочих и крестьян. После посещения музея я буду с еще большим упорством изучать произведения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина».

Учительница 336-й мужской средней школы Москвы привела в музей группу пионеров, учеников пятого класса. Она с гордостью и волнением пишет: «Я уверена, что многие мальчики после посещения музея еще глубже поймут свои обязанности перед Родиной, партией».

Музей посвящен прошлому. Но каждый, кто побывает здесь, невольно обращается мыслями к будущему страны социализма. Дело Ленина — Сталина в надежных руках. Их соратники и верные продолжатели ведут советский народ по ленинско-сталинскому пути к победе коммунизма.

На снимках: вверху — Центральный музей В. И. Ленина; справа — пионеры на экскурсии в музее.

Фото Я. Юровского и Е. Умнова.

Одно из книгохранилищ института.

В ИНСТИТУТЕ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА

Лифт поднимается бесшумно и быстро. Вниз плывут этажи, заставленные длинными рядами полок. Книги... Книги... Книги.

...В красной папке хранится комплект «Новой Рейнской газеты». Ее редактировал Карл Маркс. В первом номере на первой странице — его имя. Осторожно перелистайте тонкие, чуть тронутые временем листы — вот его статьи. Журнал «Германский телеграф». Здесь с 1839 по 1841 год печатал свои работы Фридрих Энгельс.

В строгом порядке стоят на полках издания тех далеких лет. Среди них первый перевод на русский язык «Манифеста Коммунистической партии», гектографированное издание «Манифеста», тоненькая книжечка, выпущенная группой «Освобождение труда» в Женеве в 1886 году, — «Нищета философии» К. Маркса...

Можно взять в руки и перелистать первый перевод «Капитала» на русский язык. Перевод этот был первым произведением Маркса, изданным в России легально, и первым переводом на иностранный язык.

Здесь, на библиотечных полках Института Маркса — Энгельса — Ленина, стоят ценнейшие прижизненные издания произведений Маркса и Энгельса, переводы их произведений на европейские и другие языки мира. Здесь берегут уникальные комплекты газет и журналов, которые издавались под руководством Маркса и Энгельса. Тут хранится единственное по полноте собрание изданий «Манифеста Коммунистической партии» и «Капитала» на языке оригинала и их переводы.

Библиотека хранит в своих стенах около миллиона томов книг, комплектов газет и журналов. Второй подобной библиотеки в мире нет. Это единственная библиотека, обладающая таким богатством книжных фондов по истории марксизма и международного рабочего и коммунистического движения!

В библиотеке собраны почти все нелегальные дореволюционные издания. Тут можно увидеть и «Колокол» Герцена. Здесь хранится редкая коллекция почти всех нелегальных дореволюционных изданий большевистской подпольной печати: произведения В. И. Ленина и И. В. Сталина тех лет, газеты, которые они редактировали, многочисленные листовки, брошюры, комплекты нелегальных большевистских газет — «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Социал-демократ», «Брдзола» («Борьба»), «Пролетариатис брдзола».

...Строгие ряды ленинских книг... Собрания сочинений. Сборники. Отдельные работы. Множество нелегальных изданий. Ленинские листовки. Личная библиотека Владимира Ильича...

Среди сокровищ библиотеки — бессмертные труды Иосифа Виссарионовича Сталина. Перелистайте страницы написанных им листовок, отдельных работ, и перед вами пройдет светлая жизнь великого вождя, отданная борьбе за свободу и счастье людей.

Как огонь на ветру, вспыхивающий то здесь, то там, по всей нашей необъятной стране появлялись листовки со статьями Сталина. Пометки на полях рассказывают, что иные побывали в руках царской охранки. На полках стоят издания отдельных работ И. В. Сталина: «О задачах партии», «Итоги первой пятилетки», изданные в свое время нелегально в Прибалтике и Западной Украине.

В читальном зале библиотеки стоит строгая тишина. Склонясь над книгами, занимаются научные сотрудники институтов, Академий наук СССР и союзных республик, докторанты, аспиранты, преподаватели основ марксизма-ленинизма, научные работники, специально командированные из других городов для работы в библиотеке ИМЭЛ.

...Институт Маркса — Энгельса — Ленина создан в ноябре 1931 года, когда по решению Президиума ЦИК СССР слились вместе ранее существовавшие отдельно Институт К. Маркса и Ф. Энгельса и Институт В. И. Ленина.

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса был основан в 1920 году. Страна тогда доверила ему огромную работу — собирать, изучать и издавать литературное наследство, оставленное основоположниками научного коммунизма К. Марксом и Ф. Энгельсом. Этот институт был единственным на территории СССР государственным хранилищем всех оригинальных документов, имеющих непосредственное отношение к деятельности Маркса и Энгельса и изданию их произведений.

Институт Ленина был учрежден в июле 1923 года — советские люди узнали об этом из опубликованного в газетах обращения ЦК партии за подписью товарища Сталина. Все ленинские произведения, все документы, освещающие деятельность Владимира Ильича по созданию большевистской партии, по подготовке Великой Октябрьской социалистической революции, по строительству первого в мире Советского государства, по руководству международным революционным движением пролетариата, сосредоточивались в институте. Это обращение подчеркивало, что всякий документ, «где имеется подпись или пометка В. И. Ленина, может составить огромный вклад в изучение личности и деятельности вождя мировой революции и поможет уяснить задачи и трудности, стоящие на том пути, по которому мы идем, руководимые В. И. Лениным».

И вот осенью 1931 года оба института объединились в один — Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК Коммунистической партии.

ИМЭЛ — это партийное научно-исследовательское учреждение. Задача его — собирать и хранить документы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина, го-

Сочинения В. И. Ленина на языках народов СССР.

товить к изданию их произведения, изучать жизнь и деятельность классиков марксизма-ленинизма. ИМЭЛ собирает также материалы о жизни и деятельности соратников В. И. Ленина и И. В. Сталина, издает их работы и биографии, изучает и издает документы по истории Коммунистической партии Советского Союза.

В архиве ИМЭЛ хранятся рукописи Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Здесь собраны все основные документы и материалы по истории КПСС, а также документы по истории Союза коммунистов, I Интернационала и Парижской Коммуны.

Во всех союзных республиках и в ряде городов РСФСР созданы филиалы ИМЭЛ — институты истории партии. Они собирают и хранят в партийных архивах документы, которые помогают изучать и разрабатывать историю местных коммунистических организаций. На 22 языка народов СССР переводят филиалы работы классиков марксизма-ленинизма. Самый молодой филиал — татарский. Он только сейчас организуется. С апреля 1951 года существует филиал ИМЭЛ в Дагестане. Он переводит отдельные произведения Ленина и Сталина на семь языков: лезгинский, кумыкский, аварский, лакский, даргинский, табасаранский и татский.

В Советском Союзе вышло четыре издания Сочинений В. И. Ленина. «Это наше счастье,— говорил И. В. Сталин в политическом отчете ЦК XIV съезду партии,— что нам удалось выпустить несколько изданий сочинений Ленина... Этот факт является одной из основных гарантий того, что с пути ленинизма наша партия не сойдет».

Последний — 35-й — том выпущенного ИМЭЛ четвертого издания Сочинений Ленина вышел в 1951 году. Издание это полнее предыдущих. Здесь напечатано 2 927 произведений, многие из которых раньше не входили в сочинения, а 62 документа опубликованы впервые.

Бережно собирает институт документы И. В. Сталина и готовит к изданию его сочинения. К настоящему времени издано 13 томов Сочинений И. В. Сталина. В 1950 году был выпущен художественно-документальный альбом «Иосиф Виссарионович Сталин».

Тираж произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина огромен. Вот несколько красноречивых цифр. За 35 лет произведения классиков марксизма-ленинизма изданы в нашей стране на 101 языке (71 язык народов СССР и 30 иностранных языков) общим тиражом свыше 992 миллионов экземпляров!

В СССР вышло в свет 1 642 издания произведений Маркса и Энгельса тиражом в 60 712 тысяч экземпляров. «Манифест Коммунистической партии» выходил 307 раз на 58 языках. Тираж — 11 515 тысяч экземпляров (не учтен тираж за 1917—1920 годы из-за отсутствия данных), «Капитал» — 112 раз на 10 языках тиражом 4 666 тысяч экземпляров.

В нашей стране вышло 5 740 изданий произведений В. И. Ленина тиражом 248 164 тысячи экземпляров, в том числе на русском языке — 195 770 тысяч. «Задачи союзов молодежи», например, выходили 343 раза на 65 языках общим тиражом 13 468 тысяч экземпляров.

В Советском Союзе напечатано более 9 тысяч изданий произведений И. В. Сталина на 101 языке тиражом 672 058 тысяч экземпляров. На многих языках большим тиражом изданы 13 томов Сочинений И. В. Сталина. Труды Сталина на своем родном языке читают теперь и те народы нашей Родины, которые до Великой Октябрьской революции не имели письменности.

301 раз выходила книга «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». 260 раз переиздавались «Вопросы ленинизма», переведенные на 55 языков. 278 раз переиздавалась работа «О Ленине», переведенная на 68 языков, тираж ее — более 10 миллионов экземпляров. Вышло более 700 изданий доклада И. В. Сталина о проекте Конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде советов. Тираж — свыше 67 миллионов экземпляров на 89 языках.

Гениальные труды И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма в СССР» изданы многомиллионными тиражами. Более 60 раз переиздавалась на 44 языках историческая речь И. В. Сталина на XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза. Тираж брошюры — 17 891 тысяча экземпляров. Широкое распространение получили биографии В. И. Ленина и И. В. Сталина, изданные институтом.

...Советские люди изучают бессмертные сокровища, оставленные нам В. И. Лениным и И. В. Сталиным. В гениальных творениях своих вождей черпает Коммунистическая партия и советский народ непобедимую силу в борьбе за коммунизм. Сотни миллионов людей всех стран мира берегут в своих сердцах светлые образы Ленина и Сталина, чья мудрая мысль освещает им дорогу к свободе и счастью.

К. ЯКОВЛЕВА

В читальном зале ИМЭЛ.

Фото А. Шайхета.

На десятках языков вышел труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

НА БЫВШЕМ СЕМЯННИКОВСКОМ

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото М. Савина.

Широкая полоса Невы разделяет этот район Ленинграда на две части. По обе стороны реки вдоль берегов виднеются темнокрасные корпуса прославленных заводов и фабрик. В эти яркие солнечные дни ранней весны, когда Нева уже очистилась ото льда и в ее просторах засверкали отраженные зарева мартенов и огни остекленных цехов, индустриальный пейзаж особенно красочен.

Невская застава. Крепкими нитями связана эта былая рабочая окраина Петербурга с революционной деятельностью Владимира Ильича Ленина. Приехав в Питер осенью 1893 года, молодой Ленин устанавливает связи с передовыми рабочими петербургских фабрик и заводов. Он ведет занятия в марксистских кружках за Невской заставой. Тут что ни предприятие, то живая история борьбы русского рабочего класса за свое освобождение.

...Невский машиностроительный завод имени В. И. Ленина. За узорчатой решеткой ограды на гранитном постаменте возвышается скульптура Владимира Ильича Ленина. На металлической плите, прикрепленной к граниту, начертаны слова:

«Любимому
вождю и учителю
рабочего класса».

Памятник Ильичу рабочие соорудили на свои трудовые сбережения. Держа в одной руке книгу и другой показывая в сторону цехов, Владимир Ильич как бы напоминает новым поколениям о славных революционных традициях рабочих бывшего Семянниковского завода.

Откройте страницы Сочинений В. И. Ленина, сталинского Краткого курса истории партии. Там вы прочтете о Семянниковском заводе. С тех пор когда Владимир Ильич начинал революционную пропаганду среди рабочих этого предприятия, минуло шестьдесят лет, но не меркнут в памяти людей эти исторические дни.

На этом заводе работал слесарем ученик и соратник В. И. Ленина выдающийся рабочий-революционер Иван Васильевич Бабушкин. У него дома собирались рабочие. Сюда приходил Владимир Ильич.

«Местом для занятий послужила моя комната,— вспоминал позже Бабушкин,— как наиболее удобная, где не было посторонних лиц. Кружок составился из шести челов. и седьмого лектора».

Памятник В. И. Ленину перед зданием заводоуправления, сооруженный рабочими на свои средства в 1926 году.

Лектором был Ленин. Он излагал политическую экономию «словесно, без всякой тетради, часто стараясь вызывать у нас или возражения, или желание завязать спор...»

Занятия марксистских кружков проходили и на квартирах других рабочих. В то время Владимир Ильич жил в доме № 7 на Большом Казачьем переулке — ныне переулке Ильича,— где снимал крохотную комнатку. Превращенная в квартиру-музей, она привлекает ныне многих ленинградцев и экскурсантов из других городов страны. Часто можно здесь встретить молодежь Невского завода. Старый коммунист, участник штурма Зимнего дворца, Николай Дмитриевич Блохин рассказывает комсомольцам о жизни и революционной деятельности великого Ленина. Перед юношами и девушками раскрываются героические страницы прошлого.

Отсюда Владимир Ильич отправлялся к рабочим за Невскую заставу. На окраину приходилось добираться на «конке», а то и ходить пешком. Ленин бывал в квартирах рабочих, знакомился с их жизнью, вел кипучую революционную работу в массах, воспитывал кадры рабочих-революционеров.

Первые же выступления Ленина произвели сильное впечатление на участников петербургских марксистских кружков. Ленин пользовался горячей любовью передовых рабочих.

«Наши лекции,— вспоминал И. В. Бабушкин,— носили характер очень живой, интересный, мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора».

В конце 1894 года на Семянниковском заводе вспыхнули волнения. Измученные изнурительным трудом, бесконечными «экстренными» работами, штрафами, рабочие стали выражать свое недовольство. Администрация уволила нескольких «зачинщиков». В канун рождественских праздников по цехам пронесся слух, что не будет получки. Это окончательно вывело рабочих из терпения. Вспыхнул пожар в доме управляющего, на заводских воротах зашатался двуглавый орел...

В связи с этими волнениями В. И. Ленин при активном участии слесаря И. В. Бабушкина написал знаменитую листовку к рабочим Семянниковского завода.

Это был первый агитационный листок русских марксистов, положивший начало переходу к злободневной политической агитации среди широких масс рабочего класса. Листовку в заводских цехах распространил сам Бабушкин. С того времени листовки стали мощным орудием борьбы против капитализма.

В цехе, где в конце прошлого века работал ученик и соратник В. И. Ленина рабочий-революционер И. В. Бабушкин. Слесарь-коммунист А. И. Андреев (слева) и бригадир А. Н. Филиппов собирают сверхплановую турбовоздуходувку.

Когда в 1895 году Ленин объединил в Петербурге марксистские рабочие кружки в один «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», слесарь-семянниковец Бабушкин стал одним из активных его членов. Он энергично вел революционную работу в цехах не только своего, но и соседних заводов.

Пророчески звучат слова В. И. Ленина, сказанные им о Бабушкине: «Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации».

И вот мы в цехе, где в конце прошлого века работал И. В. Бабушкин. Сейчас здесь создаются машины для социалистической промышленности.

Нас знакомят с одним из старых производственников, коммунистом Арсением Ивановичем Андреевым. Ему довелось собирать механизмы для первенца ленинско-сталинского плана электрификации страны — Волховской ГЭС. Он изготовлял также лебедки для канала имени Москвы. После войны, когда потребовалось срочно восстановить разрушенные электростанции, Арсений Иванович быстро наладил производство запасных частей; был за это награжден орденом «Знак Почета». В тот день, когда мы посетили цех, А. И. Андреев вместе с бригадиром А. Н. Филипповым собирал сверхплановую турбовоздуходувку.

Рядом с турбинным цехом ярко полыхает пламя мартенов. В них плавилась сталь для турбин и воздуходувных машин, которые сейчас работают на Волховской, Рионской, Днепровской и Свирской гидростанциях, на металлургических заводах страны. Совсем недавно в этих печах в рекордно короткие сроки плавили металл для первенца великих сталинских строек коммунизма — Цимлянской ГЭС. Тут сформованы детали для машин Усть-Каменогорской и Мингечаурской ГЭС. Почти три железнодорожных состава металла сверх плана выплавили мартеновцы для строек пятой сталинской пятилетки. Вот смена старшего мастера Н. В. Бондарева выдала очередную скоростную плавку на час раньше графика.

...17 января 1918 года Невский завод перешел в собственность народа. Это историческое постановление было подписано В. И. Лениным. По просьбе рабочих его имя присвоено заводу.

Большой путь прошел завод, носящий великое имя Ленина. Он был зачинателем многих славных дел. В его цехах освоены сложнейшие машины, ранее не изготовлявшиеся в нашей стране.

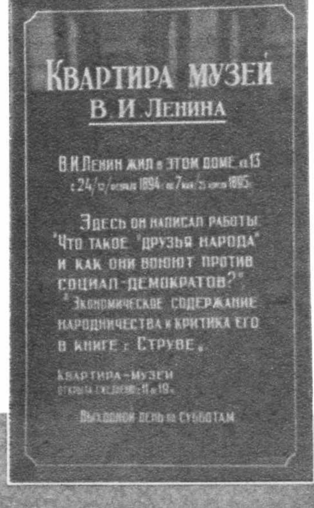
Вот 6-й турбинный цех — родина мощных турбовоздуходувок. Здесь была выпущена первая машина. Теперь воздуходувные машины в шесть раз производительнее прежних, собираются втрое быстрее. Недавно освоен новый агрегат, позволяющий доменщикам работать на повышенном дутье.

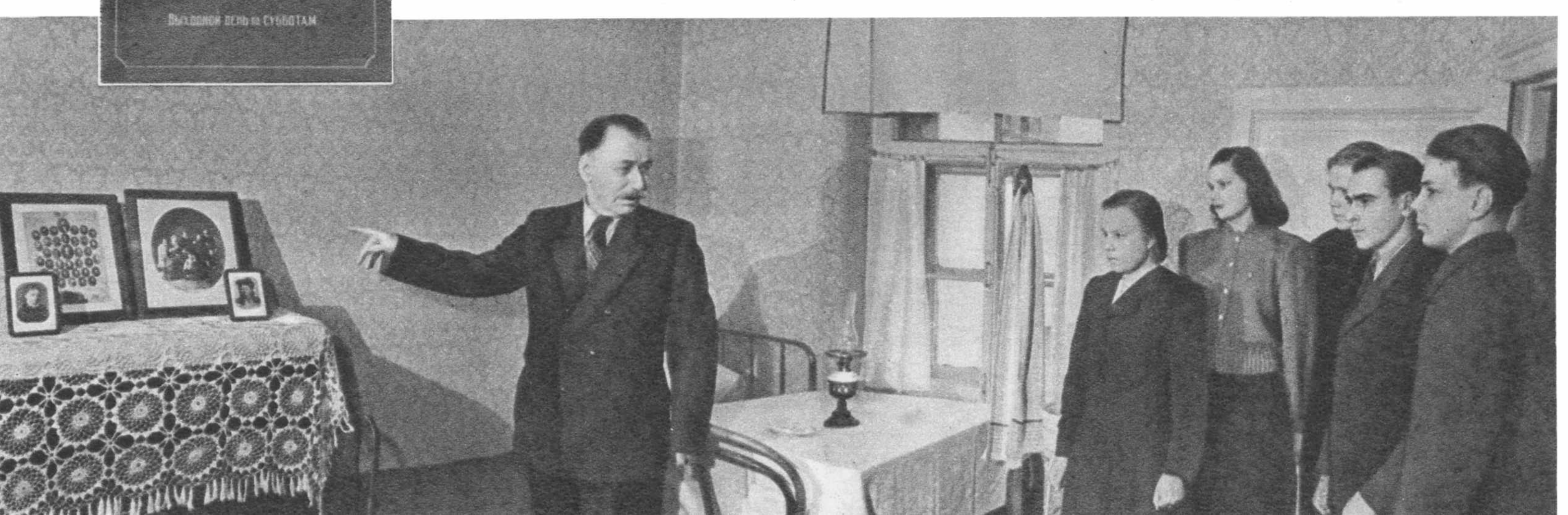
С начальником участка сборки коммунистом Сергеем Петровичем Лапиным мы встретились на испытательном стенде. Он прикреплял к стенке стенда переходящее Красное знамя, присужденное коллективу за победу в социалистическом соревновании.

— Первенства не уступим,— сказал тов. Лапин.— В ответ на Обращение Центрального Комитета партии, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР мы дали слово собрать две машины сверх плана и свое обещание выполним.

В заводских мартенах плавится сталь для новостроек пятой сталинской пятилетки. Смена старшего мастера Н. В. Бондарева выпускает очередную плавку. Эта сталь пойдет на изготовление деталей гидротурбины Горьковской ГЭС.

Невский машиностроительный завод имени В. И. Ленина — одно из передовых предприятий Ленинграда, города технического прогресса. В заветах своих великих вождей Ленина и Сталина, в изучении их гениальных трудов, в исторических решениях XIX съезда Коммунистической партии черпает заводской коллектив вдохновение и новые силы для успешного выполнения величественной программы строительства коммунизма.

В переулке Ильича. Квартира-музей В. И. Ленина. Здесь жил Владимир Ильич с 1894 по 1895 год. Отсюда ходил он за Невскую заставу, где вел революционную пропаганду среди рабочих Семянниковского и других заводов. Старый коммунист, участник штурма Зимнего, Николай Дмитриевич Блохин рассказывает комсомольцам, рабочим завода, о жизни великого Ленина.

Дела и дни одного парткома

А. СТАРКОВ

Фото Б. Вдовенко.

О ХАВЕР ГАНИФАЕВОЙ

Заседание партийного комитета, назначенное на пять часов, ровно в пять и началось.

По тревожному взгляду, какой бросил на часы вошедший в комнату последним — не опоздал ли невзначай? — можно было понять, что люди здесь приучены к аккуратности.

Народу собралось много. Члены парткома, актив. Пришли коммунисты из пятого цеха: сегодня докладывает их секретарь партбюро. Докладывает по весьма важному вопросу: о выполнении коммунистами партийных поручений.

Об этом секретаре говорят, как о крепком, авторитетном руководителе. Его выбирают не первый год. Да и по докладу видно, что человек опытный. Факты подобраны умело, цифры убедительны. Смущает, правда, несколько бесстрастный тон докладчика. О хорошем, о плохом — одинаково спокойно. Ну что ж, быть может, это просто такая манера говорить...

В докладе мелькают фамилии. Людей не приметишь: только фамилии. «Пассивно относятся к партийным поручениям Забродов, Назиров, Ганифаева...». По комнате прошел шепоток: «Это какая же Ганифаева?» «Хавер?» «Не может быть!»

Члены парткома насторожились, но докладчика не перебивают: народ дисциплинированный. После доклада посыпались вопросы. Спрашивают про коммунистов, названных в докладе пассивными. Хотят, чтобы за фамилиями раскрылось лицо человека. Забродов? Расскажите о нем. Назиров? И об этом поподробней.

А про Ганифаеву пошел особый разговор. Члены парткома разволновались. Как же так: известная всему заводу стахановка и вдруг попала в пассивные? Люди выступали горячо, и если объединить все, что они говорили, получится такая примерно речь:

— Мы помним, какой пришла когда-то в цех Хавер Ганифаева. Пришла в чадре. Она решилась ослушаться мужа и поступила на завод, а сбросить чадру не посмела. Работая, она откидывала мешавшую ей чадру, но как только вдали показывался мужчина, снова прятала лицо. Немалого труда стоило ее уговорить, чтобы она разрешила сфотографировать себя: требовалась карточка для заводского пропуска. И лишь предупреждение, что без пропуска ее не будут пускать на завод, подействовало на Хавер. Завод уже навсегда полюбился ей, и она не могла расстаться с ним. Муж, увидев у нее пропуск с карточкой, вырвал его из рук, разодрал в клочки. Она опять пошла к фотографу, снялась без чадры и больше не надевала ее... Она ушла с двумя маленькими детьми из дому, чтобы начать совсем новую жизнь.

Вот какой мы помним Хавер, когда она вступила в наш коллектив. Помним худенькой, стройной, с двумя огромными туго заплетенными косами, с сияющими, широко раскрытыми глазами, от которых мир уже не был заслонен черной завесой чадры. Она была неграмотна, не знала ни слова по-русски, тяготилась этим и хотела быстрее научиться читать, писать, научиться русскому языку. Мы помогали Хавер, и нашей общей радостью был ее каждый маленький успех в кружке ликбеза. Мы радовались каждому новому русскому слову, которое она произносила, с гордостью поглядывая на нас. Хавер уже читала и писала по-азербайджански. Запас русских слов становился у нее все богаче. Когда она на одном из собраний смогла сказать целую речь по-русски, не было на свете человека счастливее Хавер.

Мы помним, как принимали ее в партию. Это было в первую военную зиму. Хавер пришла на собрание с вахты, которую она несла около установки, сутки не сменяясь. От усталости, от волнения руки у нее дрожали, и она долго не могла расстегнуть ватник. А с собрания она ушла опять на вахту: сменщица заболела, хотели вызвать другую, но Хавер сказала, что не нужно никого вызывать, она совсем не устала и простоит до утра. В ту пору каждый из нас работал за троих: фронт ждал горючего. И все же Хавер поражала своей неутомимостью.

А как легко и красиво работает она сейчас, управляя множеством приборов на контактной установке, где смазочные масла очищаются от примесей! Так легко и грациозно, словно она не постарела за эти годы, словно она осталась все той же молоденькой, худенькой и стройной Хавер, какой ее знали двадцать лет назад и на которую очень похожа Аделя Ахмедова, нынешняя ученица Ганифаевой. Аделя годится ей в дочки и любит ее, как дочка. Да и все комсомолки, все девушки с участка льнут к Хавер Керимовне. Видно, есть у нее какое-то особое, свое, волшебное слово, которым она привораживает молодежь. Привораживает, чтобы учить и воспитывать. А это ведь очень важная партийная работа.

Не поторопились ли вы, товарищ секретарь, зачислив нашу Хавер в один ряд с Забродовым и Назировым? Вот они действительно отлынивают от партийных обязанностей. Вы говорите, что Ганифаева последнее время не выступает на партийных собраниях, что она не столь активна, как прежде, замкнулась? Это верно. Но отчего бы? Почему это произошло с коммунисткой, которую мы не раз выбирали в партбюро, которая всегда так тянулась к общественным делам? Почему? Не знаете? Видно, не взволновало вас это, не встревожило, и вы ограничились, как говорится, констатацией факта.

Может быть, ей дома трудно? Мы не случайно об этом заговорили. Несколько лет назад, вырастив своих детей, Хавер взяла на воспитание и усыновила мальчика, лишенного обеих рук. Сколько человеческого тепла нужно хранить в сердце, чтобы принять на себя такую нелегкую миссию! Мальчик растет, он требует все больше внимания, и это, конечно, отнимает у Хавер много душевных и физических сил. Вы бы заглянули к ней домой, вы бы поинтересовались: может, ей нужно помочь?

Нет, от человека не отмахнешься, скороговоркой назвав его фамилию в длинном ряду других. Что-то случилось с Хавер, и мы должны знать, что́. Поэтому будем считать разговор о ней только начавшимся. Пусть он будет продолжен в самом цехе, на партийном бюро, на партийном собрании. И поговорите там не только о Хавер, поговорите вообще о «нагрузках». О том, что иной раз партийные поручения превращаются в «нагрузку», ибо даются без учета способностей, знаний и интересов человека. Если предложить Хавер редактировать стенную газету, — это будет для нее «нагрузка». Пошлите же Хавер в общежитие побеседовать с девушками, — как она обрадуется такому поручению! Вот и об этом поговорите. И, конечно же, — о тех, кто не прочь бы прожить вовсе без поручений партии. Найдите для этих людей нужные слова.

...Так шло заседание парткома. Возможно, что в протоколе эти выступления изложены несколько иначе, другими словами. Но нам кажется, что смысл их мы передали правильно. Видно было, как разволновались коммунисты — члены парткома и приглашенные, как разволновался и показавшийся вначале бесстрастным докладчик. Он отложил в сторону свои записи и сидел, покусывая карандаш, встревоженный. Ведь дело не в том, что партком «защитил» Ганифаеву. Он сделал больше. Он помог секретарю партбюро взглянуть на нее не сквозь сетку из цифр, а вот так — по-человечески, по-партийному. И, думается, секретарь партбюро долго не забудет этого заседания.

В заводском парткоме. Часто заходит к секретарю парткома, парторгу ЦК КПСС Мамеду Ага Мамедову (справа) старейший рабочий завода коммунист Фейзулла Абдуллаев.

ЧЛЕНЫ ПАРТКОМА

Их одиннадцать, членов парткома: секретари цеховых партийных организаций, инженеры, кузнец, директор завода, оператор, бригадир, председатель заводского комитета. Почему именно на них остановили свой выбор коммунисты, почему именно их облекли они своим доверием?

Вот Исрафил Самедов. Он оператор нефтеперегонной установки, хозяин агрегата, занимающего территорию, на которой мог бы свободно разместиться небольшой завод. Высокие металлические колонны, внутри которых циркулирует нефть; огромные, каждый емкостью в несколько железнодорожных цистерн, резервуары; нагревательная печь, где днем и ночью, не угасая ни на секунду, бушует в форсунках пламя; трубопроводы, насосы, теплообменные аппараты. Все это в подчинении у двух человек — оператора и его помощника. И хотя непрерывный процесс перегонки нефти, которым они управляют, скрыт от их глаз, это не мешает им все отлично «видеть»: приборы исправно и обстоятельно «докладывают» о том, что происходит в колоннах, резервуарах, трубопроводах.

Казалось бы, при такой автоматизации оператору остается немногое: следи за приборами и поддерживай заданный режим. Но что означает — заданный режим? Он определен «от» и «до». От какой-то минимальной, скажем, температуры, ниже которой нельзя держать горение, до максимальной, поднимать выше которой его тоже нельзя. От минимально допустимого давления до максимального. Операторов, которые придерживались бы «минимума», давно уже нет. Есть предпочитающие «золотую середину»; этих становится все меньше. И есть работающие только на самых высоких температурах, на самых высоких давлениях — на пределах, а значит, с наибольшей производительностью. Тут требуется смелость, основанная на точнейшем расчете, на абсолютном знании техники, на полной вере в приборы, отрегулированные твоими руками.

Самедов — как раз такой оператор. Опыт у этого человека, который семнадцать лет назад юношей, почти мальчиком, пришел из далекого азербайджанского селения на завод,— опыт у него, как оператора, богатейший.

Кстати, об опыте.

Говорят, что Самедов обладает одной особенностью: помощники у него не засиживаются.

Неужели такой скверный характер?

— У кого? — скажут вам. — У Самедова? Ужасно скверный! Держит ученика полгода, не больше... Идет к начальнику цеха: «Прошу перевести... Вполне готовый оператор...»

Так вот оно что!..

Спросите об этом Самедова. Он скажет:

— Понимаете, очень способные попадаются ребята. Схватывают все на лету.

Спросите его учеников, и они скажут:

— Удивительно он умеет передавать свой опыт, свои знания. Учиться у него — удовольствие!

Меньше всех была в помощницах у Самедова комсомолка Ильтифат Алиева — два месяца. Когда Самедов обратился к начальнику цеха с просьбой о переводе Ильтифат в операторы, тот спросил:

— Не рановато ли?

— А вы посмотрите, как она работает.

Начальник и Самедов пошли на участок. Они остановились в сторонке, чтобы Ильтифат их не видела. Она шла в это время по площадке вдоль печи, легкими, едва приметными движениями руки касалась вентилей, и огонь, покоряясь ее власти, светлел, вспыхивая короткими факелами.

— Да! — сказал начальник. — Хозяйка. А тебе не жаль с ней расставаться?

— Жаль, — сказал Самедов. — Но все-таки я прошу вас...

И Ильтифат стала оператором.

Одиннадцатого марта райком принял ее в члены партии. Самедов, который был свободен от работы, пришел в цех, чтобы поздравить Ильтифат — как один из рекомендовавших ее, как член парткома, и, наконец, просто как коммунист, работающий с ней рядом, на одном участке.

— Ты понимаешь, Ильтифат, — спросил он, пожимая ей руку, — в какие дни ты вступила в партию?

— Понимаю, — произнесла она очень тихо, но так, что больше уже ничего не нужно было говорить...

...Вот другой член парткома, Петр Алексеевич Казаков. Это Казаков-сын. Казаков-отец тоже на заводе. Недавно тут был отмечен двойной юбилей: полвека работы старого Казакова и четверть века — «юного».

Петр Алексеевич — бригадир нефтеперегонной установки, секретарь цеховой партийной организации. Молодой секретарь: первый раз выбран.

Мы встретились в библиотеке. Войдя в комнату и увидев на столе раскрытую книгу, Казаков метнул на нее взгляд и спросил:

— Мамин?.. Приваловские?..

И сразу стало ясно, что перед нами истый книжник, для которого наисладчайшее удовольствие, завидев у кого-то раскрытую книгу, вот так, по одной — двум строчкам, определить, что же это за книга...

Книголюб. И еще какой! В домашней библиотеке без малого тысяча томов. И это не мертвый фонд, как у иных библиофилов. Читателями библиотеки Казакова состоят многие его знакомые. Он охотно раздает книги, при одном, правда, строгом правиле — чтобы ни пятнышка. Кто согласен соблюдать это правило, — милости просим! Есть такие, что перебрали у Казакова по 40—50 книг. Петр Алексеевич завел даже читательские формуляры. Нет, это не просто собиратель книг. Это пропагандист книги.

Вот в парткоме собрались как-то секретари цеховых партийных организаций. Заговорили о работе. Один сказал, что опыта у него маловато, трудно приходится, хотелось бы поучиться у кого-нибудь из секретарей.

Петр Алексеевич тихим своим голосом, которого он никогда не повышает, подает реплику:

— У Якова Воробьева можно.

— А кто это? Я что-то не слышал о таком секретаре у нас.

— Он не у нас. Он в романе, — говорит, улыбаясь, Казаков и обращается уже к членам парткома: — Я тут недавно новый роман прочитал. «Дни нашей жизни» называется. Хорошая, по-моему, книга и особенно для партийного актива полезная. Там о заводских коммунистах много говорится. Вот мы постоянно жалуемся, что у нас семинары секретарей проходят скучно. А давайте-ка попробуем провести семинар по этому роману. Пусть кто-нибудь из секретарей сделает доклад о партийных собраниях, сравнит наши собрания с тем, которое описано в романе. Другой пусть проанализирует опыт Якова Воробьева и сопоставит со своим опытом. Третий расскажет об авангардной роли коммунистов — наших и тех, что в романе.

Партком принял предложение Казакова. Такой семинар готовится: книга идет по рукам. Семинар этот будет необычным. И общезаводское партийное собрание, которое состоялось в декабре прошлого года, тоже было необычным. О нем до сих пор говорят.

Тогда пропагандист Валентина Андреевна Миролюбова сообщила парткому о пожелании, высказанном слушателями кружка по философии, который она ведет: вынести на обсуждение партийного собрания теоретический вопрос. Партком пошел навстречу этому пожеланию и назначил собрание с такой повесткой дня: «Марксистский диалектический метод — боевое оружие коммунистов». Докладчиком утвердили Миролюбову.

Говорили на собрании о борьбе между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся. Из области отвлеченных понятий переходили на почву действительности. Говорили о том, что в цехах, при высокой общей технической оснащенности завода, еще немало кустарщины. Говорили о косности некоторых руководителей, не замечающих ростков нового, называли фамилии.

И резолюция, принятая этим собранием, на повестке которого стоял теоретический вопрос, была конкретная, деловая.

Так и сейчас: изучая в кружках материалы XIX съезда партии, коммунисты тут же обсуждают свою работу и критически оценивают ее...

Член парткома Исрафил Самедов (справа) поздравляет Ильтифат Алиеву со вступлением в ряды партии. В центре — ветеран завода Федор Андреевич Грехов.

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

Из членов парткома самый молодой по возрасту — это его секретарь, парторг ЦК КПСС на заводе Мамед Ага Мамедов. Ему 27 лет. Он родился в тот год, когда другой член парткома, Иван Алексеевич Щелконогов, нынешний директор завода, а в ту пору слесарь, вступил в партию.

Биография Мамедова, сына бакинского портового грузчика, может быть изложена очень коротко: школьник — студент — инженер. И его общественный путь тоже определяется четкими вехами: председатель совета пионерского отряда имени Павлика Морозова — член факультетского бюро комсомола — секретарь цеховой партийной организации — секретарь парткома.

На нефтеперерабатывающий завод имени Сталина Мамед Ага пришел не случайно. Он проходил здесь преддипломную практику. Его работой над дипломом руководил профессор Кулиев. Ученый вел опыты, изыскивая способы, которые улучшили бы свойства некоторых смазочных масел. К своим опытам профессор привлек студента, а когда тот защитил дипломный проект, рекомендовал его на завод в качестве оператора опытной установки. Потом Мамедов стал начальником этой установки. Опыты были успешно завершены, и молодому инженеру вместе с профессором и другими исследователями была присуждена Сталинская премия.

Секретарем парткома Мамедов третий год. Сейчас он с улыбкой вспоминает то первое утро после заседания парткома, на котором его избрали секретарем. Он пришел в кабинет, сел за стол и, честно говоря, не знал, с чего начать. Вынул из ящика папку с протоколами, стал перелистывать, просматривать. В дверь постучали.

— Прошу, — сказал Мамедов.

В комнату вошел старый Фейзулла Абдулаев. Мамедов встречал его на партийных собраниях, знал, что он коммунист с девятнадцатого года.

Набив табаком трубочку и посасывая ее незажженной, старик некоторое время сидел

молча, потом пристально вгляделся в Мамедова и сказал:

— Ты совсем молодой, Мамед Ага. На собрании, когда тебя выбирали, я сидел далеко, и ты казался мне старше. Я стал глуховат и плохо слышал тебя, когда ты рассказывал нам свою жизнь. Сколько тебе лет, Мамед Ага?

— Двадцать пять.

— О,— сказал старый Фейзулла,— ты родился в один год с моим сыном Октаем. Ты не слыхал про него? Он доктор, лечит людям сердца... Ты на три года старше моей дочери Зибейды. Она, как и ты, инженер, но пока без такой высокой награды, как у тебя. Она замужем за храбрым человеком, Героем Советского Союза. Ты на пять лет старше моего сына Тофика. Он военный моряк. Вот этот китель с медными пуговицами, которые кажутся золотыми, подарил мне мой Тофик... Ты на семь лет старше моей дочери Рукии. Она идет по стопам Октая. Доктором будет... Но ты уже подумал, что я старый болтун. Не буду утомлять тебя, потому что я должен был бы перечесть еще шестерых. В моем доме не бывает тишины! Я прошу тебя, Мамед Ага, посетить мой дом. Я прошу тебя придти сегодня вечером, после того, как ты закончишь чтение этих важных бумаг. У меня соберутся мои старые друзья. Когда ты проходишь по заводу, ты, наверно, встречаешь их и удивляешься, как седы их головы, как морщинисты их лица! Но души у них не знают седины, сердца не покрыты морщинами. Мы ждем тебя, Мамед Ага!

Вот с этого разговора, с вечера, проведенного Мамедовым в кругу стариков, началась дружба секретаря парткома со славной гвардией заводских ветеранов. Он постоянно советуется с ними, часто приглашает в партийный комитет. Да они и без приглашения приходят...

Звонят из механического цеха.

— Товарищ Мамедов, у нас редчайшая находка!

— Что такое?

— Сейчас принесем.

Приносят, бережно кладут на стол два свернутых в трубочки листка.

— Разбирали токарный станок. Нашли под фундаментом.

Листки настолько промаслились, что стали как пергаментные. Мамедов осторожно развертывает один. Буквы видны отчетливо.

«Объединимтесь, — читает Мамедов, — в дружную рабочую партию и общими силами освободим Россию от самого вредного и самого опасного врага нашего — самодержавного правительства, этой пиявки, столько веков сосущей народную кровь...»

Большевистская листовка, изданная Бакинским комитетом РСДРП...

Весть о находке распространяется по заводу. В партком спешат старики.

Пришел Фейзулла Абдуллаев.

Пришел Федор Андреевич Грехов. Он на заводе пятьдесят семь лет. Помнит июльскую забастовку 1903 года. Помнит декабрьскую стачку 1904 года, организованную товарищем Сталиным. Помнит похороны убитого полицейскими большевика-нефтяника Ханлара. Товарищ Сталин превратил похороны в могучую демонстрацию бакинского пролетариата. Грехов был на этих похоронах, слышал пламенную речь вождя.

Пришел Абдул Али Рза, старейший агитатор, которого так любят слушать комсомольцы. Увидел листовку и сразу принялся переписывать в заветную свою книжечку, куда заносит все, что может пригодиться для беседы.

— Она вся у меня в памяти,— говорит Грехов.— Полвека прошло, а не забыл.

Сказал и задумался. Все задумались: вспомнилось былое.

— Молодежи надо показать...

— Товарищ Мамедов, предлагаю провести в воскресенье экскурсию по памятным местам Баку. Экскурсовода можно не брать. Я не хуже расскажу.

— Надо бы организовать вечер старого и молодого поколения. Прежде бывали такие вечера. Славно получалось.

И долго не расходятся из кабинета секретаря парткома разволновавшиеся ветераны.

Баку. Март 1953 года.

Интервью «Огонька»

ДЛЯ СОВЕТСКИХ ХЛОПКОРОБОВ

Президент Узбекской академии наук
Т. З. ЗАХИДОВ

Хлопок! Это слово в Узбекистане у всех на устах. Оно едва ли не первое, которое узнают там дети.

Узбекистан — республика хлопка. Если бы существовал обычай указывать на бумажных тканях родину волокна, то на большинстве изделий стояла бы марка: «Выращено в Узбекистане».

В 1953 году здесь вырастят хлопка в два раза больше, чем собирают в Египте — древней колыбели этой культуры, в полтора раза больше, чем в Бразилии. А новые сорта, выведенные узбекскими селекционерами, несравненно лучше прославленных египетских.

Исстари хлопок называли «белым золотом». Такое название сейчас уже недостаточно. Белая пена полей то тут, то там сменяется розовой, зеленой, коричневой. Это узбекские колхозники успешно ведут опыты по выращиванию цветного хлопка. Одновременно создается новый сорт хлопка — шерстистый, волокно которого сможет заменить волокна шерсти.

В годы пятой пятилетки валовой урожай хлопка-сырца увеличится на 55—65 процентов. Эта ясная задача, поставленная советским правительством перед нашим народом, может быть успешно решена лишь соединенными усилиями науки и практики — хлопкоробов и ученых, рабочих и конструкторов.

Увеличение производства хлопка должно идти двумя путями: это — повышение урожайности за счет усовершенствованной агротехники и новейших достижений мичуринской науки и увеличение посевных площадей.

В республике немало пустынь и иссушенных, растрескавшихся земель, на которых к концу мая выгорает все до последней травинки. Здесь масса солнца и минимум осадков. В некоторых местностях за год выпадает осадков не больше, чем за один хороший дождь в Подмосковье. Хлопководство в Узбекистане возможно только на орошаемых землях.

Нет нужды доказывать значение воды в преобразовании природы. И особенно у нас, в Средней Азии, где люди говорят: «Не родит земля, а родит вода».

Однако приход воды в пустыню не означает еще ее покорения. Важно не только провести воду, но и удержать ее в песчаном «решете», не дать выпить ее бездонным пескам, поглотившим не одну древнюю реку. «Сделать пески водонепроницаемыми» — так лаконично сформулирована эта на первый взгляд неразрешимая задача.

Исследователи пустыни развеяли представление о ней как об однообразном песчаном массиве. Сплошь и рядом пески сменяют глинистые наслоения — такыры. Они так тверды, что воды удерживаются ими, словно на цементированном дне. Русла древних, иссякших рек тоже оказались в основном «облицованными» таким глинистым покровом. Ученые предложили использовать эти естественные образования. Там, где такыров нет, ученые считают возможным склеивать песок при помощи глинистых растворов, методом, «подсмотренным» у природы.

Вода сама по себе еще не может превратить пустыню в цветущие поля. Без вмешательства человека на этих полях не раскроются коробочки хлопка, не вырастет пшеница.

Вода, когда она придет в пустыню, попадет на самые различные почвы. Здесь и барханные пески, нашедшие раздолье там, где человек в поисках топлива нещадно истребил саксаул; здесь и голые такыры, такие гладкие, будто их укатали тяжелым катком; здесь и поросшие злаками, осоками и саксаулом пески; здесь и прекрасные плодородные земли, которым не хватает лишь влаги. Перед учеными встает проблема освоения каждого типа почв.

Теперь почвоведам уже ясно, что на такырах тоже могут развиваться растения. Переделав их структуру, добавив перегноя гумуса, оросив водой, с них можно собирать обильную жатву. Есть опытные станции, где такыры постепенно превращаются в плодоносные почвы, с которых уже собран первый урожай люцерны — предшественницы хлопчатника.

Земли Центральной Ферганы, расположенные на дне огромной котловины, куда стекают воды с окрестных гор, заболочены и засолены. Сделать эти земли вновь пригодными для хлопководства — осушить и избавить их от излишка солей — вот еще одна важнейшая проблема.

На отвоеванных у пустыни землях, на полях, спасенных от заболачивания и засоления, будет созревать невиданный урожай. Но в Узбекистане количество выращенного хлопка принято подсчитывать после того, как он собран. Сбор хлопка — самая страдная пора. Затянуть уборку — отпадут белые хлопья, сорванные дыханием остывшего осеннего воздуха; провести его недостаточно тщательно — и миллионы метров ткани недополучит страна. Если на каждом кусте хлопчатника оставить хотя бы по одной коробочке — это составит около трех центнеров хлопка на гектар,— потеряны будут тысячи метров бельевой ткани. Помноженные на сотни тысяч гектаров хлопковых полей, потери составят огромные цифры. Надо механизировать процессы уборки! В решении этой проблемы участвовали агробиологи и конструкторы, химики и почвоведы, климатологи и ботаники. Успех всех этих ученых приближал победу — создание хлопкоуборочной машины.

Машина не имеет глаз, она захватывает все, что попадает в сферу ее действия. Наряду с белым хлопком машина соберет и ненужные листья, которые усложнят очистку. Перед агробиологами была поставлена задача — вывести сорт, у которого коробочки располагаются примерно на одинаковой высоте, а самый кустарник должен быть стройным, как маленький тополь. И, несмотря на всю сложность поставленных условий, такие сорта хлопчатника выведены.

Химики должны были найти средства не только для борьбы с вредителями и болезнями хлопчатника, но и для того, чтобы непосредственно перед уборкой лишить его листвы. И средство, от которого опадает лист, а коробочка сохраняется, было создано.

Теперь и конструкторы справились с поставленной задачей. На полях появились хлопкоуборочные машины, каждая из которых заменяет труд сорока и больше человек.

В будущем неузнаваемо изменится пейзаж. Пересекая на быстрокрылом самолете территорию Узбекской Советской Социалистической Республики, можно будет насладиться видом цветущей земли: массивами хлопковых полей, посевов, пастбищ, садов...

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ В. И. ЛЕНИНА. Рабочий кабинет Владимира Ильича Ленина в Кремле (копия).

Фото Я. Юровского.

В парке Дома-музея В. И. Ленина в Горках.

Фото Л. Фаянса.

ВРУЧЕНИЕ ВЕРИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ

3 апреля Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Китайской Народной Республике В. В. Кузнецов вручил свои верительные грамоты Председателю Центрального народного правительства КНР Мао Цзэ-дуну.

«Великая нерушимая дружба и союз между нашими странами,— сказал В. В. Кузнецов,— не только служат интересам советского и китайского народов, но и являются прочной опорой мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире».

В ответной речи Председатель Мао Цзэ-дун выразил уверенность, что беспредельные и неисчерпаемые силы, рожденные советско-китайской дружбой, «непременно сыграют ни с чем не сравнимую великую роль в деле сохранения мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире».

На снимке: Мао Цзэ-дун и В. В. Кузнецов беседуют после вручения верительных грамот.

Фото агентства Синьхуа (принято по фототелеграфу).

Новатор учит молодежь

Утром в пролете мастерских показался директор ремесленного училища Иван Васильевич Корзинкин. Он был не один. Рядом с ним шел коренастый мужчина, державший в руках набор резцов необычной конфигурации.

Директор и его спутник остановились у токарного станка, и сразу вокруг них собралась молодежь (см. вторую страницу обложки).

— Ребята! К нам пришел Василий Михайлович Бирюков,— сказал директор.

В училище уже знали, что Бирюков — токарь-новатор завода имени Сталина. Еще накануне было объявлено, что завтра он проведет первое занятие по скоростным режимам резания.

Просто и доходчиво стахановец рассказал ремесленникам о скоростных методах, ознакомил с конструкцией своего нового режущего инструмента. Ребята из рук в руки передавали необычные резцы с тупым углом.

— А теперь попробуем на деле,— сказал новатор.

И, засучив рукава, стал закреплять на станке деталь, устанавливать скоростной резец.

Ученики следили за каждым движением. Вот скорость резания превысила обычную в десять раз. Опасения, выдержит ли станок и не сломается ли резец, оказались напрасными. Василий Михайлович спокойно обрабатывал детали одну за другой, не меняя резца. Поверхность металла получалась чистая, точно отполированная. Наконец, выключив станок, он спросил:

— Ну, кто хочет меня сменить?

Никто не решался первым стать к станку,— уж больно высока была скорость!

— Не бойтесь,— сказал Бирюков.— Нужно работать так, чтобы станок чувствовал в каждом из вас уверенного хозяина.

— Разрешите мне, — попросил Вася Осипов и направился к тумбочке, на которой лежали резцы Бирюкова.

Вася Осипов с первого же дня добился крупного успеха. Он перевыполнил норму в четыре раза. Настойчиво продолжая осваивать скоростные приемы Бирюкова, ремесленник постепенно довел дневную выработку до семисот сорока процентов нормы! После этого многие пожелали испробовать резцы новатора.

Так возникла дружба Бирюкова с будущими металлистами. В мастерских училища, в цехах завода, где они проходят стажировку, и по окончании учебы стахановец-новатор помогает им овладевать высокими скоростями резания металла.

На каждом токарном участке Ленинградского металлического завода имени Сталина можно встретить немало скоростников, прошедших замечательную выучку у лауреата Сталинской премии Василия Михайловича Бирюкова.

М. ПЕТРОВ

Весна в Каховке

В низовьях Днепра уже давно открылась навигация. Вместе с первыми пароходами, с груженными баржами пришла в Новую Каховку весна. Третья весна великой днепровской стройки!

Василий Демченко.

«Старожилы» города — а городу еще нет и двух лет — с гордостью вспоминают, как весной 1951 года здесь, среди песчаных кучугуров, поднялись первые домики... А теперь Новая Каховка — это уже большой город. Он растет и ширится.

Усилия строителей сосредоточены ныне на основных гидротехнических сооружениях. Этим и знаменательна третья каховская весна.

С высокого берега открывается величественная панорама строительной площадки. От натиска весенних вод она ограждена земляными дамбами. Впервые за тысячи лет Днепру преграждена дорога в пойму. Каждая из дамб достигает шести метров высоты и тянется на километр в длину.

Фронтом к Днепру, вдоль течения, поднялась шпунтовая перемычка. Эта стальная стена протянулась от низовой земляной перемычки до верховой. Таким образом, чтобы защитить строительную площадку от паводка, сомкнулись в виде гигантской литеры «П» все три высоких вала.

Все минувшее лето и всю зиму шла напряженная работа по сооружению шпунтовой перемычки. Для нее понадобилось свыше восьми тысяч тонн шпунтов. Особенно напряженными были мартовские дни. Приближающаяся весна сжала все сроки и графики. Бригады шпунтовиков, крановщиков, электросварщиков за одни сутки выполняли по три нормы.

* * *

Вот котлован судоходного шлюза. Вокруг него тянутся трубы, трубы... Вакуумные и эжекторные иглофильтры отводят грунтовые воды. Экскаваторы зачищают дно и откосы котлована.

30 марта, ясный, солнечный день, навсегда запомнят строители Каховской ГЭС. В этот день был уложен первый бетон в основные сооружения гидроузла. Первая бадья бетона легла в котлован судоходного шлюза (фото справа).

Высокая честь начать закладку «большого бетона» выпала одному из лучших стахановцев стройки, бригадиру бетонщиков, коммунисту Василию Демченко.

В бетонную массу навечно замурована стальная плита с надписью:

«Первый бетон К.Г.Э.С. уложен в марте 1953 года».

А на обороте плиты запечатлена историческая дата:

«Сооружается по решению Совета Министров СССР от 21 сентября 1950 г.».

В летописи великой стройки начата новая страница.

М. СЕМЕНОВ

Фото Я. Давидзона.

Дневник ОГОНЬКА

ОТ ИМЕНИ НАРОДА

В пятницу, 10 апреля, на московском заводе «Каучук» стало известно, что завтра в Кремле будут вручены ордена и медали большой группе рабочих и инженеров за выслугу лет.

Радостное сообщение переживали не только награжденные, но и их друзья, товарищи, руководители предприятия. Это было счастливое событие в жизни всего коллектива.

Кто же они, эти люди, награждение которых отмечал весь завод?

Старейшая наладчица, инструктор Татьяна Павловна Лошак, безупречно проработавшая на заводе более двадцати лет. Слесарь Петр Иванович Морозов; он изобрел недавно свою, «морозовскую», машину, которая намного повысит производительность труда. Сестры Зинаида Родионовна Серебрякова, начальник смены, и Софья Родионовна Князева, инженер-нормировщик, выросшие вместе с заводом, и многие другие заслуженные кадровые работники «Каучука».

В эту пятницу жизнь в цехах шла своим чередом. И все же день был необычный. В обеденный перерыв девушки-клейщицы, узнав, что Елена Викентьевна Пакуль, начальник цеха, награжденная орденом Ленина, завтра поедет в Кремль, окружили ее и горячо поздравляли. Маруся Брызгина, маленькая живая девушка, многим обязанная начальнику цеха, обняла и расцеловала Елену Викентьевну.

Мастеру Василию Ивановичу Плынину 69 лет. Он начал свой трудовой путь более полувека назад на фабрике французского капиталиста. Вместе со своим учеником и напарником Николаем Степановичем Меркешкиным Плынин был занят в этот день ремонтом конвейера.

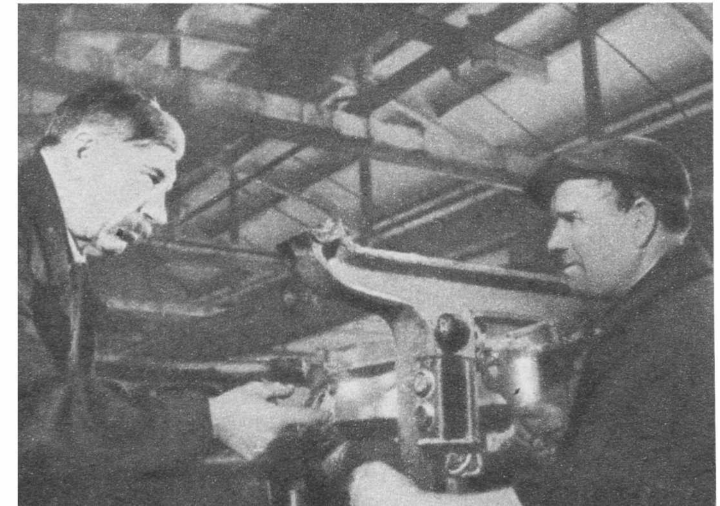

Е. В. Пакуль выступает в Кремле после получения ордена. Слева от К. Е. Ворошилова — секретарь Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Пегов.

В обеденный перерыв работницы окружили начальника цеха Е. В. Пакуль.

Слесари В. И. Плынин и Н. С. Меркешкин.

— Так завтра в Кремль, Василий Иванович? — спрашивает Меркешкин.

— Да, завтра, Николай Степанович.

И они улыбаются друг другу.

С волнением ждали большого дня и в семьях награжденных.

— Ну, мать, завтра вручают,— сказал жене Петр Иванович Морозов, вернувшись с работы; даже четырехлетний внук почувствовал, что дома готовятся к чему-то торжественному.

На следующий день, к 12 часам, рабочие, мастера, инженеры завода «Каучук» приехали на Красную площадь. Вместе с ними мы входим в Большой Кремлевский дворец. Поднимаемся по широкой, устланной коврами лестнице на второй этаж и входим в Георгиевский зал. Здесь собрались рабочие, инженеры, техники других московских предприятий химической промышленности, инженерно-технические работники аппарата Министерства химической промышленности СССР, сотрудники центральных финансовых органов, медицинские работники.

Недалеко от первого ряда кресел, где усаживаются уже знакомые нам труженики «Каучука», стоит массивный письменный стол с двумя микрофонами. Рядом стол поменьше. На нем красные коробочки с орденами и медалями.

Ровно в 13 часов Председатель Президиума Верховного Совета СССР Климент Ефремович Ворошилов в сопровождении секретаря Президиума Николая Михайловича Пегова входит в зал.

Все присутствующие встают и сердечно приветствуют Климента Ефремовича Ворошилова.

Н. М. Пегов подходит к микрофону и зачитывает Указ:

— За выслугу лет и безупречную работу Указом Президиума Верховного Совета СССР награждены рабочие ведущих профессий, мастера, руководящие и инженерно-технические работники московских заводов...

Старые рабочие подходят к Клименту Ефремовичу. Люди с волнением принимают высокие награды, внимательно вслушиваются в сердечные слова, с которыми К. Е. Ворошилов обращается к ним, горячо благодарят за высокую оценку их труда.

Поднимается со своего места и направляется к товарищу Ворошилову слесарь Петр Иванович Морозов. Он получает орден Ленина, рассматривает его, и видно, как дрожат губы старого рабочего.

— Поздравляю вас, товарищ Морозов,— говорит Климент Ефремович. Товарищ Ворошилов смотрит на орденские планки слесаря и с улыбкой говорит: — Я надеюсь, работать вы будете еще лучше, а наград получите еще больше.

— Обязательно, товарищ Ворошилов, обязательно так и будет!

Василий Иванович Плынин тоже получает орден Ленина за безупречную долголетнюю работу.

— План выполняете? — спрашивает товарищ Ворошилов.

— А как же, Климент Ефремович! Даже намного перевыполняем.

— Правительство награждает вас от имени народа,— говорит товарищ Ворошилов.

И хотя Василий Иванович никогда в армии не служил, он отвечает по-военному:

— Служу Советскому Союзу!

В первом ряду среди своих друзей сидит пожилая работница завода «Каучук» Татьяна Павловна Лошак. На ее груди орден Трудового Красного Знамени. Сейчас рядом с ним засверкает орден Ленина. Вот называют ее фамилию.

— С удовольствием вручаю вам, Татьяна Павловна, орден Ленина.

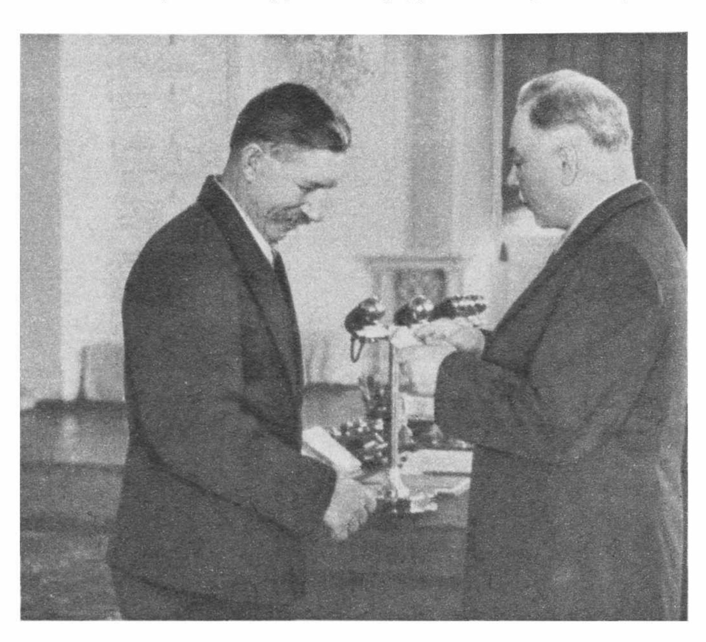
— Спасибо, Климент Ефремович! Спасибо! Желаю вам доброго здоровья.

— И вам доброго здоровья,— отвечает Климент Ефремович.— И новых успехов в работе,— добавляет он.

Поздравляя с получением ордена Меркешкина, участника гражданской войны,

К. Е. Ворошилов вручает награду Н. С. Меркешкину.

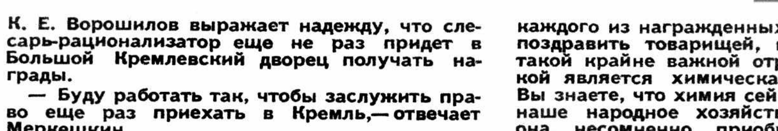

К. Е. Ворошилов вручает награду В. И. Плынину.

Георгиевский зал, 11 апреля 1953 года.

Фото Дм. Бальтерманца и В. Мусинова.

К. Е. Ворошилов выражает надежду, что слесарь-рационализатор еще не раз придет в Большой Кремлевский дворец получать награды.

— Буду работать так, чтобы заслужить право еще раз приехать в Кремль,— отвечает Меркешкин.

Получив награду, начальник цеха Елена Викентьевна Пакуль просит разрешения сказать несколько слов.

— Пожалуйста,— отвечает Климент Ефремович, приглашая ее к микрофону.

— Товарищи! — обращается она к сидящим в зале.— С большим нетерпением мы ждали сегодняшнего дня, этих торжественных и счастливых минут. Правительственные награды делают нас сильнее, увереннее, тверже. Только в нашей стране труд стал делом чести, делом доблести и геройства. Народ наш славит Отечество. Славит своим трудом, большими делами. Посмотрите, товарищи, что́ вокруг делается! Сколько строек больших и малых, сколько новых жилых домов и клубов, новых заводов и фабрик, новых замечательных машин! Разве можно это выразить словами? Разрешите заверить нашу Коммунистическую партию, Советское правительство, что мы будем достойны высокой награды и отдадим все силы Родине.

Вручив ордена и медали другим награжденным, товарищ К. Е. Ворошилов обращается к ним с речью:

— Наш народ, Коммунистическая партия и правительство любят, ценят и награждают лучших сынов и дочерей народа. Знак награды — ордена и медали — означает, что человек, который его носит, это тот, кто работает честно и самоотверженно, кто активно участвует в строительстве нового, коммунистического общества, кто отдает свой благородный труд всему советскому обществу, будущему нашему поколению, в конечном счете, всему человечеству.

С большой радостью я приветствовал здесь каждого из награжденных. Мне хочется особо поздравить товарищей, которые трудятся в такой крайне важной отрасли хозяйства, какой является химическая промышленность. Вы знаете, что химия сейчас пронизывает все наше народное хозяйство, а в дальнейшем она, несомненно, приобретет еще большее значение не только в нашем хозяйстве, но и в культуре и быту.

Товарищ К. Е. Ворошилов говорит далее о том, что сегодня советский человек служит примером для миллионов тружеников за рубежом нашей страны — в великом Китае, в странах народной демократии. Он еще раз сердечно поздравляет рабочих, работниц, инженеров, техников, врачей, весь славный коллектив, который здесь присутствует, и, улыбаясь, приглашает приезжать в Кремль с новыми успехами в строительстве коммунизма.

☆ ☆ ☆

Помолодевшими и окрыленными покидали Кремль рабочие московских заводов химической промышленности.

— Памятный день! — говорит Татьяна Павловна Лошак.

— На всю жизнь запомнится!— замечает Елена Викентьевна Пакуль.

Когда Василий Иванович Плынин пришел домой, его ожидали здесь сыновья, дочери, внуки. Долго и подробно рассказывал им старый рабочий о встрече в Кремле.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Радостно встретили дома В. И. Плынина, когда он вернулся из Кремля.

На хлопковых полях

Колхозы и совхозы Узбекистана приступили к массовому севу хлопчатника. Образцово провести сев, получить дружные и полноценные всходы — таковы основные обязательства, взятые хлопкоробами в предмайском соревновании. Многотысячная армия трактористов, механиков, агрономов вместе с хлопкоробами держит серьезный экзамен. Коллективы МТС работают в тесной связи с полеводческими бригадами.

Повышенные обязательства приняли на себя колхозники сельхозартели «Кзыл Узбекистан», Орджоникидзевского района, Ташкентской области. Бригадир Джумабай Ахмедов обязался собрать с каждого гектара по 50 центнеров хлопка.

На снимке: сев хлопчатника в колхозе «Кзыл Узбекистан».

Фото Г. Графкина.

Озеленение столицы

Наступила весна. Не так уж далеко время, когда прохожие увидят в центре Москвы бело-розовые лепестки яблонь. На Пушкинской площади, у памятника А. М. Горькому, на Болотной площади начнется цветение яблонь. Совсем недавно были проведены первые посадки плодоносящих деревьев в столице, а в этом году зеленые «новоселы» — яблони, груши, вишни,— которые прибыли сюда из подмосковных колхозов и питомников, должны дать плоды.

Подрезка двадцатилетних лип, высаженных осенью на набережной М. Горького.
Фото Э. Евзерихина (ТАСС).

Большие работы по озеленению будут проведены в нынешнем году. Свыше полутора миллионов кустарников, около трехсот тысяч деревьев намечено посадить весной и осенью. С первой капелью на бульвары вышли садовники. На распланировке скверов и площадей работают бульдозеры, на местах посадок — экскаваторы и подъемные краны.

Новые насаждения появятся на шоссе Энтузиастов, Хорошевском и Воробьевском шоссе, Верхней Красносельской улице, Бутырском валу, Тверских-Ямских улицах, на школьных и больничных участках, в садах и парках.

В 1953 году намечено завершить озеленение территории нового здания МГУ, на Ленинских горах. Десятки тысяч деревьев различных пород, сотни тысяч кустарников, фонтаны, аллеи, благоухающие цветники окружат высокий дворец науки.

Остролистные клены, бальзамические и китайские тополи, могучие дубы, стройная береза, тонкая рябина, душистые черемуха и сирень, каштаны, амурский бархат, обыкновенные и голубые ели, барбарис, бересклет, жимолость, жасмины, золотистая смородина сделают Москву еще наряднее.

Богато будет цветочное оформление города. Пышным ковром покроются скверы и бульвары. Десятки миллионов различных цветов: виолы, незабудки, маргаритки, левкои, астры, циннии, георгины, флоксы, канны, гладиолусы — раскроют бутоны и напоят воздух тонким, нежным ароматом. Особенно интересен будет цветочный наряд Центрального парка культуры и отдыха, где намечено создать большой розарий.

П. КОРЖ

Новые корпуса детских больниц

— За все сорок лет моей работы в больнице у нас не было такого важного события!

Это говорит нам главный врач Московской детской клинической больницы имени Русакова Виктор Алексеевич Кружков. Мы осматриваем огромный пятиэтажный корпус, только что вступивший в строй и представляющий резкий контраст с небольшими зданиями больницы, построенными еще три четверти века назад.

Виктор Алексеевич пришел в больницу молодым врачом, только что окончившим университет, в качестве ординатора-хирурга. Здесь провел он четыре десятилетия, посвятив себя детской хирургии. Эта скромная некогда больница в советские годы превратилась в одно из крупнейших детских лечебных учреждений, а Кружков стал ее главным врачом.

В новом корпусе разместились хирургические отделения, в которых раньше ощущалась немалая нужда. Оснащены они самой современной аппаратурой.

Лифт поднял нас в верхний этаж. Мы очутились в светлой, просторной операционной. С потолка свисает огромная никелированная лампа, дающая ровный сильный свет. Это последняя новинка советской медицинской промышленности. Достоинство лампы в том, что она не отбрасывает теней на стол и этим облегчает работу хирурга...

Широкие коридоры уставлены мягкой мебелью. В небольших опрятных палатах лежат маленькие пациенты. Больные, которым приходится делать перевязки, лежат на кроватях с колесами, и их, не подымая с постели, доставляют в перевязочную.

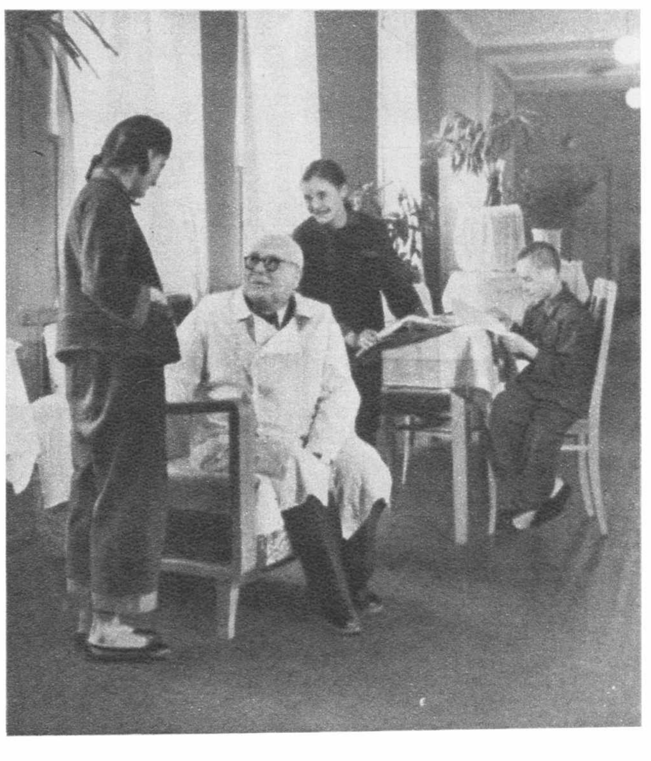
Всюду царила тишина, свойственная лечебным учреждениям. Только в столовой мы услыхали веселые детские голоса и, открыв дверь, увидели малышей на маленьких стульчиках за низкими столами.

— Наши пациенты, — говорит главный врач,— дети от грудного возраста до 12—13 лет.

В новом пятиэтажном корпусе лечатся двести тридцать детей.

Такие же детские корпуса вступают в строй еще в четырех столичных больницах.

Я. ЯКОВЛЕВ

Главный врач В. А. Кружков в холле хирургического отделения нового корпуса.
Фото С. Фридлянда.

Воспитатель учителей

Федор Иванович Глазков среди своих бывших учеников — ныне педагогов школы имени Ворошилова.
Фото Н. Капелюша.

Тысячам юношей и девушек дал «путевку в жизнь» старый учитель Федор Иванович Глазков за долгие годы, которые он посвятил обучению детей. Более сорока лет тому назад приехал Ф. И. Глазков в уездный город Арзамас и с тех пор безвыездно учительствует здесь. Теперь в средней школе имени Ворошилова, где Федор Иванович заведует учебной частью, среди нескольких десятков учителей восемнадцать его бывших учениц и учеников. В арзамасской школе имени Пушкина также учительствуют пять его бывших воспитанников. Многие питомцы Федора Ивановича преподают в школах Арзамасского и других районов Горьковской области.

Здесь, в Арзамасе, у Федора Ивановича учился Аркадий Голиков — детский писатель Аркадий Гайдар.

В адрес заслуженного учителя школы РСФСР приходят письма со всех концов Советской страны. Ф. И. Глазкову пишут учителя и инженеры, врачи и офицеры, партийные и советские работники, в свое время учившиеся у него.

И. ОСИПОВ

Второй фестиваль

К показу чехословацких фильмов

Комфортабельный пассажирский самолет совершает свой обычный рейс Острава—Прага. Внезапно в кабине управления завязывается жестокая борьба. Пилот и радист оказываются связанными, самолет меняет курс и приземляется на одном из аэродромов в Западной Германии. Таково начало новой кинокартины «Похищение»[1], представленной на фестивале чехословацких фильмов в Советском Союзе. Скупыми, но яркими красками передавая атмосферу, царящую в западной зоне,— возрождение эсэсовских отрядов, пропаганду расовой ненависти, полнейший упадок культуры,— авторы картины с большой убедительностью разоблачают тот мир, где, по словам одного из героев фильма, «ложь выдается за правду, насилие — за свободу, циничное презрение к человеку — за цивилизацию».

Киноповесть «Похищение» — значительное и интересное произведение. «Примером для нас,— говорит один из авторов кинокартины, Э. Клос,— служит, в первую очередь, фильм «Секретная миссия», многому нас научил и фильм «Встреча на Эльбе».

«Основой для создания этого фильма послужило подлинное событие, происшедшее весной 1950 года» — эта вступительная надпись, свидетельствующая о стремлении авторов к достоверности и актуальности, с успехом может быть отнесена ко многим произведениям чехословацкого киноискусства.

Кинематография, рожденная в дни освобождения Чехословакии Советской Армией, стремится отразить героику борьбы с фашизмом. Этому посвящены кинокартины «Немая баррикада» и «Западня». В основу фильма «Немая баррикада» (режиссер — Отакар Вавра) положены новеллы чехословацкого писателя Яна Дрды. Простым, выразительным и образным языком фильм говорит об исторических событиях освобождения Праги в 1945 году. Перед зрителем проходит галерея образов патриотов — защитников Праги. Тема сплочения народа вокруг коммунистической партии в дни борьбы с фашистскими оккупантами раскрывается в кинокартине «Западня».

Первый чехословацкий цветной фильм «Ян Рогач» рассказывает о народно-освободительном движении последователей Яна Гуса и Яна Жижки против феодалов в XV веке. Ярко обрисован актером О. Карбеларжем образ чешского полководца Яна Рогача. Фильм интересен масштабным и темпераментным построением батальных сцен, стремлением к правдивому воспроизведению характера изображаемой эпохи.

Большое значение в развитии чехословацкого киноискусства сыграла экранизация лучших произведений национальной литературы. Так были созданы фильмы «Тьма» по роману А. Ирасека, «Дикая Бара» по новелле Б. Немцовой, кинокартина «Встанут новые бойцы» по роману президента Чехословацкой Республики Антонина Запотоцкого, мультипликация «Король Лавра» по сатире К. Гавличка-Боровского.

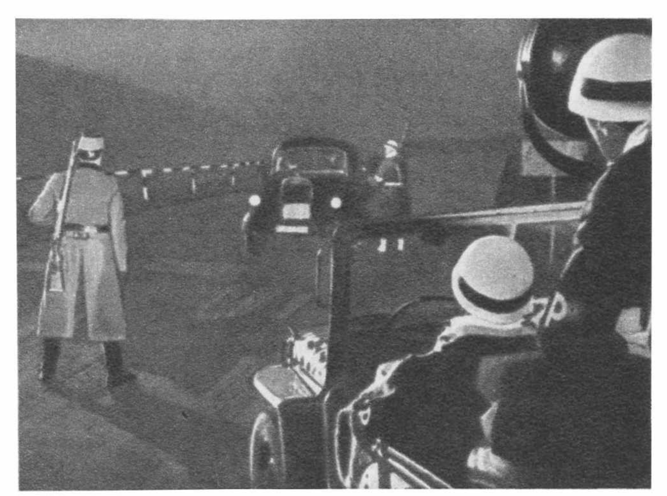
Революционная борьба чешского народа отражена в фильме «Закаленные» (режиссер — М. Фрич). Фильм воспроизводит события на заводе «Карлова Гуть» в 1931 году — борьбу рабочих, сплотившихся вокруг коммунистической партии, против реакционной буржуазии. Яркие образы рабочих-коммунистов создали артисты О. Лукеш и Б. Градил. Особенно удачен образ Марии в исполнении Я. Дитетовой, молодой талантливой исполнительницы.

Многообразна тематика чехословацких фильмов, но главная задача киноработников Чехословакии — создание фильмов о современности, о людях, строящих социализм. В этом отношении интересен фильм «Плотина» режиссера П. Биелика. Борьба нового со старым, перемены в жизни словацкой деревни — таково содержание этой картины.

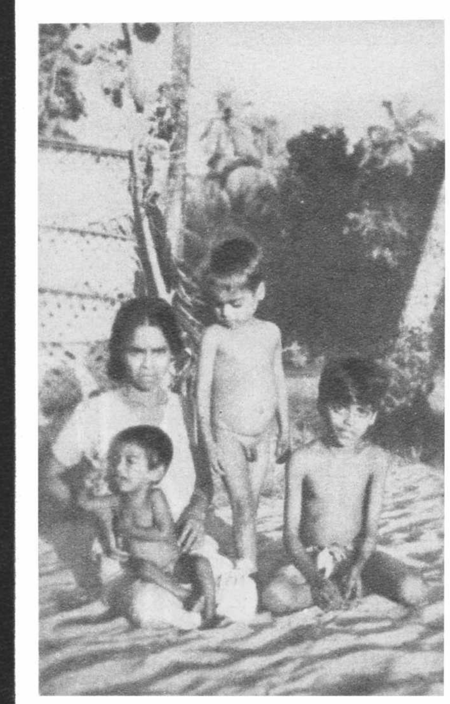
О мирной жизни, о труде на благо народно-демократической Чехословакии рассказывает кинокартина «Завтра будут танцевать всюду». Этот фильм, так же как «Похищение», впервые демонстрируется на экранах Советского Союза. Фильм был задуман чехословацким режиссером лауреатом Сталинской премии В. Влчеком при участии писателя П. Павленко. Картины свободного, радостного труда, показ неисчерпаемых богатств народного искусства — главное достоинство этого произведения. Молодежь Чехословакии уверенно смотрит в будущее, убеждают нас кадры этого фильма, созидательным трудом она вкладывает свою долю в дело борьбы за мир.

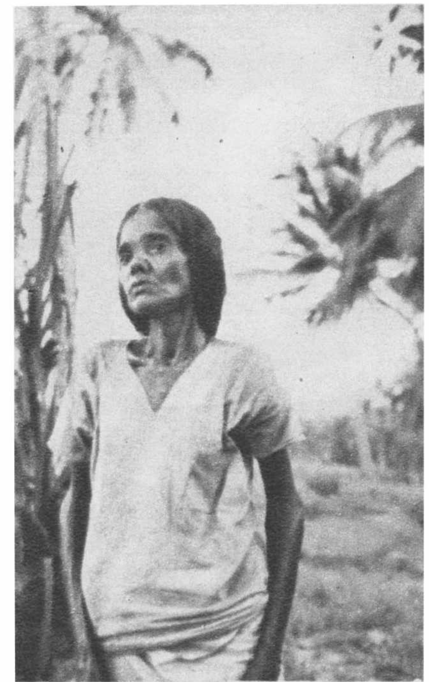
Т. ЮРЕНЕВА

[1] Режиссеры — Я. Кадар, Э. Клос. Оператор — Р. Милич. «Чехословацкий государственный фильм». Режиссер дубляжа — В. Легошин.

Кадр из чехословацкого фильма «Похищение». Полиция ищет бежавшего из заключения депутата Горвата.

ГОЛОД В ИНДИИ

А. К. ГОПАЛАН,

член ЦК Компартии Индии, депутат парламента

В апреле, как сообщила газета «Хиндустан таймс», правительство штата Бомбей объявило на голодном положении свыше двухсот деревень в районах Сатары и Биджапура. Это не первое сообщение подобного рода за последнее время.

На протяжении уже полустолетия Индия, имевшая ранее избыток продовольствия, теперь постоянно страдает от массовых голодовок. Страшный голод в Бенгалии в 1943 году унес в могилу четыре миллиона человек.

Бедствия голода распространились во многих районах страны, особенно в ее южных районах. Голод поразил провинцию Траванкор-Кочин, Малабар, некоторые части Тамилнада, Андхру, районы Рояласима, Бенгалию, отдельные части провинции Уттарпрадеш.

В береговых районах штата Траванкор-Кочин жестоко голодает более миллиона рабочих, занятых выделкой кокосового волокна. Теперь они безработные. Они распродали за бесценок все, что имели. Многим из них пришлось продать на слом даже свои жилища.

Рабочие, которые голодают и умирают сегодня,— это те самые рабочие, которые с невиданным героизмом боролись против планов подавления национально-освободительного движения в стране. Эти герои никогда не будут забыты в истории революционного движения Индии. Но сейчас они умирают от истощения.

Такая же картина наблюдается в Малабаре, где голодом охвачен район текстильщиков, известный под названием «Красный Талук». Здесь голодают рабочие и крестьяне, еще с 1936 года ведущие борьбу против феодальной эксплуатации и помещичьего землевладения. И здесь также причиной голода являются безработица и падение покупательной способности рабочих, крестьян и других слоев населения.

Неслыханный голод свирепствовал в Рояласима. Из-за отсутствия кормов произошел массовый падеж скота. Здесь целый год не было дождей и нет искусственного орошения. Пришлось вырубить погибшие апельсиновые деревья.

Страдают от недостатка продовольствия Бенгалия и другие районы страны, которые не производят достаточного количества продовольствия. То немногое, что здесь имеется, идет на черный рынок.

С 1947 года в кругах конгрессистской партии твердят, что проблему продовольствия можно легко разрешить, так как Индия-де — уже «свободная» страна. Дело дошло до утверждений, что к 1951 году страна будет якобы иметь достаточно продовольствия для удовлетворения своих нужд. Но именно в 1951 году Индии пришлось ввезти самое большое в ее истории количество продовольствия.

Пока не будут удовлетворены требования крестьян о передаче им без выкупа помещичьих земель, о долгосрочных дешевых кредитах, об освобождении от долгов, о снижении налогового бремени и повышении покупательной способности крестьян, что дало бы им возможность применять искусственные удобрения, новые машины и т. д.,— без осуществления этих мер продовольственная проблема в Индии не может быть разрешена, а голод, истощение и болезни останутся повседневным явлением. Голод будет существовать в Индии, пока английские империалисты будут контролировать экономику страны.

«Пятилетний план» и «общинные проекты» — вот два способа, которыми имеется в виду преодолеть хронический продовольственный кризис. Так называемые общинные проекты, первая очередь которых коснется 50—100 деревень, предусматривают улучшение техники обработки земли. Но они не затрагивают главного — вопроса о земельной реформе. Они не пересматривают земельных отношений, не намечают передачу земли настоящим земледельцам. Так называемый пятилетний план рассчитан исключительно на то, чтобы задержать развивающуюся борьбу крестьянства против помещичьего ярма. Эти планы и проекты будут осуществляться по согласованию с представителями американского правительства и под их руководством, ибо они являются частью американо-индийского соглашения о техническом сотрудничестве.

Курьезной чертой «пятилетнего плана» является проект создания «коллективных хозяйств» без ликвидации помещичьего землевладения. Такие хозяйства лишь превратят беднейших крестьян в батраков, лишив их даже тех жалких возможностей, которые они имеют сейчас.

Индийский народ никогда не забудет помощи, оказанной ему советским народом и народом Китая. Об этой помощи миллионы индусов поют песни, в которых воспевается истинная дружба, бескорыстная и благородная,— полная противоположность корысти и наживе, которыми руководствуются империалисты. Страны лагеря мира показывают всему человечеству пример подлинно братского отношения к индийскому народу, попавшему в беду.

ДОРОГА ДРУЖБЫ

Блага **ДИМИТРОВА**

Сажусь в поезд и, как некогда в детстве, тороплюсь занять место у окна. Но так поступаю не только я: и молодые и старики, войдя в вагон, становятся похожи на детей. Они бегут с сияющими лицами от купе к купе, толкаются, работают локтями, шутят, смеются, и каждый старается пробиться к окну.

— Хочу воспользоваться свободным днем, — говорит девушка-студентка, — и проехаться до Златицы по новой линии. В первый раз еду домой по железной дороге! — Глаза ее светятся радостью.

— Дорогу молодежи! — закричал какой-то пожилой весельчак с громоподобным голосом. — Без года шестьдесят! — добавил он, улыбаясь.

Пассажирам не верится: человек выглядит богатырем.

Он протягивает нам документ. Нагибаемся и читаем: почетный гражданин города Софии Иван Попов, народный артист, родился в 1894 году в городе Карлове.

Да ведь это один из основателей болгарского театра! С радостью и уважением уступаем старому артисту место у окна.

— Захотелось и мне посмотреть Подбалканскую линию, — говорит Попов. — И вот на старости лет решил прокатиться. Помню, — тому уж четверть века это было — в одном софийском кафе обратился ко мне Иван Грозев, тогдашний председатель торгово-промышленной палаты. «Вот погодите, — говорит он, — скоро по железной дороге до самого Карлова, вашего родного города, будете ездить». Я удивился: какой же поезд может пройти через такие горы?.. Тогда я был еще молодым, и, как видите, долгонько пришлось ждать. А сколько политиканов карьеру сделали на этой железной дороге! Все обещали!..

Этот шестидесятилетний старик — как бы живое воспоминание о мрачном прошлом. Пассажиры задумались. Да, почти полвека дурачили болгарский народ с этой железнодорожной линией, столь необходимой для страны. Перед каждыми парламентскими выборами на нее «отпускали новые кредиты». А Подбалканская долина — этот свободолюбивый край, колыбель болгарских революционеров — все оставалась оторванной от жизни родины.

...Поезд трогается. Мы в первый раз увидим из окон вагона красавицу Розовую долину, пересечем величавые хребты Балкан, проедем мимо мест, где начали свой жизненный путь многие герои и поэты, близкие болгарскому сердцу.

Ранняя весна. Утро свежее, румяное после недавних метелей. На просторной Софийской равнине — нивы, широкие, без одной межи. Снежные вершины Балкан все ближе, все величественнее, поезд несется им навстречу.

Станция Макоцево. Отсюда и начинается Подбалканская магистраль, проложенная по труднейшим местам — через Балканы и Среднюю гору. Поезд то ныряет в тоннель, то мчится над глубокими пропастями, то пробирается сквозь тенистые скалистые теснины и вновь погружается во мрак очередного тоннеля.

Еще одна смена света и темноты — и поезд останавливается у новой, сияющей чистотой станции. Вдали озаренная солнцем вершина Голубец. Там в годы борьбы с фашизмом смелый партизан Железко Колев разгромил полицейскую заставу и снабдил свой отряд оружием, боеприпасами, обмундированием. Фашисты боялись этой горы, как некогда турецкий поработитель дрожал перед легендарными хайдуцкими Балканами...

Ныне, в годы мира, не менее смелые герои ведут здесь другую борьбу — борьбу с природой во имя человека. Вот здесь, на этом месте, они штурмовали гранитную крепость горы...

Поезд проходит вдоль подпорной стены, и мы в трехкилометровом тоннеле имени Василя Коларова. Здесь каждая пядь завоевывалась с небывалым героизмом. Быть может, поезд в этот миг проходит по тому страшному месту, где боролся с обвалом славный проходчик Тодор Стоичков. Здесь советские инженеры, строители московского метро, по-братски учили болгарских строителей применять передовые методы тоннельного строительства, овладевать передовой советской техникой.

Вековые немые скалы Старой Планины словно говорили в те дни. На них высекались боевые лозунги: «На день раньше закончим линию — десять миллионов левов экономии стране!», «На месяц раньше закончим линию — сэкономим триста миллионов!»

Теперь мы проезжаем 3 километра тоннеля за 7 минут. А сколько трудовых подвигов запечатлено в нем на каждом шагу! В самом сердце легендарной горы Голубец была одержана большая трудовая победа: тоннель был закончен на 95 дней ранее срока. В тоннеле гремел тогда могучий крик «Сталин!», его словно подхватывали сами Балканы, с любовью и благодарностью повторяя имя того, кто им дал свободу и новую жизнь.

...Поезд замедляет ход и останавливается на новой станции. Златица! Город, где родился Вылко Червенков. Кругом оживленная толпа. Выходим и мы поразмяться. Старый артист жадно вдыхает свежий горный воздух и не может нарадоваться:

— Пробить такую гору — это не шутка! Что может противостоять свободному человеку, когда он трудится!..

Мы приближаемся к Living Кознице, где смыкаются Старая Планина и Средняя гора. Новый мост: шесть сводчатых его пролетов прочно стоят в кипящих водах реки Тополницы. И сразу же еще один мост — над глубоким провалом перекинута железобетонная арка длиной в 62 метра. Этот мост был построен всего за 154 дня!

Над нами стремительно поднимаются в голубое небо горные вершины, суровые и задумчивые. Вот утес Вежен, давнишний оплот партизан. Зимой он хмурится, весь закутанный в тучи, а сейчас его снеговая шапка вся искрится на солнце. Тут место лыжных состязаний. В поезд вбегает веселая молодежь с лыжами на плечах.

Поезд приближается к самому длинному тоннелю на всем Балканском полуострове — шестикилометровой Living Living Кознице. Мы видим вдали гигантский портал, сооруженный из могучих камней. С одной его стороны зияют две огромные воронки. Это усовершенствованная вентиляционная система, выведенная наружу через специальную подземную галерею. Тоннель начинается там, где не так давно проходило русло реки Тополницы. Недавно она отведена от ее векового пути на 50 метров в сторону с помощью огромной плотины, и река послушно омывает эту новую, воздвигнутую человеком искусственную скалу.

Я вспоминаю ту минуту, когда в тоннеле встретились две бригады проходчиков, пробивавшихся через гору с двух сторон. С идеальной точностью произведена сбойка тоннеля. Это произошло в самом центре горы Равнидял. Невероятным кажется, когда сидишь в поезде, бегущем по тоннелю, что над нами высится на 300 метров гора и на ней озеро, а еще выше плывут облака, отражаясь в прозрачной воде...

И снова вспоминается мне торжественный миг... Главный инженер Василь Цанов не выходил из тоннеля 20 дней. Проходчики бурят последние отверстия для взрывчатки в скале, отделяющей два участка тоннеля. И вот ровно в полночь оглушительный вой сирен разрывает горный покой. Тоннель пробит! Острый призывный клич будит гору, эхо его подхватывает с удвоенной силой. Все живое просыпается. Вереницы людей из всего Средногорья стекаются сюда. Незабываемая ночь!..

Люди в ту ночь невольно заводили речь о копривштицких патриотах, отдавших жизнь за Болгарию: Бенковском, Каблешкове, Антоне Иванове. Если бы мог разбудить их этот радостный гул сирен, если бы мог поднять их ликующий крик народа, чтобы и они порадовались плодам своей борьбы!

...Поезд бежит и бежит, змеей извивается над живописным перевалом, описывает головоломные восьмерки, поднимается все выше, мчится через тоннели в снопах искр. Каждый рельс на стальном пути уложен руками рабочих-героев. В декабре 1951 года в жестокие метели круглые сутки укладывали они рельсовый путь. Им помогало население Семигорья. В полночь, во время яростного снежного урагана, было уложено последнее звено...

Никакие бури уже не смогут уничтожить теперь новопроложенный Подбалканский путь — детище великой болгаро-советской дружбы! Дорога связывает Черное море с Софией, Советский Союз — с Болгарией. По ней идут к нам советские машины, советские книги, струится солнечный свет коммунизма.

ОБРАЗ РУССКОГО ВОИНА

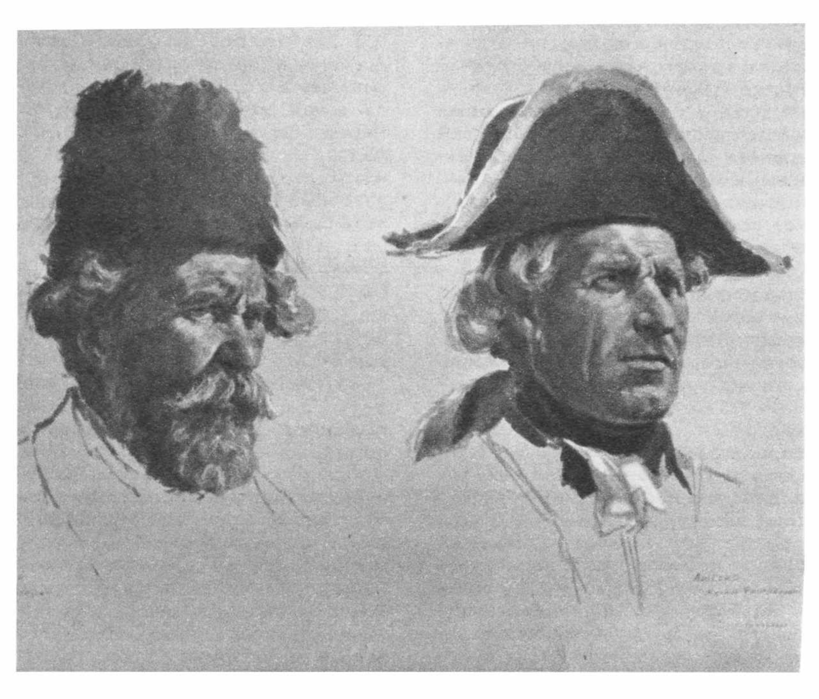
Работу над первой советской диорамой, посвященной славному прошлому нашей Родины, над диорамой «Альпийский поход Суворова», военные художники студии имени М. Б. Грекова А. Интезаров, П. Мальцев и Ф. Усыпенко начали в первые месяцы 1951 года.

Созданию диорамы предшествовало глубокое и серьезное изучение натуры и огромного фактического и исторического материала. После ознакомления с фондами Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, Исторического музея и Исторической библиотеки в Москве художники отправились в творческую командировку в Ленинград. В Эрмитаже и Русском музее они изучали сохранившиеся изображения полководца, в музее А. В. Суворова и Артиллерийском историческом музее писали этюды с подлинного снаряжения суворовских полков: сабель, ружей, эспантонов, протазанов, пушек, ядер, барабанов; с костюмов: мундиров, гренадерок и т. д. По возвращении в Москву был разработан первый эскиз диорамы.

Для своей работы художники получили образцы оружия и одежды солдат и офицеров суворовского времени, знамена полков, участвовавших в сражении у Чортова моста. Специально были сшиты костюмы Орловского мушкетерского, Московского гренадерского полков, восстановлен знаменитый плащ Суворова и т. д.

Художники имели возможность точно установить рельеф изображаемой ими местности — музей А. В. Суворова предоставил им фотографии Чортова моста и места, где происходило сражение.

Вторая творческая командировка была на Кавказ, в Северную Осетию, ледники и ущелья которой так живо напоминают Альпы. В дожди и туманы, в труднейших горных условиях, в Даргавском и Кассарском ущельях, на Цейском леднике художники писали горный пейзаж. Стремясь запечатлеть своеобразие суровой природы, ощутить и передать все трудности, связанные с передвижением в горных условиях, живописцы надолго уходили в горы, взяв с собой палатки и запас продовольствия.

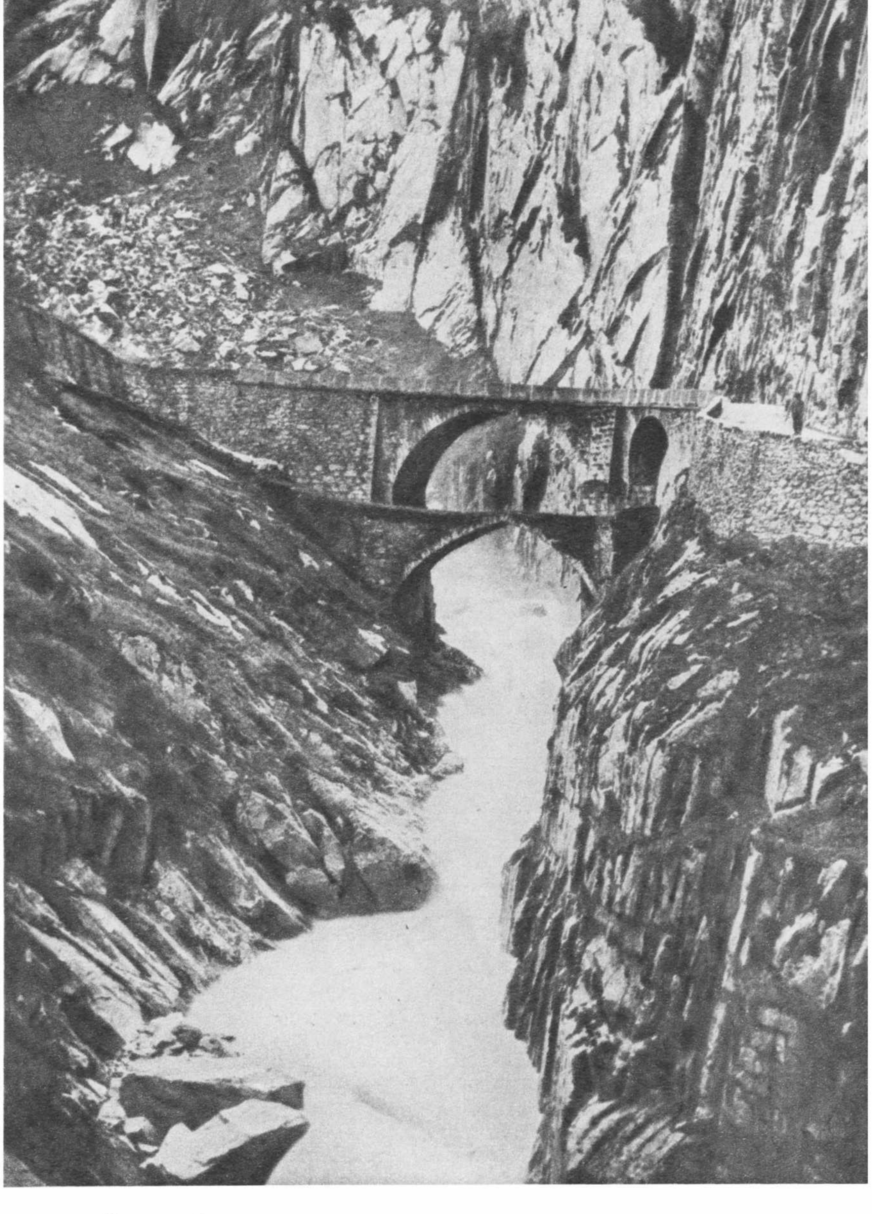
П. Мальцев. Этюд к диораме.

«Нас воодушевлял, — говорят художники,— замечательный творческий подвиг В. И. Сурикова, связанный с его работой над картиной «Переход Суворова через Альпы в 1799 году». Известно, что Суриков, собирая материал для картины, ездил в Швейцарию. Он писал: «Около Интерлакена сам по снегу скатывался с гор, проверял. Сперва тихо едешь, под ногами снег кучами сгребается. Потом — прямо летишь, дух перехватывает».

Множество этюдов привезли художники из Северной Осетии. В результате в диораме превосходно написан горный пейзаж: теряющиеся в тумане неприступные скалы, ущелья, бурная, пенящаяся река.

Третий этап работы оказался, пожалуй, самым трудным — воссоздание образов суворовских солдат. Была осуществлена третья и последняя творческая командировка — на Украину, в город Тульчин и село Тимановку, Винницкой области, где в свое время А. В. Суворов закончил знаменитую книгу «Наука побеждать», где обучал и формировал свои войска. Сохранился дом, в котором находилась штаб-квартира Суворова. В этом доме по инициативе колхозников организован ныне музей А. В. Суворова.

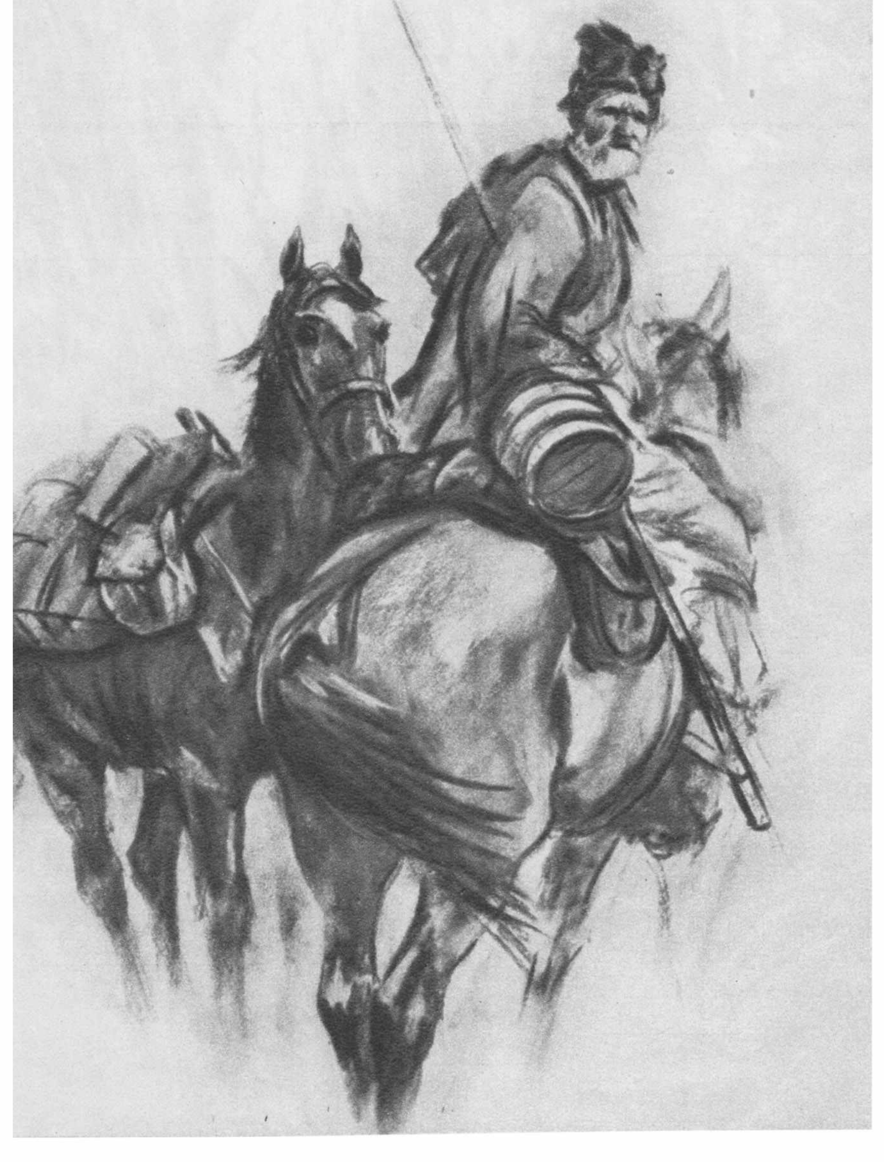
Художники рассказывают: «Правление колхоза имени Суворова и районные партийные организации, узнав о цели нашего приезда, горячо содействовали нам в работе. Мужественные, обветренные и загорелые, одетые в форму суворовских солдат колхозники

«Чортов мост» — иллюстрация из фондов музея А. В. Суворова.

А. Интезаров. Этюд к диораме.

Ф. Усыпенко. Казак. Этюд.

П. Мальцев. Мушкетер. Этюд.

охотно позировали, воскрешая перед нами образы суворовских чудо-богатырей. Здесь мы написали своих мушкетеров, гренадеров, егерей, казаков. Много интересного рассказывали нам старейшие колхозники о своих прадедах, служивших в суворовских войсках».

Постоянный интерес к работе над диорамой всего коллектива военных художников студии имени Грекова также помог делу — практические замечания и советы товарищей способствовали полному и глубокому раскрытию образов и решению темы в целом.

Диорама была закончена к открытию Всесоюзной художественной выставки 1952 года. На выставке она привлекла всеобщее внимание, книга отзывов полна восторженных записей зрителей. Общее мнение: авторы диорамы с большой силой воскресили в своем глубоко реалистическом произведении один из моментов легендарного похода Суворова в Швейцарию.

Это была поистине героическая страница военной истории нашего народа. Переход Суворова и его войска через Альпы Энгельс считал «самым выдающимся из всех современных альпийских переходов».

О том, в каких условиях был совершен переход, сообщал А. В. Суворов в донесении Павлу I:

«На каждом шагу в сем царстве ужаса зияющие пропасти представляли отверстые и поглотить готовые гробы смерти. Дремучие мрачные ночи, непрерывно ударяющие громы, льющиеся дожди и густой туман облаков при шумных водопадах с каменьями с вершин низвергавшихся, увеличивали сей трепет. Там является зрению нашему гора Сент-Готард, сей величающийся колосс гор, ниже хребтов которого громоносные тучи и облака плавают; и другая уподобляющаяся ей Фогельсберг. Все опасности, все трудности преодолеваются и при таковой борьбе со всеми стихиями. Неприятель, гнездившийся в ущелинах и неприступных выгоднейших местоположениях, не может противустоять храбрости войска, являющегося неожидаемо на сем новом театре. Он всюду прогнан... Напоследок надлежало восходить на снежную гору Бинтнерберг, скалистою крутизною все прочие превышающую; утопая в скользкой грязи должно было подыматься против и посреди водопада, низвергавшегося с ревом и низрывавшего с яростью страшные камни и снежные и земляные глыбы, на которых много людей с лошадьми с величайшим стремлением летели в преисподние пучины, где многие убивалися, а многие спасалися. Всякое изложение недостаточно к изображению сей картины природы во всем ее ужасе».

Уместно напомнить и о том, что правительство и генералитет Австрии — союзника России в войне с Францией — вели изменническую политику, граничащую с предательством. Суворов говорил тогда: «Я стою между двумя батареями — военною и дипломатическою. Первой не боюсь, но не знаю, устою ли против другой». Русские солдаты были плохо одеты, не хватало припасов и патронов. Но никакие препятствия не могли сломить воли суворовских чудо-богатырей к победе.

Художникам, добившимся ясного и четкого композиционного решения, удачно выбравшим точку зрения с фланга, удалось развернуть перед зрителем ход сражения, наглядно показать осуществление гениального замысла великого русского полководца.

После взятия Сен-Готарда суворовские войска подошли к Урзернскому тоннелю — узкому проходу, пробитому в скалах, единственной дороге к Чортову мосту. Чортов мост переброшен через две близко соединившиеся скалы. Под ним далеко внизу с шумом и грохотом течет река Рейса. Русские должны были по этому мосту пройти на противоположный берег Рейсы. Французский генерал Лекурб занял оборону у Чортова моста. Урзернский тоннель в упор обстреливался разместившимся около него отрядом французов. Противник был совершенно уверен в том, что к Чортову мосту можно пройти только через этот тоннель. Но отряду Трубникова Суворовым было дано задание взобраться на неприступную скалу, сквозь которую была пробита «Урзернская дыра», а отряду Тревогина — любой ценой перебраться вброд через Рейсу. Оба отряда должны были зайти в тыл французам, защищавшим Чортов мост.

Русские появились неожиданно. Французы, обстреливающие «Урзернскую дыру», бежали, сбросив в Рейсу пушку и повредив каменную кладку Чортова моста. К этому времени на высотах противоположного берега Рейсы появился отряд Тревогина.

В центре боя на белом коне А. В. Суворов — он руководит сражением. С гор еще спускаются егеря полковника Трубникова. Через Урзернский тоннель движутся русские войска. В левой части диорамы изображен перевязочный пункт под пикой с развевающейся узкой белой полоской материи. Группа воинов бережно несет раненого товарища. Прошедшие первыми мост десятки смельчаков-солдат ударили в штыки по отступающему неприятелю.

На первом плане группа солдат Орловского мушкетерского полка во главе с Мансуровым поддерживает метким ружейным огнем отряды гренадеров, штурмующих Чортов мост. Штурм моста происходит во взаимодействии с артиллерией. В группе артиллеристов, выкатывающих пушку на новую позицию, выделяется молодой воин с перевязанной головой. Весь облик его исполнен огромной силы, исполинской мощи духа. Раненный, он смеется, радуясь меткому попаданию пушечного ядра в неприятеля.

С большой художественной силой и выразительностью передан образ пожилого солдата на переднем плане диорамы. Он в пробитой пулей гренадерке, на груди у него георгиевский крест и медали за победы под Измаилом и Очаковом. Это обобщенный, типизированный образ суворовского чудо-богатыря, прошедшего весь путь вместе со своим легендарным полководцем и не знавшего с ним поражений, образ русского человека с его беспримерной силой духа, неустрашимостью, самоотверженностью, способностью преодолевать самые, казалось бы, непреодолимые препятствия.

А. ВАСИЛЬЕВА

«АЛЬПИЙСКИЙ ПОХОД СУВОРОВА»

Работа военных художников студии имени М. Б. Грекова, Москва.

Художники-авторы — **А. И. Интезаров, П. Т. Мальцев, Ф. П. Усыпенко.**

Художники-помощники — **В. И. Переяславец** и **Н. С. Присекин;** консультант — **Г. П. Мещеряков.**

Деталь диорамы.

Центральная часть диорамы «Альпийский поход Суворова».

Деталь диорамы.

Одной из самых популярных работ на Всесоюзной художественной выставке 1952 года была диорама «Альпийский поход Суворова» художников студии имени М. Б. Грекова А. И. Интезарова, П. Т. Мальцева и Ф. П. Усыпенко.

Эта диорама — выдающееся произведение советской батальной живописи. С большой реалистической силой она воссоздает одну из самых блестящих страниц истории славного русского оружия — знаменитый бой у Чортова моста во время швейцарского похода Суворова в 1799 году. Героический переход через Альпы был совершен в невероятно трудных условиях. Но, несмотря на то, что пришлось воевать не только с численно превосходящим и хорошо оснащенным врагом, но и с природой, русские солдаты во главе со своим великим полководцем проявили такую стойкость, такую непреклонную волю к победе, такую храбрость и отвагу, что их замечательный подвиг поразил всю Европу. Даже противники Суворова вынуждены были признать все величие этого подвига.

Диорама позволяет развернуть перед зрителем всю картину боя. Художники воссоздали кульминационный момент сражения за Чортов мост — штурм. Русские как с неба появились над головами и с тыла неприятеля, обойдя почти неодолимые препятствия. Недаром одним из важнейших условий победы Суворов считал быстроту: «Неприятель думает, что ты за сто, за двести верст, а ты удвоил шаг богатырский, нагрянь быстро, внезапно... из-за гор крутых, из-за лесов дремучих налети на него, как снег на голову».

Неприятель дрогнул. Отступая, французы повредили каменную арку Чортова моста. Русские, разобрав оказавшийся вблизи сарай, шарфами и поясами связали бревна и ружейные приклады и перекинули их через провал. По этому шаткому сооружению бегут солдаты. Перешедшие через мост преследуют отступающего неприятеля.

Художники создали запоминающиеся образы славных русских воинов, суворовских чудо-богатырей. Главная тема картины — героизм русского народа, его сила и непобедимость.

Написана картина мастерски. Предельная законченность, даже иллюзорность, необходимые для решения задач, поставленных диорамой, далеки, однако, от натурализма.

Более двух лет работали художники над диорамой, ими сделано свыше тысячи этюдов к ней.

Работа художников завершилась большим творческим успехом.

А. Абрамова

„Хирург" по чугуну

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Поздний зимний рассвет вставал над Москвой. На обнаженных ветвях деревьев, на перилах мостов висела тонкая, хрустящая изморозь. Город еще спал, когда над огромной площадью поплыл мелодичный перезвон курантов. И наконец на всю страну, на весь мир загремел разнесенный по эфиру могучий бас большого колокола...

В этот ранний час по еще пустынному Охотному ряду торопливо шагал невысокий коренастый человек, направляясь к Спасской башне. Он вошел под ее старинные своды и уверенно стал подниматься по холодным каменным ступеням. Ему эта дорога была хорошо знакома. Уже много раз за последние недели он бывал здесь. Сегодня завершалась ответственнейшая работа — ремонт часов на Спасской башне Кремля.

Исторические кремлевские куранты! Сколько талантливых механиков-самородков из народа ревностно оберегали их, настраивали, налаживали! После пожара в 1763 году, во время которого пострадала и Спасская башня, иностранные мастера за починку часов запросили неслыханную сумму — более 14 тысяч рублей. Но не пришлось прибегать к помощи чужеземцев. Часы починил подмастерье Иван Полянский. А большой колокол, весом в 135 пудов, который существует и поныне, как свидетельствует надпись на нем, отливал русский мастер Семен Мозжухин.

В следующем веке, после изгнания из Москвы войск Наполеона, кремлевские куранты ремонтировал механик Яков Лебедев. Русский патриот сделал это «своим коштом, материалами и работными людьми, бесплатно, единственно из желания быть полезным отечеству».

Всякий раз, когда руки человека прикасались к часам, они останавливались, а капитальный ремонт длился даже годами. И вот впервые в истории курантов мастер, поднявшийся сейчас на башню, взялся ремонтировать уникальные часы на ходу, ни на одну секунду не прерывая движение огромного механизма.

То была не просто смена отдельных частей или прочистка часов. Происходила малоизвестная в технике да еще в таком точном деле, как часовая механика, холодная сварка чугуна, признанным мастером которой является известный в стране советский электросварщик Александр Назаров. Сколько ни искали, сколько ни приглашали специалистов — инженеров, механиков, часовщиков, сварщиков, наконец, научных работников, — никто не решался взяться за эту операцию: такой сложной да и вообще невыполнимой казалась она. Взялись сварщик Назаров и его помощник слесарь Крылов. Им был доверен ремонт главных часов государства.

* * *

Можно ли сваривать чугун?

Русский изобретатель горный инженер Н. Г. Славянов еще более полвека назад, в 1891 году, ответил на этот вопрос положительно. Впервые в мировой технике он начал производить сварку чугунных изделий. Способ, разработанный Славяновым, находит применение и сейчас под названием «горячей» сварки. Предварительно вся деталь, если трещина образовалась не на ее крае, целиком подогревается в специальных печах или на горне. Для сварки применяются чугунные электроды точно такого состава, как и свариваемая деталь. После сварки она охлаждается медленно, в древесных углях. Причем металл шва тоже приобретает качества серого чугуна. Его уже можно после этого обрабатывать: шлифовать, строгать, даже фрезеровать. Способ Славянова до сих пор считается одним из лучших, однако...

Представьте, что нужно сварить станину большого строгального станка, станину, давшую трещину в том месте, где после сварки потребуется обрабатывать шов. Это значит, что ее надо снять со станка и везти в кузнечный или термический цех, где можно произвести подогрев. Возможен и другой выход — построить такую нагревательную печь прямо в цехе. Но она получится огромной. Процесс сварки и последующей зачистки швов отнимет всего несколько часов, но подготовительные работы — несколько дней или недель.

А сколько недель и даже месяцев потребовалось бы для ремонта сваркой таких огромных узлов, как многотонные блоки дизелей, двигателей внутреннего сгорания тепловозов, теплоходов. К тому же во многих случаях стоимость горячей сварки чугуна обходилась так дорого, что от нее отказывались вовсе, отправляя пострадавшие части машин в лом...

Наука искала новые пути сварки чугуна — более простые, дешевые и удобные. Что касается стали, многих сплавов, то здесь проблема решалась давно известной холодной, то есть обыкновенной электрической, сваркой, без предварительного подогрева всей детали. Задача заключалась в том, чтобы применить ее к чугуну.

Много исследователей и изобретателей старалось разрешить эту задачу. Одни пытались осуществить сварку чугуна без подогрева, применяя чугунные или стальные электроды со специальными покрытиями; другие использовали для электродов сплавы различных металлов, например, никеля с медью. Однако ни один из этих типов электродов не нашел широкого применения. Последний способ хотя и давал неплохие результаты, но требовал остродефицитных металлов.

В 1950 году Всесоюзный научно-исследовательский институт железнодорожного транспорта решил проверить и сравнить все известные способы холодной сварки чугуна. Было испытано сорок методов, но только два из них были рекомендованы производственникам.

И вот тогда-то в печати появилась фамилия электросварщика вагонного депо Москва-пассажирская Московско-Курской железной дороги А. Г. Назарова.

* * *

Электросварщик депо — это своеобразный хирург. Через его руки проходят сотни деталей: одну надо приварить, другую «подштопать» — заварить повреждение от коррозии, а вон ту придется «ампутировать» — отрезать часть и заплавить отверстие.

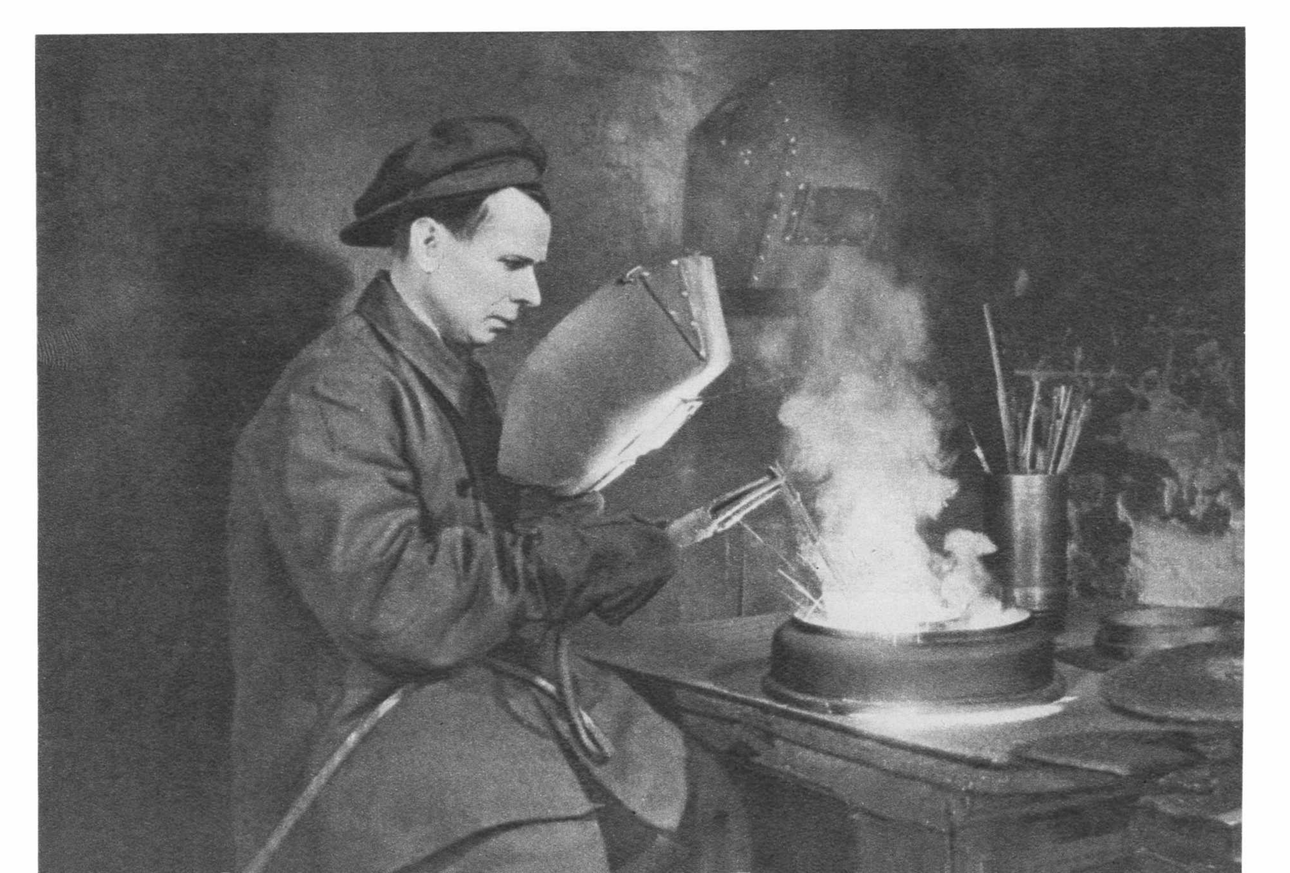
Но вот корпус подшипника, у которого нужно отремонтировать так называемое «яблоко» — выступ на верхней части. Если ремонтировать такой подшипник, нагревая корпус, тогда повредишь слой баббитовой заливки. В «горячую» тут не сваришь! Приходится подшипник подвергать сложному, дорогостоящему и длительному ремонту. И как всякий хирург, которому не удалось быстро оказать помощь больному, Назаров тяжело переживал свое бессилие: «Неужели ничего нельзя придумать?»

Как-то ему пришлось списать по акту чугунную буксу. И дефект небольшой: трещинка в нижней части,— а деталь уже негодна.

Советский рабочий задумался: сколько же по всей Московско-Курской выбрасывают металла, если у нас в депо каждый месяц — тонны? Подсчитал — и получилась огромнейшая цифра — убыток около 300 тысяч рублей в год. Какие же убытки терпят тогда все железные дороги? А промышленность?

...Облачившись в большой жесткий брезентовый костюм, Назаров склонился над чугунной пластиной. В левой руке сварочный щиток, в правой — стальной пруток в держателе. Из-под правой руки вырывается ослепительный мохнатый шарик с желтым бегающим язычком. Шарик медленно перекатывается все дальше и дальше от края пластины. Слышится треск, воздух насыщается специфическим запахом озона.

Назаров выключает рубильник и откидывает в сторону щиток. На пластине, там, где была трещина, светится извилистый светлорозовый валик наплавленного металла, точно такого же цвета, как предзакатное небо, возвещающее ветреную погоду. Валик на глазах краснеет, потом темнеет, становится кроваво-бурым и, наконец, темносерым. Металлическая щетка снимает шлаковую пленку. Остывший валик наплавки блестит

А. Г. Назаров за холодной сваркой чугуна.
Фото О. Олегова.

металлом. Трещина заварена, теперь надо испытать шов.

Назаров подставляет пластину под наждачный круг. Она отскакивает: камень не хочет обтачивать ее. Электросварщик нажимает пластиной на камень сильнее. Теперь слышен глухой скрежет, точно камень трут о камень, но наплавка, хотя и с трудом, все же снята.

Однако что это? На отшлифованной поверхности наваренного металла отчетливо видны трещины. Значит, сварка не удалась.

Назаров вглядывается в ломаные зигзаги линий, редкой сеткой избороздившие участок сварки: все равно что растрескавшаяся от солнца и без воды сухая земля. Ему почему-то вспомнились виденные им когда-то солончаки в сталинградской степи. Издали они блестели, точно вода в блюдце. Но это была не вода, а твердая, как слежавшаяся глина, растрескавшаяся земля, горькая от пропитавшей ее соли. Назаров слыхал, что солончаки промывают водой, вносят туда гипс и перепахивают. После этого земля становится пригодной для посевов.

«Может быть, и тут слишком много «соли» и мало «гипса»?» — подумал он. Сталь, из которой сделан электрод, смешивается с расплавленным чугуном и, науглероживаясь, делает шов хрупким и ломким. Наплавлять одним медным прутком без защитного покрытия — обмазки? Все равно шов получается хрупким: медь при высоких температурах сварки соединяется с кислородом воздуха и окисляет наплавку. Все это давно было известно многим сварщикам. А что, если попробовать смешать «гипс с солью» — медный пруток со стальным,— соединить их в пучки и покрыть толстой защитной обмазкой?

Так родилась идея комбинированного пучка Назарова.

* * *

Большой зал Ленинградского дома научно-технической пропаганды переполнен. Тут кировцы, создатели турбин, железнодорожники...

На кафедре электросварщик Александр Гаврилович Назаров. Он в строгом темносинем кителе железнодорожника — техника-лейтенанта. Это не первая его лекция. Ему довелось уже несколько раз выступать в Политехническом музее в Москве, выезжать на строительство Цимлянской ГЭС, в Сталинград, Ростов, Курск, Харьков, Ташкент. Но каждый раз лектор волнуется, будто выступает в первый раз, — аудитория новая, люди другие, и все разные. Правда, волнение быстро проходит, и вот он уже говорит спокойно и уверенно.

Сущность назаровского метода очень проста. Причиной всех бед существовавших ранее способов холодной сварки чугуна было появление отбела — хрупкой, легко разрушающейся зоны шва. Отбел образовывался во всех случаях, когда сварка велась стальными электродами: одиночными или же пучком их.

А. Г. Назаров применил комбинированный пучок, состоящий из одного стального и двух или трех медных электродов. При сварке таким пучком электрическая дуга по очереди перемещается с одного электрода на другой. Благодаря этому воздействие тепла электрической дуги на поверхность металла рассредоточивается, становится более равномерным. Кроме того медь электрода как бы обслуживает наплавляемую поверхность. В результате отбеленная зона почти отсутствует.

Потом докладчик подробно рассказывает о том, как он подготавливает шов к сварке: не просто скашивает кромки трещины зубилом, а зачищает шлифовальным камнем. Назаров показывает, как он ведет сварку различных деталей и каким образом можно из самых простых материалов в любых условиях — в мастерских МТС, на фабрике, заводе — приготовить нужный пучок. Именно в этом и заключено главное достоинство назаровского метода: сварка чугунных деталей может применяться повсюду, где есть источник энергии — сварочный трансформатор или генератор. Теперь можно быстро ремонтировать корабль в порту, станок в цехе, тепловоз в депо, трактор в ремонтной мастерской МТС...

* * *

Если сосчитать количество моторов, двигателей, станков и других машин, «поставленных на ноги» лично А. Г. Назаровым за последние три года, то получится внушительная цифра — около ста.

...Сердце тепловоза — блок цилиндров его дизеля. Струи горячей воды в камерах, окружающих цилиндры, постепенно «разъели» их толстые стенки. Чугун дал трещины, а в некоторых местах превратился в жесткую губку: стал пористым. Тогда его огромное, многотонное тело пришлось снять с локомотива. Так оно и лежало годами на задворках Ашхабадского депо.

Но вот сюда из Москвы приехал знатный электросварщик. Шестицилиндровый блок очистили от грязи и пыли и водворили в мастерскую. Все сварщики и мастера депо приходили смотреть, как работает «хирург» по чугуну. Назаров вырезал пораженные участки стенок цилиндров, тщательно вымерил размеры получившихся отверстий. Потом приготовил из металла «заплаты». Каждая из них весила в среднем четыре килограмма.

Через несколько дней первый блок был готов. Его установили на тепловоз, который и поныне работает на Красноводской линии. Таким же образом были возвращены к жизни еще 5 тепловозов. Все это сэкономило государству около ста тысяч рублей.

У Александра Гавриловича хранится благодарственное письмо директора одного из московских предприятий. Вот о чем оно рассказывает. Однажды в цехе произошла авария с единственным на заводе, редкостным полуавтоматом: лопнуло чугунное ушко суппорта. А ушко немалое — вместе с суппортом весит почти четверть тонны. Стал станок, пришлось остановить и производство важных деталей.

На завод вызвали специалистов с ряда предприятий и из научно-исследовательских институтов. Газосварщики сказали, что предварительное нагревание суппорта приведет к деформации корпуса. Высокая точность установки, необходимая в полуавтомате, будет нарушена, и агрегат совсем выйдет из строя. Тогда кто-то из сварщиков вспомнил о Назарове. Его пригласили, и через двое суток станок снова вступил в строй.

Можно было бы рассказать еще и о том, как Назаров ремонтировал подъемный кран на Кировском заводе в Ленинграде, корпуса насосов в Сталинграде. Но если велико количество замечательных «операций», выполненных мастером холодной сварки по чугуну, то уже совсем не поддается учету сделанное по его методу. Только у самого Назарова свыше 2 тысяч учеников. Они возвращают в строй теплоходы и баржи, турбины и станки, моторы и погрузочные машины, тракторы и автобусы...

В отделе сварки Научно-исследовательского института железнодорожного транспорта, где сейчас работает А. Г. Назаров, редкий день не бывает гостей. Приезжают рядовые рабочие, научные сотрудники институтов, строители станков и автомобилей. Приезжают в одиночку и группами. За последние дни особенно много было представителей МТС из различных областей страны — Смоленской, Курской, Орловской. Сварщики просят совета, консультации, помощи.

Ученые единодушно признают: Назаров сделал ценный вклад в отечественную сварочную технику.

Плавающий трактор

Трактор идет по полю, спускается с крутого откоса и движется по ледяному покрову реки. Тонкий лед не в силах выдержать тяжести машины и трескается. Но трактор не тонет. Гусеницами он ломает лед и дальше продвигается по реке вплавь.

Московский профессор Н. С. Ветчинкин и инженер А. Н. Медведев в результате совместной работы сконструировали плавающий трактор, который призван сыграть большую роль в механизации лесосплавных работ. Эта новая машина создана авторами вместе с коллективом Центрального научно-исследовательского института водного лесотранспорта и гидротехники Министерства лесной и бумажной промышленности СССР.

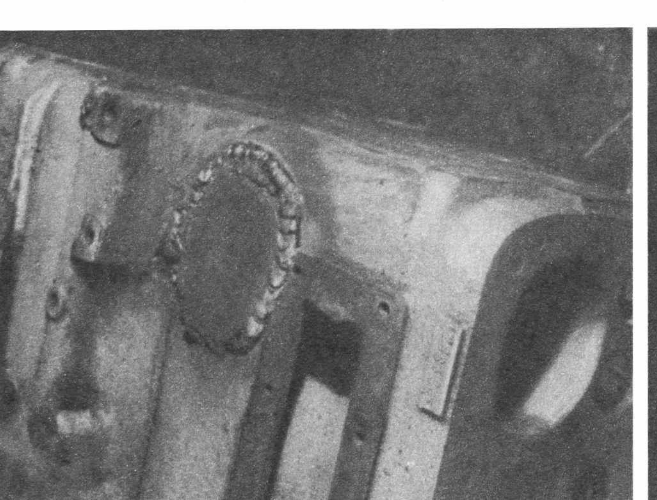
Для постройки плавающего трактора используются узлы обыкновенного трелевочного трактора. Водонепроницаемый корпус держит машину на воде. В этом корпусе расположены бензиновый двигатель, силовая передача и двухбарабанная лебедка с длинными тросами. Гребной винт находится сзади.

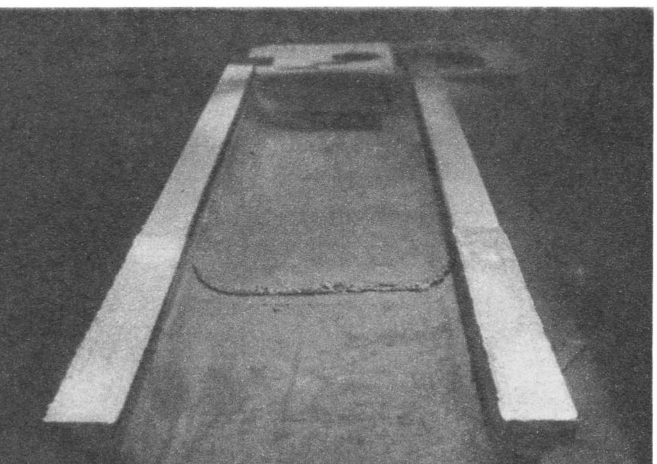
По суше плавающий трактор движется со скоростью 15 километров в час, по воде — до 9 километров.

Испытания показали, что плавающий трактор с успехом может быть применен на всех этапах лесосплавных работ: при скатке леса в воду, при разборке заломов, буксировке плотов, выгрузке леса из воды.

Новая машина может быть использована также при геологоразведочных работах и особенно при установке высоковольтных передач.

Слева — «латка» на стенку блока цилиндра автобуса наварена способом, предложенным А. Г. Назаровым. Справа — вид сверху на станину, восстановленную по назаровскому методу.

Горячие сердца

В 7 часов вечера на всю школу затрещал звонок. Радостные возгласы, аплодисменты, словно эхо, отозвались на него в различных этажах: и наверху в зале, где девочки только что закончили экспозицию выставки, посвященной сегодняшнему сбору, и на втором этаже — здесь, давно построившись рядами, нетерпеливо ожидали начала слета пионеры, — и внизу, у входа в школу, где уже более получаса томились «дозорные», командированные для встречи актеров.

— Товарищ председатель совета дружины! Делегаты отряда номер шестнадцать на слет, посвященный обсуждению спектакля «Павлик Морозов», явились в составе пятнадцати человек. Пионеры к проведению слета готовы!

— Товарищ председатель совета дружины! Делегаты отряда номер двенадцать на слет, посвященный...

— Товарищ председатель совета дружины! Делегаты отряда номер девять на слет...

На торжественный слет явились делегаты всех пионерских отрядов 635-й школы Москвы. В полном составе присутствовал лишь отряд, носящий имя Павлика Морозова.

Пением Гимна открывается слет: «...Нас вырастил Сталин — на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил».

Понятие «подвиг» у школьников неразрывно связано с именем Павлика Морозова. Портрет его висит тут же, в зале. Из светлой рамы глядят смышленые глаза мальчугана в большой, сдвинутой на затылок кепке, с тщательно повязанным пионерским галстуком.

«...память о нем не должна исчезнуть — этот маленький герой заслуживает монумента...» — так писал Алексей Максимович Горький в 1933 году, через год после злодейского убийства Павлика.

О Павлике Морозове написаны повести и стихи, его имя носят пионерские отряды, школы, клубы, сады. В Москве, в Краснопресненском детском парке, воздвигнут памятник Павлику Морозову, а недавно Московский театр юного зрителя поставил одноименную драму Виталия Губарева.

— «В жизни... всегда есть место подвигам» — эти слова старухи Изергиль из рассказа М. Горького вспоминаешь, когда смотришь спектакль о Павлике Морозове, — так начала свое выступление на слете ученица десятого класса Валерия Понаиотова. — Мне кажется, что главное достоинство постановки в том, что Павлик не показан каким-то особенным, выдающимся героем; это обыкновенный мальчишка, который очень любит и подурачиться и пошалить, но пионер знает, что борьба с врагами Родины — святая обязанность каждого советского человека любого возраста.

Девочка обстоятельно анализирует спектакль, сравнивает пьесу с одноименной повестью того же автора, останавливается на важных для раскрытия образа Павлика сценах.

— Настоящее мужество, смелость проявляет Павлик, когда пытается помешать отцу продать кулакам удостоверения. Убедившись, что отец — враг, он сообщает об этом представителю райкома Дымову. Тяжело было сыну разоблачать родного отца, но, пионер, он хорошо помнил, что интересы Родины прежде всего.

Валерию Понаиотову сменяет семиклассница Таня Филина. И хотя девочка читает сочинение, написанное ею на уроке, волнение звучит в ее голосе. Видимо, вновь эпизоды спектакля встают перед ее глазами.

Тридцатые годы. По стране идет могучая волна коллективизации, дошла она и до затерянной среди тайги и болот Герасимовки. Ожесточенная классовая борьба развернулась вокруг организации колхоза. Кулаки, хозяйничавшие до той поры в деревне, чувствуя свою близкую и неминуемую гибель, яростно сопротивляются. Эта борьба старого с новым и является основной идеей спектакля (режиссеры — П. Цетнерович и Е. Евдокимов). В этой борьбе формируется и мужает характер Павлика Морозова. Спектакль, рассказывающий о короткой, но яркой биографии уральского пионера, о его подвиге и гибели, не воспринимается как драма, он воспевает жизнь, отданную на служение человечеству.

На трибуне Ира Кутина, ученица 6-го класса. Рассказав, что ей понравилось в спектакле, девочка переходит к критическим замечаниям:

— Непонятно, почему Петька длинный, хулиган и задира, стал вдруг такой сознательный и пришел к пионерам. Они для этого ничего не сделали. Не понравилась мне учительница Зоя Александровна. Ведь она научила Павлика любить книги, она много рассказывала ребятам, она организовала пионеротряд; комсомолка, она первая агитировала за колхоз. Но обо всем этом мы узнаем из разговоров ребят или сами догадываемся, а все, что говорит учительница в спектакле, плохо запоминается. Видно, для актрисы слова роли не стали своими, необходимыми: она произносит их равнодушно, а потому неубедительно. Виноват в этом и драматург, потому что слова ей дал неинтересные.

Так начался слет, посвященный герою-пионеру Павлику Морозову.

Девочка выступает уверенно и смело, не смущаясь присутствием драматурга и актеров. Те внимательно слушают своего критика, а режиссер Евдокимов торопливо записывает что-то, видимо, готовясь к ответу.

Выступления чередуются с вопросами. Пионеры хотят все знать: сколько времени готовил театр спектакль, встречались ли актеры с матерью Павлика, как работает сейчас колхоз в Герасимовке.

Дети — чуткие и наблюдательные зрители, и от их внимания ничто не ускользает; они говорят не только об образах и содержании пьесы, но и о природе Урала, мастерски переданной художником В. Талалаем, и об удачных гримах актеров, играющих пионеров. Отмечают внешний облик — мелкие движения, и вкрадчивый голос, буравящие собеседника горящие ненавистью глаза кулака Кулуканова в исполнении артиста

«Павлик Морозов» В. Губарева в Московском театре юного зрителя. Сцена на рыбалке. Слева направо: Петька (Н. Добронравов), Мотя (С. Шеповалова), Клава (С. Радченко), Павлик (В. Горелов), Яша (Р. Быков).

По окончании слета девочки решили послать письмо матери Павлика Морозова.

Актеры Л. Князева и В. Горелов осматривают выставку, подготовленную пионерами к слету.

М. Колесникова,— и яркую игру актера В. Яковлева, обнажающего ничтожную, жалкую душонку Трофима Морозова, пьяницы и подкулачника. Но главное, что волнует девочек, на чем каждая останавливает внимание, — это Павлик, его поступки, развитие его образа в пьесе.

Быть таким, как Павлик Морозов,— этим стремлением пронизаны все выступления, все отзывы, все сочинения.

Ученица 5-го класса Наташа Назарова посвящает Павлику свои стихи — клятву служения Родине.

Клятву служить Родине дают пионеры, присутствующие на слете, ее повторяют на сборах, слетах, кострах, посвященных спектаклю. Обещание быть во всем такой, как Павлик, дала Лена Виноградова в своем отзыве о спектакле, помещенном в «Пионерской правде». Эти слова девочки услышали пионеры Тбилиси и Вологды, Донбасса и Урала, Нарьян-Мара и Петрозаводска: ежедневно к Лене стали приходить письма со всех концов страны. А за несколько дней до сбора, когда шла оживленная подготовка к нему, Лене Виноградовой передали письмо со штампом: «Международная».

Чехословацкая пионерка Власта Досталова писала московской школьнице. Письмо было на русском языке:

«Дорогая Лена!.. Ты пишешь, что хочешь быть такой, каким был Павлик. Я тоже хочу такой быть. У нас еще много врагов и кулаков. Когда я получила пионерский галстук, я клялась, что буду хорошо учиться и во время опасности буду такой, каким был Павлик Морозов... Я очень люблю русский язык, на котором говорят самые лучшие люди в мире. Мне 14 лет, я живу в городе Усти над Эльбой, в Чехословацкой Республике».

Читаешь эти письма, смотришь на взволнованных зрителей во время спектакля, слушаешь горячие, сердечные и страстные выступления пионеров на сборе — и в памяти встают слова товарища Сталина, взятые эпиграфом к спектаклю: «Пусть пионерская организация и впредь воспитывает пионеров и школьников верными ленинцами, преданными сынами нашей великой Родины».

И. ВЕРШИНИНА

Фото О. Кнорринга.

Театр кукол в Ельце

Первыми участниками кружка были Света Иванова, Женя Алешина и Света Михайлова. Для постановки они сначала использовали куклы, обнаруженные Наталией Николаевной Полухиной — помощником директора — в школьной кладовой. Спектакль прошел успешно. Девочки и их руководительница Н. Н. Полухина начали готовить другой спектакль, для которого сделали несколько новых кукол. Появились и другие участники кружка. Юные кукольники мастерили своих героев и декорации, учились шить и вышивать, петь и танцевать, декламировать и исполнять роли. Кружок окреп, стал дружным, спаянным коллективом. На каждую роль объявлялся конкурс, и ребята сами выбирали исполнителей — кто лучше сыграет. Каждую новую куклу тоже с жаром обсуждали всем кружком.

Емеля из сказки «По щучьему веленью».

Юные кукольники научились делать тростевые механизированные куклы, придумывали, как быстро сменить смеющееся лицо куклы плачущим, как изобразить сказочную ель, «зацветающую цветами алыми». Ребята учились наблюдать повадки животных, делали зарисовки с натуры, вели дневники.

О школьниках - кукольниках Ельца узнали в Центральном театре кукол. Завязалась живая переписка. Работник музея театра В. В. Курдюмов давал детям советы, выслал литературу. Наконец, москвичи пригласили юных кукольников к себе, чтобы посмотреть их лучшую постановку. Очень волновались ребята: это был самый ответственный спектакль в их жизни. Спектакль окончен, и руководитель театра Сергей Владимирович Образцов, приветливо улыбаясь молодым исполнителям, обращается к взрослым артистам:

— Ну и Емеля у них! Что за малый! Лучше нашего!

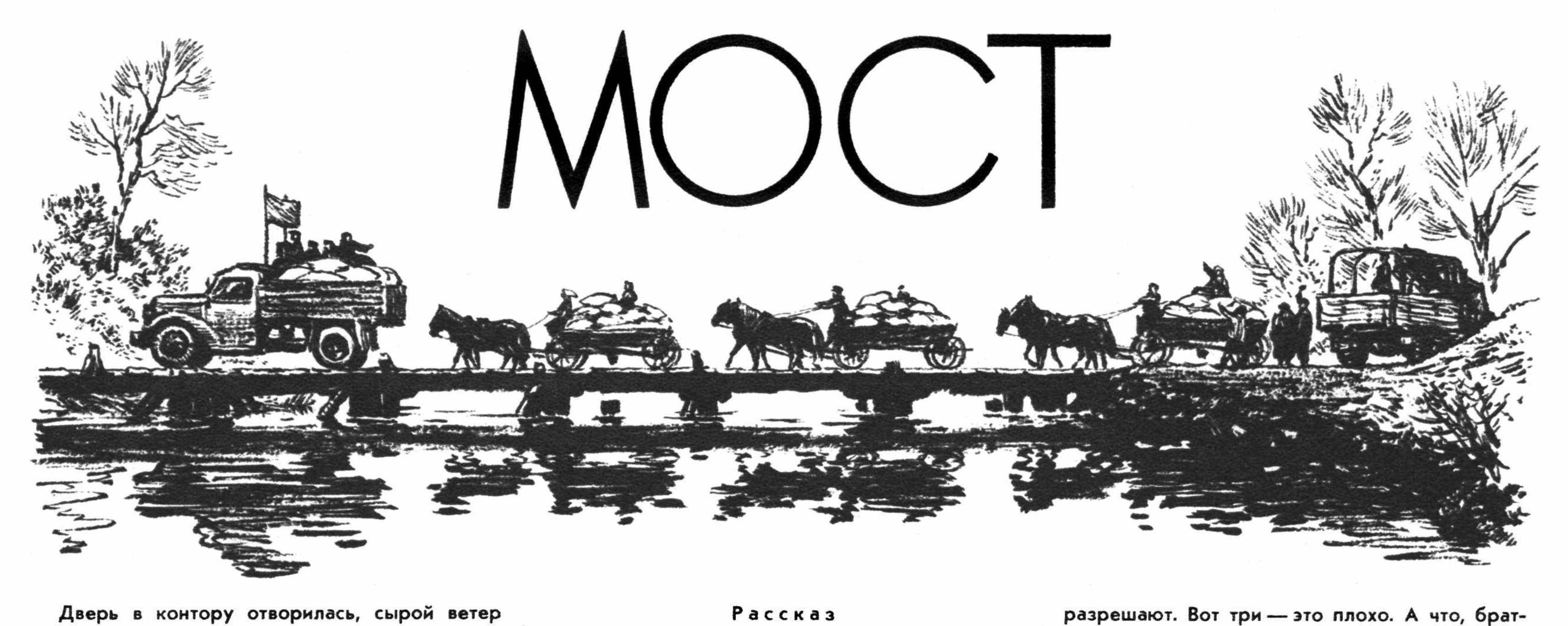
И все понимают, что это не просто шутка, но и заслуженная похвала.

«...Мы полюбили этих ребят,— писал С. В. Образцов директору школы о юных кукольниках, — не только за то, что они так же, как и мы, «играют в куклы», что они наши «коллеги» по искусству. В гораздо большей степени мы полюбили их за удивительную дружбу, спаянность и замечательное чувство ответственности каждого за общее дело».

Сейчас в кружке сто участников. И, пожалуй, теперь его уже вернее называть не кружком, а самодеятельным театром.

А. ТВЕРСКОЙ

МОСТ

Рассказ

Борис ГУСЕВ

Рисунки О. Верейского.

Дверь в контору отворилась, сырой ветер ворвался в комнату, и пламя в лампочке заметалось. Бухгалтер Кондрашин, сидевший за столом, оглянулся и крикнул:

— Аннушка, ты? Закрывай дверь. Лампу погасишь.

— Сейчас. Ноги вытру.

Девушка потопталась на месте, придерживая рукой дверь, зашуршала плащом, встряхивая его, и вошла в комнату.

— Здравствуйте, Павел Яковлич,— негромко сказала она.

— Ну что, поладили? — спросил бухгалтер.

— Поладили! Петренко собираться велел! Все же таки мост чинить поедем!

— Нечего сказать, поладили! — сердито сказал бухгалтер. — А плотники наши где?

— Председатель не дал. Мост, говорит, это важно, а сушилку расширить в такую мокроту еще важнее. Настил, говорит, всякий положит... Ну, а Петренку все-таки отпустил. И потом другим сказал, кто хочет добровольно, если отработал на сушилке, то пускай едут. Мы вот и поехали добровольно: и я, и тетя Даша Клевцова, и еще Светка из нашей бригады.

— Не спится ему! — ворчливо отозвался бухгалтер и поплотней нахлобучил на лысину черную тюбетейку. — Завтра бы днем и сделали, а послезавтра посылай обоз на элеватор!

— Ну и вышли бы на последнее место, — заметила девушка. Она уселась на табуретку и расправила на коленях мокрый плащ. — У Ивана Петровича характер не позволит.

— У него характер, а у меня вот насморк!.. Ну куда, к чорту, ночью поеду?

— И ровно вы не наш, колхозный, Павел Яковлич! — укоризненно сказала девушка, повернув к бухгалтеру свое круглое разрумяненное ветром лицо. — У нас все то сушат, то молотят, вы же знаете! Тут и спать особо некогда!

Она мотнула головой, чтобы выпростать косу, прижатую ватником и плащом.

— Знаю я это, — поморщился бухгалтер. — За славой гонимся, а людей не щадим.

— Как вы можете так говорить! — девушка даже задохнулась от негодования. — Да товарищ Петренко меньше всех отдыхает!

— Знаю, знаю! — замахал руками бухгалтер. — Только ты мне про него песни не пой!

Дождь лил вторую неделю, равномерно и без отдыха, и земля закуталась в холодный, темный и сырой полог. Оттого, что ветер налетал порывами, шум дождя за окном все время менялся: когда было тихо, дождь стучал по крыше монотонно и спокойно, когда налетал ветер, он бросал дождевые струи в сторону, и тогда окна на западной стороне начинали дрожать под их ударами. Когда же шквал достигал наибольшей силы, дождь, сбитый им, проникал под навес на дворе и начинал барабанить по пустым металлическим бочкам из-под горючего. Потом ветер стихал, и опять слышалась спокойная дробь капель по крыше.

— Брать что-нибудь нужно? — спросил бухгалтер.

— Товарищ Петренко сейчас сам подъедет. Тогда распорядится.

— А он на чем?

— Да все на своем любимом.

— Только на нем и кататься в эту погоду, — пробурчал бухгалтер, натягивая плащ, жесткий, топорщившийся, казалось, сделанный из фанеры, а не из материи.

Когда они вышли на крыльцо, им пришлось постоять, пока глаза немного привыкли к темноте.

— Хоть бы где тучи прорвало, — сказал бухгалтер. — Висят, как проклятые. Из пушки пали, не пробьешь!

Новый порыв ветра налетел на них, дождь ударил в лицо, и Кондрашин поспешно натянул капюшон на глаза.

— Ничего, — отозвалась девушка. — Метстанция на ближайшие дни улучшение предсказала.

— Пока твое улучшение придет, нас до ушей затопит,— сердито заметил бухгалтер.— Послал чорт погодку!

— Когда б не погода, и с мостом бы ничего не приключилось, — вздохнув, сказала Аннушка.

Вдали, в том месте, где должна была проходить дорога, заблестел слабый огонек.

— Петренко плюхает,— сказал бухгалтер.— Как можно сейчас ехать? Я бы по этой каше и пешком не прошел! Где это он болтался?

— В Сторожню заезжал.

Велосипед, тихо прошелестев колесами, остановился у крыльца.

— Эй, ребята, — раздался спокойный голос, — кто тут на крыльце?

— Здесь ребят нет, — ответил бухгалтер и громко откашлялся. — Как это ты нас различил? Тебе и фонаря не надо!

— Это ты, Кондрашин? И Аннушка с тобой? Сейчас машина подойдет!

Петренко нагнулся к велосипеду и провел по спицам чем-то металлическим.

— Звенят, — сказал он. — Целы! И цепь в порядке.

— Зайдем в контору? — предложил бухгалтер.

— Не стоит. Только велосипед заведу. Скоро должны подъехать. Вон, гляди!

Далекое зарево вспыхнуло на горизонте. Свет покачивался из стороны в сторону, когда машина ныряла в ухабы, двигался, следуя поворотам дороги, и напоминал не свет фар, а отдаленный пожар.

— Думаешь, близко? — спросил Петренко, обращаясь к бухгалтеру. — Минут пять ждать придется. Ночью далеко видно.

— А что, Иван Петрович? — сказал бухгалтер. — Ты ведь вторую ночь не спишь? А?

— Две ночи — это ничего. Это даже врачи разрешают. Вот три — это плохо. А что, братцы, нет ли у кого хлеба? Я сегодня и домой не успел зайти.

— Нет у меня! — горестно сказала девушка. — Не знала я! Ну для чего вы себя голодом мучаете, Иван Петрович! Разве можно так?

— Да я не мучаю, Аннушка! Просто не успел! И поспать тоже не успел. Да мне мост бы все равно спать не дал. А уж как мы его починим, тогда посплю.

— На, возьми, — сказал бухгалтер, вынимая из кармана сверток. — Только тут хлеб в естественном виде, без ничего. И то на твое счастье. У меня насморк, так аппетита нет.

— Хлебу ничего и не надо: он и так хорош. А что насморк — это скверно! Ты бы теплый шарф носил, что ли!

— Тебе смешки, а сам меня на мост тащишь!

— Нельзя, Павел Яковлевич, — спокойно ответил Петренко. — Ну сам посуди! Другие-то больше тебя устали.

Зарево становилось все ярче. Наконец, взревев, машина взяла последний подъем, осторожно спустилась с него, заливая все светом своих фар, и остановилась. Два ярких луча тянулись в темноту. Дождевые капли появлялись в светлом пространстве и тотчас исчезали. Далеко впереди стала видна дорога — блестящие, скользкие колеи, большие желтые лужи, на поверхности которых перебегали расходящиеся круги.

— Нюрочка, подруженька, иди сюда! — крикнул из машины девичий голос, стараясь пересилить шум ветра. — И товарищ Петренко пусть с нами едет!

— Он в кабину сядет! — крикнул бухгалтер, плотнее запахивая свой плащ. — Ему отдохнуть надо!

— Никак нельзя! — так же серьезно отозвался девичий голос. — Он нам на прошлой неделе лекцию начал читать, да все кончить не может. Пусть с нами едет!

— Иду! — отозвался Петренко. — Садись, Кондрашин, к Денисову. От нее не отвяжешься все равно! Да и тебе простыть нельзя! Смотри в оба, Денисов! На такой прорве если застрять, — не вылезем!

Угол брезента, растянутого над машиной, был откинут. Сзади из кузова свешивались вниз, почти достигая земли, сырые доски. Петренко стал на колесо и перевесился животом через борт машины.

— Тащите его, девоньки! — скомандовал грубый женский голос из глубины кузова. — Только глядите, как бы он кверху не улетел. До того он у нас тощий стал, что, чуть не догляди, смахнет ветром с борта.

— Ничего, тетя Даша, — негромко сказала Аннушка, уже забравшаяся в кузов. — Мы его бечевкой привяжем, авось, не улетит.

— Громче голос подавай, Нюрка, — сказала женщина. — Чего хоронишься? Сюда, дорогой друг Иван Петрович, тут вроде как помягче.

Брезент опустили, и в кузове стало тихо и тепло, как в комнате.

— Помягче нельзя, тетя Даша! — сказал Петренко.— Как мягко, так я засну. Мне бы

куст крыжовничный под голову, что ли.— В темноте он ощупал то, что было рядом с ним, и уселся на моток проволоки, лежавший на досках.— Ну, да тут недалеко. Крикни Денисову, пусть едет.

Машина тронулась. Длинные концы досок, свисавшие из кузова, захлопали друг о друга. Свет, проникавший под брезент, замигал и качнулся. Опять зашумел ветер, тяжелые капли ударили наискосок по брезенту и на мгновенье заглушили шум мотора.

— А вы бы заснули хоть немножко, Иван Петрович,— сказала Аннушка.— Неужели не разбудим? Которую ночь маетесь!

— А когда ж лекция, Иван Петрович? — хихикнула девушка, звавшая Петренко в машину.

— Светка, не скаль зубы! Какие тут лекции! — оборвала ее тетя Даша.— А ты, Анна, зря просишь. Ты ж знаешь: он у нас железный! Хлеба, кавалер, хочешь? Своего опять, поди, взять забыл? Вон и сало есть. И когда ты, окаянный, женишься? Подайте, девки, на него в райком заявление. Путается, чорт холостой, под ногами, не спит, не ест, аж кости брякают... И чтоб жену ему характером потверже...

— Мы его по жребию разыграем, тетя Даша,— фыркнула Света.

— Смотри, как бы тебя некоторые прочие не разыграли! — сурово ответила тетя Даша.— Слышь, Петренко, Денисов чего-то тебя жалеет.— Она откинула брезент.— Какой дорогой лучше ехать?

— Да я там нынче не был,— огорченно сказал Петренко.— Откуда мне знать? Пусть на Лехово едет, там грунт крепче.

— На Лехово, Денисов! — крикнула тетя Даша и опустила мокрый брезент, который с силой шлепнулся о борт машины.— А ты у нас, дружок, все должен знать...

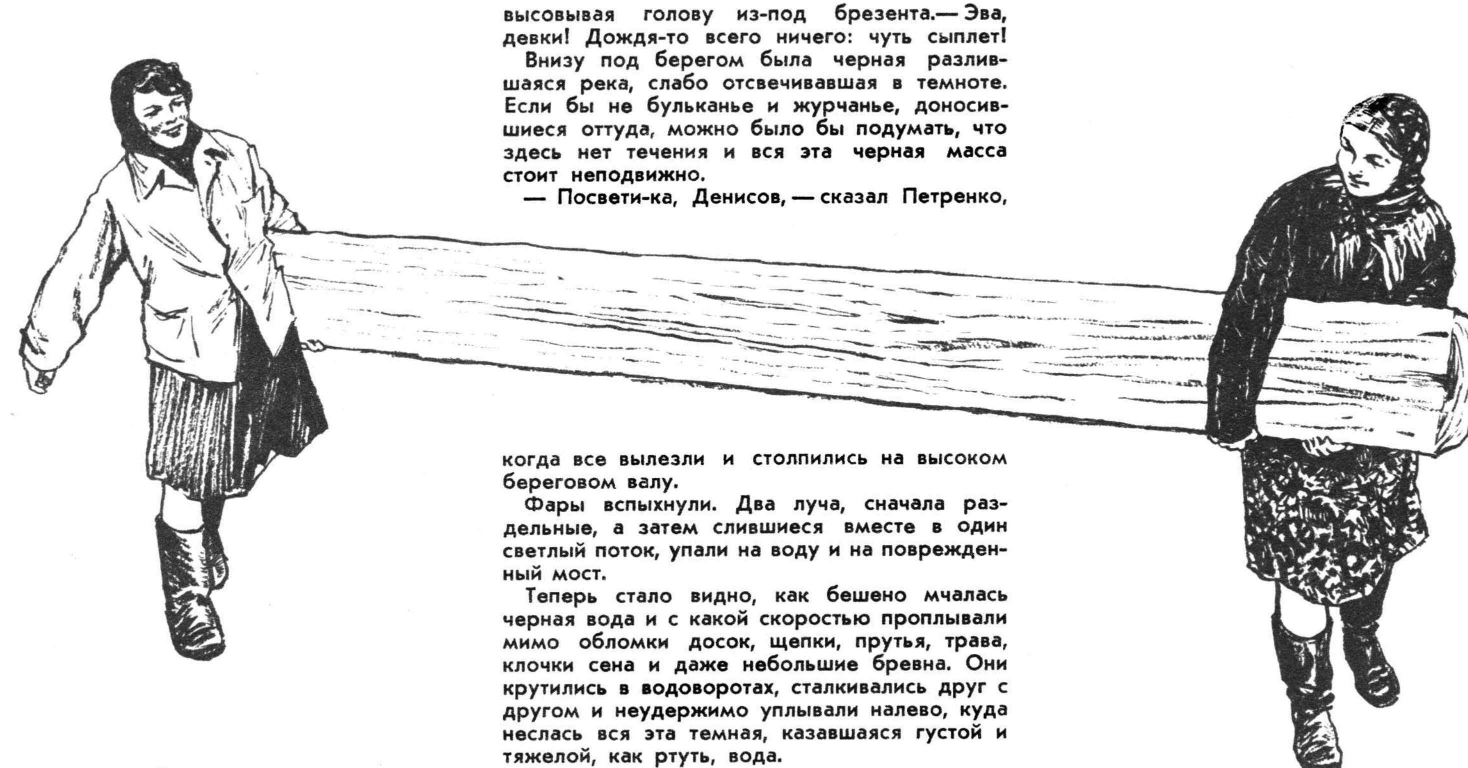
С тех пор как начались дожди, вода не успевала просыхать. Сначала она заполнила мелкие углубления, канавки, впадины и не стекала, а все прибавлялась. Потом мелкие лужи соединились друг с другом и с канавами, наполненными до краев, и скоро воды скопилось так много, что стало казаться, пойди дождь еще, вся земля, как полу́дой, покроется тонким блестящим ее слоем, по которому побежит мелкая рябь от ветра и разбегутся кружки от капель, непрерывно сыплющихся с неба.

Денисов дал сигнал, и машина остановилась.

— Приехали,— сказала тетя Даша, высовывая голову из-под брезента.— Эва, девки! Дождя-то всего ничего: чуть сыплет!

Внизу под берегом была черная разлившаяся река, слабо отсвечивавшая в темноте. Если бы не бульканье и журчанье, доносившиеся оттуда, можно было бы подумать, что здесь нет течения и вся эта черная масса стоит неподвижно.

— Посвети-ка, Денисов,— сказал Петренко,

когда все вылезли и столпились на высоком береговом валу.

Фары вспыхнули. Два луча, сначала раздельные, а затем слившиеся вместе в один светлый поток, упали на воду и на поврежденный мост.

Теперь стало видно, как бешено мчалась черная вода и с какой скоростью проплывали мимо обломки досок, щепки, прутья, трава, клочки сена и даже небольшие бревна. Они крутились в водоворотах, сталкивались друг с другом и неудержимо уплывали налево, куда неслась вся эта темная, казавшаяся густой и тяжелой, как ртуть, вода.

От того места, где стояла машина, дорога, прорезав береговой вал, спускалась вниз, на небольшую дамбу, за которой начинался довольно длинный мост. Вода, видимо, некоторое время покрывала и дамбу, потому что ее поверхность была так размыта, что совсем не походила на дорогу.

— Смотрите,— сказал Петренко, откидывая капюшон плаща.— Заметно спало. Теперь до моста дойти можно, а то говорили, придется вплавь добираться!

Хлюпая по залитой жидкой грязью поверхности дамбы, они подошли к мосту. Настил его был сильно разбит. Некоторые из разломанных досок висели на крайних балках, многих досок не было совсем, и в настиле зияли отверстия, под которыми совсем близко неслась вода. То, что плыло по ней, ударялось об устои моста, и это непрерывное постукивание разносилось далеко по реке. Низенькие перила тоже были разломаны, только отдельные накренившиеся столбики еще торчали по сторонам настила.

— Дождались! — укоризненно сказал бухгалтер.— Давно надо было настил менять!

— Это верно,— отозвался Денисов.— А только тут, говорят, сверху такие бревна несло, что как снарядом било. Его б и новый, пожалуй, разворотило!

— Гаси свет, Денисов,— сказал Петренко, когда все вернулись к машине.— Как на мост влезем, будешь нам понемногу подсвечивать. Смотри, чтоб нам совсем без огня не остаться.— Он быстро снял плащ и бросил его в кабинку.— А ну, орлы, начали!

Стаскивать неструганые доски было трудно. Их поверхность была ворсистой, и они не скользили, а цеплялись одна за другую, и их приходилось силой выволакивать из кузова. Сверху они были серые от дождя, а снизу, куда не проникал дождь, белые, и потому их, прежде чем бросить на землю, перевертывали, чтобы легче было разбираться в темноте.

— Ну, главный, командуй! — сказала тетя Даша.— Меня пусти на мост. Смерть люблю топором стучать! Чорт догадал бабой родиться... Был бы из меня знаменитый плотник, а то и столяр!

— Ладно,— согласился Петренко.— А Кондрашин с Денисовым — на дамбу! Берите, братцы, лопаты. Только глину не ройте — сплывет. А вы, девушки, доски на мост подносите.

— Нам, Нюрка, с тобой амнистия вышла,— хихикнула Света.— Доску снесем да сядем, покуда они справятся.

— Я вам сяду! — сказала тетя Даша, заправляя волосы под платок.

— Товарищу Кондрашину дайте посуше работку,— соболезнующим тоном добавила Света.— У него ж насморк! Гляди, ноги промочит!

— Молчи, суслик,— проворчал бухгалтер.— За собой смотри!

Петренко прошагал по дамбе и, поднявшись на первые доски старого настила, ударил по ним топором, а потом подпрыгнул, чтобы испытать их прочность. Длинная его тень протянулась по реке, а когда он махнул топором, то тень от руки оказалась на том берегу и совсем исчезла, попав в темную массу кустов. На поверхности воды тень колебалась и вздрагивала от водоворотов и струй.

— Гляди, Нюрка, как в кино! — засмеявшись, сказала Света.

Пройдя по левой стороне помоста, Петренко дошел до первой разбитой доски и, усевшись верхом на балку, отбил обломки и сбросил их в воду.

— Доску, девки! — крикнула тетя Даша. Она на своей стороне сделала то же самое, что и Петренко. — Довольно зубы скалить!

Девушки спустились с берега на дамбу, неся в руках первую доску. У моста они развернулись так, что Аннушка подошла со своим концом к Петренко.

— Вы осторожней, Иван Петрович, — заботливо сказала она. — А то вдруг поскользнетесь да в воду!

— Ничего, — ответил Петренко, принимая от нее мокрый конец доски. — Сюда клади.

Девушка нагнулась. Концы ее платка упали к нему на плечо и закрыли глаза, и он мотнул головой, словно отстраняясь от них.

— А гвозди где? — сердито закричала тетя Даша. — Забивать-то чем? Вы, Феклы!

— Сейчас, — отозвалась Аннушка и быстро пошла к машине.

Медленно продвигаясь вперед, Петренко и тетя Даша продолжали отбивать одну за другой остатки старых досок и заменять их новыми.

Постепенно белый настил ясно обозначился в темноте, и казалось, что и темнота, и чуть моросящий дождь, и черная взбаламученная река — все отступило перед этой белой дорожкой, перед ударами топоров, звонко загонявших в доски огромные гвозди, перед шорохом земли, которую Денисов с Кондрашиным таскали на подъездную дамбу.

— Васька, окаянный, тише ты! — вдруг плачущим голосом закричала на дамбе Света. — Тетя Даша, что он делает?

— Да я ж не нарочно! — гулким басом отозвался Денисов, который уже и ватник сбросил и работал в одной косоворотке.

— Я, понимаете, иду, — тем же голосом продолжала Света, — а он нарочно глыбину обрушил и меня всю чисто грязью заляпал.

— А ты не хныча! — скомандовала тетя Даша. — Это он за тобой ухаживает! Вот молотить станете, ты ему за воротник пыли насыпь. — Она повернулась и несколькими ударами забила гвоздь. — А ну, давай другую!

На этот раз девушки, неизменно разворачивавшиеся так, что Аннушка подходила со своим концом доски к Петренко, пришли немного рано: он еще забивал гвоздь. Звонкие удары неслись по реке и эхом отдавались где-то в заречных лесах.

Внезапно Петренко слабо вскрикнул, и вслед за тем послышался сильный всплеск.

— Что вы, Иван Петрович? — тревожно спросила Аннушка.

Он глубоко вздохнул, но тотчас сказал обычным своим голосом:

— Не беда... Это я от неожиданности. Топор уронил да руку немного поцарапал... Павел Яковлевич, будь друг, принеси запасной из машины. Вода спадет, и этот вытащим!

Аннушка поднесла к нему конец доски.

— А я как испугалась! — тихо сказала она. — Думала, вы в воду сорвались. Ой, что это у вас?

На руке Петренко, которую он протянул, чтобы взять доску, лежала широкая черная лента. Когда он отклонился и свет от фар упал на его руку, стало видно, что это не лента, а красная струя крови.

— О, черт! — сказал он. — Пустяк, царапина, да, видно, жила открылась. — Правой рукой он вынул из кармана газету, потом лег на балку и, наклонившись вниз, опустил руку в темную воду. — Вот тебе и больница! — засмеялся он. — Сейчас газетой обмотаю — и все в порядке!

— Так нельзя, Иван Петрович! — умоляюще сказала Аннушка. — Заражение будет. Я ж первую помощь проходила. Дайте я перевяжу!

— Еще чего! Бывало и хуже! Кондрашин, несешь топор?

— Ой, Павел Яковлич! — сказала девушка, когда Кондрашин, сопя, взобрался на мост. — Ну, вы, пожалуйста, вы постарше... Ну скажите ему, что надо руку перевязать.

Стоя на краю настила, бухгалтер сердито хмыкнул.

— А когда он уважал старших? Я вот больной, а он меня из дома выволок!

— Ну как же так! — растерянно говорила девушка, дергая бухгалтера за рукав. — Ну скажите ему!

— Не крутись, девка, зря! — сердито крикнула тетя Даша. — Бери его за воротник да веди!

— Правильно! — подтвердила Света, которая уселась на принесенную ею доску и, пользуясь перерывом, счищала щепочкой грязь со своих резиновых сапог, поворачивая их так, чтобы они попадали в полосу света. — Если некоторые не понимают кое-чего!

Помолчав немного, Аннушка решительно сказала:

— Встаньте, товарищ Петренко! Я здесь как первая помощь и медицинская сестра и потому вам приказываю! Что у других за вас сердце болит, так вам это все равно? Отберите, пожалуйста, у него топор, товарищ Кондрашин!

— Так его! — одобрительно отозвалась тетя Даша и толкнула Свету. — Довольно сидеть! Иди на его место!

— Ну, без всякого сознания человек! — кокетливо сказала Света и покорно поднялась. — А гвозди где?

Взяв Петренко за руку, Аннушка отвела его на край помоста и повернула лицом к фарам.

— А чем бинтовать будешь, медперсонал? — ехидно спросил он.

Девушка расстегнула верхнюю пуговицу своего ватника и вытащила оттуда небольшой белый платочек. Озябшая от воды рука Петренко почувствовала тепло кусочка ткани, нагретого ее телом.

— Ну зачем это? — сказал он. — Только добро портишь! Экая упрямая!

— Это я-то упрямая? — тихо вздохнула Аннушка. — Видали вы, значит, упрямых!

Сложенный вчетверо платок она приложила к порезу, затем вытащила косу из-под ватника и, перекинув ее через плечо, сказала:

— Давайте ленту развяжем!.. Да не так! Ай никогда не приходилось? — насмешливо сказала она.

— Ну зачем? — он еще пытался сопротивляться и зажал в ладони конец косы с вплетенной в нее темной ленточкой.

— Вот уж вы упрямый, это да! — сказала девушка и разняла его пальцы. — Не держите косу, мне ж больно!

Дождь давно перестал. На востоке небо стало светлосерым: там занялась заря, но она не могла пробиться сквозь тучи и только чуть просветила их.

Денисов погасил фары. Дамбу засыпали, и по ее гребню можно было легко подъехать к мосту. Настил дошел до противоположного берега.

— Готово! — крикнул Петренко, когда тетя Даша вогнала последний гвоздь. — Прогони машину, Денисов!

— Сначала я! Я сначала! — пронзительно закричала Света.

Она подхватила Аннушку за талию, громко запела вальс «Осенний сон» и прокружилась с подружкой по всему настилу до противоположного берега.

— Теперь можно, Вася! — крикнула она. — Нас держит!

Машина осторожно въехала на мост. Черная вода попрежнему бурлила под ним, но теперь людям не было до нее дела. Петренко отошел в сторону, чтобы видеть мост сбоку, и стоял, лениво дожевывая кусок хлеба. Теперь сон сразу навалился на него, как будто только и ждал, когда перестанут стучать топорами и громко разговаривать. Машина вернулась обратно, прошумев по мосту так, будто ехала по обычной дороге.

— Хорошо положили! — одобрительно заметил Кондрашин. — Ни одна не заиграла! А вообще, Иван Петрович, что-то оскорбительное было в этом разбитом настиле. Будто стоило только природе пошевелить пальцем — и нам уже ходу нет! Шалишь, брат!

— Ага! — сказал Петренко. Глаза у него были совсем сонные. — Теперь только наших подвод дождемся! Скоро они пойдут!

Он подошел к машине и окликнул Денисова.

— Слушай, Вася, Вася! — ему приходилось повторять по нескольку раз одно и то же, потому что перед глазами у него все вертелось и слова плохо доходили до него — так он хотел спать. — Я, брат, сейчас засну, засну... а ты меня разбуди, разбуди, когда наши подъедут. Понял, Вася?

— Понял, Иван Петрович! Давайте я вас в машину подсажу. Вы ж две ночи не спали!

Потом к машине подбежала Света.

— Васенька, милый! — умильно сказала она. — Сделай мне зеркальце!

Денисов забрался в кабину, снял свою черную шапку и приложил ее к ветровому стеклу, а Света начала крутиться перед стеклом.

— До чего ж я трепаная! До чего ж я лохматая! — ворковала она. — Правда, Васенька?

— Давай, давай! — ответил тот басом. — Домой пора собираться. И не кричи здесь: Иван Петрович спит!

— Где Петренко? — крикнула тетя Даша. Они с Аннушкой наломали зеленых веток и подметали новый настил.

— Спит он. Спит в машине, тетя Даша! — ответила Света, поднимаясь на колесо и за-

глядывая в кузов.— Так на проволоке и свернулся.

— Тихо, девки! — скомандовала тетя Даша.— Пусть спит. Откинь брезент, Денисов: сухо. Сейчас обоз встретим и тоже поедем. Да вон они едут!

Денисов вскочил в кузов и дотронулся до Петренко тыльной стороной руки, чтобы не испачкать его.

— Иван Петрович, наши едут!

— Не будил бы ты его! — просительно сказала Аннушка, стоявшая возле машины.— Без него проедут!

— Наши? — спросил Петренко и открыл глаза.— Ну вот я сейчас,— глаза у него опять на мгновенье закрылись, но он сделал усилие и встал с мотка проволоки, к которой привалился, засыпая.

Темнозеленая трехтонка ехала впереди, за ней следовало несколько подвод, груженных мешками с зерном. Над машиной было натянуто кумачовое полотнище, которое надувалось на ветру. Молодой парень сидел под ним на груде набитых зерном мешков и играл на гармонике.

— Парторгу привет! — весело крикнул он, когда машина остановилась рядом с Петренко.— Принимай парад! Тетя Даша, Светка, ко мне! Поможете сгружать на приемном пункте, а потом я вас спать отпущу.

— Товарищ бригадир...— заныла было Света, но тетя Даша толкнула ее к машине и, поднявшись на колесо, протянула руку к сидевшим, чтобы ей помогли подняться.

— Поехали! — крикнул Петренко и махнул рукой.— А ты, Аннушка, со мной?

Он не дослушал ответа, быстро лег на старое место и сразу закрыл глаза.

Машина тронулась. Кондрашин захлопнул дверцу и со вздохом облегчения откинулся на спинку сиденья. Петренко лежал, неудобно склонившись на связку проволоки, и крепко спал, как спал бы сейчас где угодно, положив голову даже на камень. Брезент был откинут, встречный ветер продувал кузов и шевелил прядь волос на лбу спящего.

Аннушка ощупала свой платок на голове — шерсть была влажной. Ватник тоже был сыроват. Тогда она собрала брезент в складки и закрыла им окошечко кабины. Потом, быстро скинув ватник, сняла с себя зеленый жакет и положила его на плечи Петренко так, чтобы закрыть его перевязанную руку, совсем посиневшую на этом ветру, и лицо спящего, побледневшее от усталости. Он чуть двинул бровями во сне, и она подумала было, что он почувствовал на щеке шерстяную жакетку. Но этого не могло быть: он не чувствовал сейчас ничего, его можно было взять на руки и перенести в другое место, и он бы не проснулся.

Она уселась на дно кузова рядом со спящим, придерживая жакет за полу, готовая сдернуть его, как только остановится машина или если Петренко вздумает проснуться.

Они медленно катили по дороге, все еще залитой водою. В ящике, стоявшем в кузове, тихонько звякали инструменты.

Девушка посмотрела на небо. Там уже не было сплошного серого покрова. Теперь темные хлопья туч стремительно летели на север, обгоняя друг друга. Они то клубились, постоянно изменяя свою форму, то смыкались вместе, как черный дым, и тогда все темнело на земле, то вдруг раздвигались, и тогда сквозь узкую трещинку золотой струйкой падал солнечный луч. И было ясно, что вся эта черная кутерьма подходит к концу, что там, наверху, спокойно сияет солнце и только и ждет того, чтобы немного улеглась эта облачная сумятица.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Антанас Страздас

В апреле 1953 года литовский народ торжественно отмечает 120-летие со дня смерти своего славного сына — поэта Антанаса Страздаса.

Поэт жил в мрачную эпоху самой жестокой эксплуатации трудового крестьянства. Только ценой необычайных усилий, лишений и голода А. Страздасу удалось получить духовное образование. В то время для сына литовского крепостного это была единственная возможность выбиться в люди. Духовный сан не помешал, однако, А. Страздасу остаться другом и защитником крестьян. Поэт вел самую простую жизнь, ходил в сермяге или деревенском кожухе, в лаптях (как известно, другие ксендзы жили не хуже панов-помещиков). Умер он в крайней нищете. Духовное начальство не захотело отпустить «грехов» А. Страздаса и приказало похоронить поэта на неосвященном кладбище, где хоронили самоубийц и разбойников, в местечке восточной Литвы — Камаяй.

Народ сберег много преданий, рассказов, анекдотов о Страздасе, которые рисуют его как человека, глубоко ненавидевшего и страстно обличавшего произвол, зло, неправду. Умер, например, злой и богатый помещик. Его родные прислали Страздасу горшок масла и большой кусок сала, чтобы он приехал произнести прощальную проповедь на могиле умершего. Страздас приехал и выступил таким образом:

— Радуйтесь и благодарите бога, что он послал смерть тому, кто столько лет вас мучил, сосал вашу кровь и пот, сдирал с вас шкуру,— ему дорогу в вечность я и маслом мажу и салом мощу, но ничто не поможет: он провалится в ад и там получит свою награду, которую заслужил, он будет гореть и жариться в смоле...

Когда родные умершего выказали неудовольствие, поэт ответил:

— Вы не знаете Страздаса, если думаете, что я пойду на подкуп и буду лгать на похоронах...

В простых задушевных песнях А. Страздаса говорится о горе и редких радостях тружеников, об их подневольной жизни, рисуются картины литовской природы и быта крепостных крестьян:

Чорт всегда напакостить готов
И поставил во главе панов.
Нам же сытых дней не видеть сроду,
Корку грызть и пить сырую воду.
А панам лишь карты, кутежи,
Вот какая им досталась жизнь!
Презирать литовский свой язык
Каждый панский выродок привык.

Мы — литовцы, мы — простые люди.
Плачем мы от панского бессудья.
Хамами они нас называют,
Податью тяжелой облагают...

Гневом и надеждой на избавление от неволи дышат строки поэта:

Тело, ноги, руки, как у нас,
А на них работай каждый час!
Но уже куется много стали,
Чтоб холопы на панов восстали!..

Перевод М. Светлова.

А. Страздасу при жизни удалось издать только один небольшой сборник своих песен. Цензура делала все, чтобы вольнолюбивое слово «мужицкого» поэта не дошло до масс. Но до сих пор народ поет песни А. Страздаса: «Дрозд», «Ворон», «Песнь о сиротах» и многие другие. В наши дни произведения поэта возрождаются к новой жизни и к новой славе.

Антанас ВЕНЦЛОВА

Наш корреспондент

«(Наш корр.)»! Миллионы советских читателей ежедневно встречают в газетах эту скромную подпись под информацией или короткими заметками. Имя их автора остается неизвестным. Никогда не узнает читатель и того, какой труд был затрачен, чтобы в скупых строках сообщить об услышанном и увиденном. Для читателя ясно одно: эта скромная подпись — лучшее ручательство точности и правдивости сообщения. Написавший заметку лично был на месте события, беседовал с людьми. Он это видел!

Александр Гончаров. Наш корреспондент. Повесть. «Октябрь». 1952. №№ 11, 12.

О людях советской печати рассказывается в повести Александра Гончарова «Наш корреспондент». Писатель повествует о жизни и труде работников армейской газеты. Действие происходит на фронте в дни подготовки нашего наступления и разгрома фашистских войск в предгорьях Кавказа. В повести обрисован сложный и интересный газетный мир: вечно кипучая атмосфера трудового редакционного дня, особенности профессии военного корреспондента и, главное, люди, которым доверено великое право нести в массы вдохновляющую правду партийного слова о нашей жизни и борьбе.

Герой повести — молодой журналист Михаил Серегин. С большой любовью и теплом изобразил автор обаятельный образ юноши, несомненно, даровитого и кристально честного. Любовь к родным советским людям делает зорким профессиональное зрение Серегина-журналиста; сознание своей ответственности перед ними побуждает его, рискуя жизнью, идти в бой, чтобы каждое написанное им слово дышало правдой.

Характер Серегина складывается как бы на глазах у читателя. Славный паренек, добровольцем пришедший в армию, конечно, далеко не представлял себе сути повседневного будничного подвига журналиста. Оказывается, для того, чтобы писать не то что «захватывающие дыхание» очерки, а просто чтобы давать скромную информацию, и то нужны немалые знания, уменье разбираться в военной обстановке. Оказывается, у военного журналиста должна быть не только светлая голова, но и крепкие ноги, способные без устали месить грязь на фронтовых дорогах, карабкаться по горам, словом, доставлять своего владельца (и при этом в назначенный срок) за десятки километров от редакции.

Все это довелось испытать Серегину, и все это закалило и сформировало его характер. Он понял то, о чем и не подозревал раньше: счастье журналиста не в личных боевых подвигах, о которых Серегин когда-то мечтал, а в завидной доле — первым заметить солдатскую доблесть, солдатский подвиг и сделать этот пример достоянием многих. Раньше Серегин мечтал о своих подвигах, о своих очерках, теперь его мысли целиком заняты виденным, заботой о том, чтобы замечательный воинский труд, вложенный бойцами в дело победы, стал известен читателям газеты. «Ничего, если в верстке потребуется сокращение и дежурный, быть может, вычеркнет фамилию, и под заметкой останется скромное безымянное обозначение «Наш корр.». Это не важно. Важно, чтобы газета вышла с оперативной информацией».

Духовный облик Серегина отличается подлинным богатством чувств и переживаний. По страстности, какую он вкладывает в выполнение редакционных заданий, по взыскательности, с которой относится ко всему, что вышло из-под его пера, по его первой юношеской любви к разведчице Наташе мы угадываем в герое повести человека большой души, высокой коммунистической морали.

Писателю удалось хорошо показать ту роль, которую сыграл в духовном развитии молодого журналиста редакционный коллектив. Образы работников редакции очерчены любовно и ярко.

С глубокой сердечностью пишет А. Гончаров о солдатах и офицерах Советской Армии, идущих в бой мужественно и спокойно, с сознанием собственной силы, правоты своего исторического дела, готовых к подвигу во имя Родины. Особенно запоминаются образы сержанта Донцова и Наташи.

Пафос повести А. Гончарова в утверждении значения благородного труда советских журналистов, силы и могущества нашей печати, в искренней вдохновенной любви к простым советским людям. «Три года я размышляю, что же такое советский человек? И не перестаю удивляться»,— говорит герою повести уроженец Западной Украины доктор Лысько.

Радостное удивление и гордость за обыкновенных советских людей разделяет со своими героями и автор повести Александр Гончаров, сам бывший военный корреспондент. Он тоже принадлежал к обыкновенным с виду людям, за скромностью и трудолюбием которых скрываются подлинный талант строителя жизни, пламенная душа, готовая к подвигу. В повести чувствуется недостаток писательского опыта, но она свидетельствует о незаурядном даровании, о ясном уме и горячем сердце автора. Тяжелая болезнь рано подорвала силы молодого писателя; самая его работа над книгой, выхода которой А. Гончаров так и не увидел, была мужественным подвигом. И как всякий подвиг, внушенный патриотическими побуждениями, любовью к товарищам по борьбе, оставляет не только добрую память о свершившем его бойце, но и входит частью в бессмертие нашего дела, так и повесть «Наш корреспондент» сохраняет за ее автором боевое место в общенародном строю борцов за коммунизм.

А. МАКАРОВ

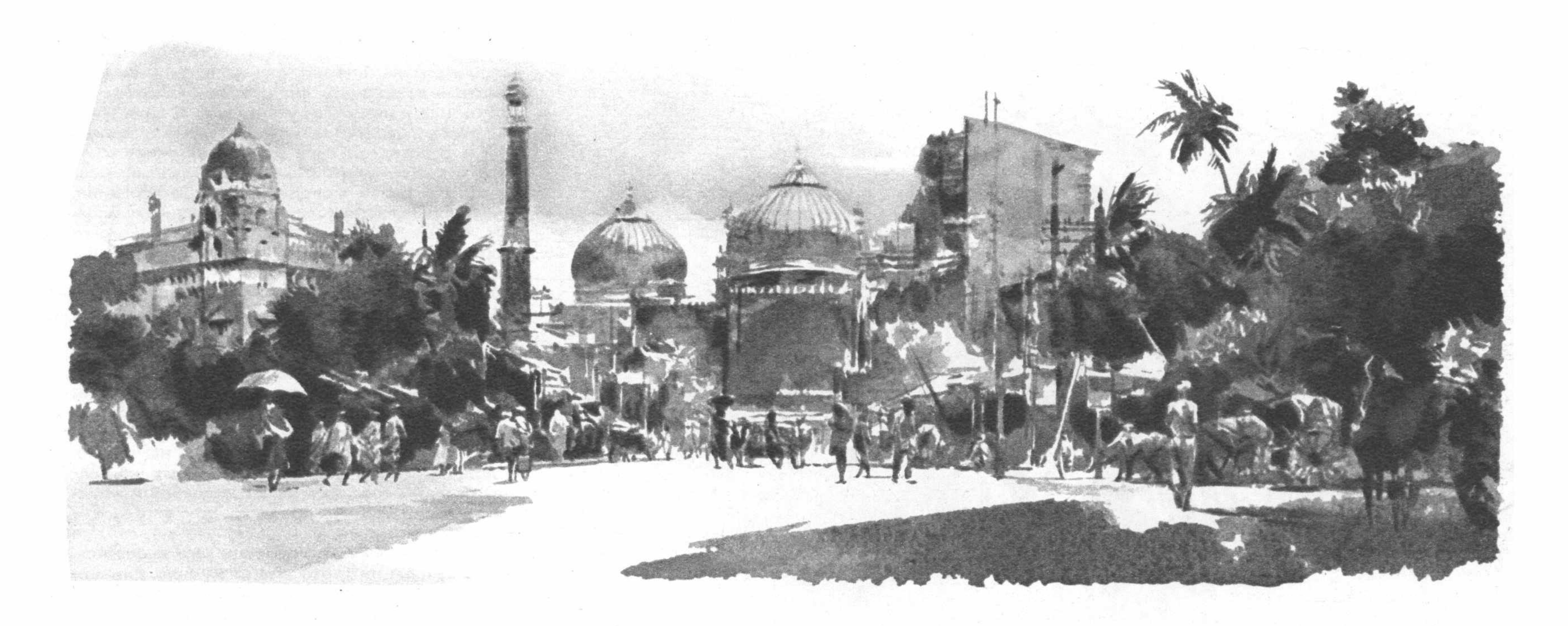

Маршал Советского Союза Семен Михайлович БУДЕННЫЙ. К 70-летию со дня рождения.

Фото Евгении Игнатович.

В Сухуми — городе-курорте. Вверху: улица Ленина; внизу: новое здание Государственного драматического театра.

Фото С. Короткова.

СТО РУПИЙ

Рассказ

Кришан ЧАНДАР

Рисунки В. Климашина.

Я выполнил работу для одного богатого коммерсанта, и за это мне причиталось с него сто рупий. Когда я пришел к нему в контору за деньгами, он сказал:

— Зайди шестнадцатого числа.

Я зашел шестнадцатого числа. Самого коммерсанта на этот раз в конторе не оказалось. Его управляющий, старик со светлой бородой и с торчавшим изо рта кривым зубом, отчитывал за что-то своего помощника. Когда я обратился к управляющему, он очень любезно ответил:

— Ты заработал сто рупий — ты свои сто рупий и получишь. Но сегодня нет хозяина. Зайди завтра.

— А что если и завтра его не будет в конторе? — спросил я.

— Ничего, ничего. Тогда я сам все улажу. Ты не беспокойся. Свои деньги ты получишь, — заверил меня управляющий.

Выйдя из конторы, я купил на два пайса [1] залежалых, сухих зеленых листьев бетеля с примесью пряностей грубого помола и стал жевать их. Я мог бы, конечно, купить еще кала канди [2], свежезамороженные листья бетеля и мелкие бенаресские листочки бетеля, намазанные тертыми пряностями с примесью корицы, кардамона и чудесного душистого сорта табака. Но я купил только старые, зеленые листья бетеля, смешанные с пряностями грубого помола, потому что был очень голоден, а в моем кармане лежали всего каких-нибудь полтора — два анна [3]. Листья бетеля, что я купил, были достаточно грубы, и этой жвачки хватило надолго.

Затем я уплатил один анна за трамвайный билет. Садясь в трамвай, я плюнул в сторону здания, где помещалась контора коммерсанта, и поехал домой.

На другой день, когда я зашел в контору, коммерсанта опять не было. А управляющий заявил мне:

— Хозяина сегодня нет. Кроме того счет твой не совсем правильно составлен.

Я был вне себя от гнева. Все давно подсчитано и пересчитано, сам управляющий десять раз все проверил, а теперь вдруг откуда-то появились неточности. Однако я не мог резко возразить, так как управляющий разговаривал со мной мягким, вкрадчивым голосом. И я так же вежливо ответил ему:

[1] Пайса — мелкая монета.
[2] Кала канди — сладкие душистые корешки.
[3] Анна — мелкая монета.

— Но ведь счет составлен правильно.

Я вынул из кармана своих защитного цвета брюк затасканный листок бумаги, и мы вместе с управляющим принялись снова (уже в одиннадцатый раз!) все пересчитывать. Столько-то пайса за протирку мела, столько-то за лак и олифу, столько-то за работу. Счета на мел, лак и олифу были при мне. А об оплате работы мы договорились еще раньше. Благодаря моим рукам обстановка в конторе коммерсанта была отремонтирована, покрыта лаком и блестела, как новенькая.

— Да, все правильно. Ну что ж, зайди завтра, — закончив подсчет, сказал управляющий.

— Но завтра уж обязательно, — подчеркнул я, немного повысив голос.

— Да, да, завтра обязательно, — подтвердил управляющий, поглаживая свою бороду.

Выйдя из конторы, я не купил даже и на два пайса листьев бетеля и не сел в трамвай, а направился пешком от Фиров Махата роуд до Сайин роуд [1]. На другой день я снова явился в контору.

На этот раз не оказалось ни самого хозяина, ни его управляющего. Помощник управляющего, человек с подслеповатыми глазами, сидел за столом перед кружкой с чаем и о чем-то думал. Его лицо казалось очень странным: на лбу кожа была беловатая, на щеках желтая, а на подбородке сероватая. Словно кто-то обтянул кости его лица вместо кожи клочками грязной, желтой бумаги. Я стал внимательно разглядывать его лицо.

Оторвав свой взгляд от кружки с чаем и посмотрев на меня, помощник управляющего знаком руки предложил мне сесть.

— А где же хозяин? — спросил я.

[1] Названия улиц.

— Он ушел в другую контору.

— А управляющий?

— Управляющий ушел в третью контору хозяина.

— Так что же они морочат мне голову? — сказал я, начиная злиться.

— Вы присядьте. Управляющий вот-вот должен подойти, — тихо сказал помощник управляющего, допив чай.

Я просидел на стуле с половины одиннадцатого до без четверти два.

Вначале я думал: взять бы осколок стекла да соскоблить весь лак с мебели, которую я с таким трудом и старанием отполировал. Затем у меня появилось желание схватить обеими руками помощника управляющего и сдирать с его неестественного лица желтые клочки бумаги до тех пор, пока не обнажатся кости. Потом мне пришла в голову мысль убить управляющего. Долго я обдумывал наказание для самого богача. В конце концов я решил, что тело коммерсанта следует натирать песком до тех пор, пока с него не слезет вся кожа. Наконец явился управляющий.

— Все в порядке, — сказал он, улыбаясь. — Чек на сто рупий выписан...

— Но теперь уже без четверти два, а в два часа банк закрывается. Отсюда до банка две мили, завтра банк закрыт, а послезавтра воскресенье, — проговорил я в отчаянии.

— Да, — согласился со мной управляющий, радостно потирая руки.

— Давайте чек! — окончательно выходя из себя, крикнул я.

Прошло еще пять минут, прежде чем чек оказался у меня в руках. Тут-то выяснилось, что моя фамилия записана неправильно: вместо Мухаммед Шафи было написано Мухаммед Рафи.

— Не кричи, пожалуйста! — проговорил управляющий. — Произошла ошибка. Я писал Мухаммед Шафи, а получилось Мухаммед Рафи. Но это не страшно. Зайди в понедельник, получишь новый чек.

— Но ведь это чек на предъявителя, — сказал я. — Поэтому ошибка не имеет никакого значения. Возьмите с меня расписку и отдайте мне чек. Зачем мне снова приходить к вам в понедельник? Я тогда буду работать в другом месте.

— Ну хорошо... возьми... — с паузой проговорил управляющий и неохотно протянул мне чек.

Я быстро вышел из конторы. Было уже без

девяти минут два, а добраться до банка пешком за столь короткое время невозможно. У меня в руках чек на сто рупий, но это — всего-навсего кусок бумажки, и для того, чтобы обменять эту бумажку на сто рупий наличными, надо обязательно попасть в банк до двух часов дня. Был только один выход. Я крикнул:

— Эй, такси!

Ко мне с шумом подкатило такси. Его корпус был черного цвета, а верх — желтого. Я сказал водителю: «До угла Кальба Деви роуд, и, пожалуйста, побыстрее!»

Когда мы прибыли на Кальба Деви роуд, было уже без двух минут два. На этой улице банка не оказалось. Я обращался к нескольким лавочникам с расспросами, но добиться от них толку не мог. Так как в Корее шла война, цены на товары росли, и какие-то сто рупий какого-то лакировщика никого не интересовали. Устав от поисков, я заглянул в мастерскую пенджабского сикха, изготовлявшего музыкальные инструменты.

— Заходите, заходите, пожалуйста! Какой инструмент вам угоден? — с добродушной улыбкой встретил меня владелец мастерской, прекратив распиливать какую-то доску.

— Сардар джи [1], мне не инструмент нужен, — ответил я, — мне нужен адрес коммерческого банка.

— О сударь! — воскликнул он. — Этот банк находится на соседней улице, по ту сторону Сита-базара, возле старинного храма с серебряным куполом.

Даже не поблагодарив его, я быстро вышел из мастерской и подбежал к такси. Когда я входил в банк, было уже четыре минуты третьего. Я предъявил чек клерку. Ему бы, конечно, не следовало принимать мой чек. Казалось, что он не только чеки читает, но может по лицу узнать подателя. Клерк спокойно взял от меня бумагу, посмотрел, что написано на обороте, и сказал: «Расписаться-то надо?!»

Мое имя — Мухаммед Шафи, но я расписался: Мухаммед Рафи. Кто такой был этот Мухаммед Рафи, откуда он взялся, когда родился, каков был собой, кто его родители, — ничего этого я не знал...

Получив деньги, я вышел к водителю такси. Ему следовало с меня две рупии и два анна. Такси было маленькое, поэтому и плата небольшая. Если бы такси было большое, то счетчик показал бы рупий пять — семь. Расплатившись с водителем, я облегченно вздохнул. В это время кто-то сильно хлопнул меня по плечу и воскликнул:

— Ого, приятель, что это ты разъезжаешь сегодня на такси?

Обернувшись, я увидел своего друга Асхака. Асхак был очень добродушным человеком. Он снимал на улице Абдрахмана маленькую, тесную комнатушку в доме торговца. Занимался Асхак тем же, чем и я, то есть лакировал, чинил и реставрировал старую мебель. Его возлюбленная жила в гостинице возле рынка, в конце улицы Мухаммед Али роуд. Я несколько раз видел ее. Очень красивая женщина. Принимает крупнейших коммерсантов. Раньше Асхак работал у нее шофером, но эта работа была ему не по душе, и он переменил профессию. Асхак очень нравился этой женщине, так же, как она ему. Она старалась повести его за собой, а он, наоборот, хотел приобщить ее к своему образу жизни. На этой почве между ними постоянно происходили стычки. Бывало, они не встречались по десять — двенадцать дней, пока она снова не приходила к нему. Так у них дело и шло. Иногда Асхак, заработав крупную сумму, приходил и отдавал ей свои деньги. В таких случаях между ними происходил крупный разговор. Но разве молодая красивая женщина, живущая в гостинице и принимающая богатых коммерсантов, будет слушать какого-то лакировщика Асхака? Тут, скажу я вам, было над чем призадуматься.

Я сказал Асхаку, что я голоден, и предложил зайти в закусочную. На это он ответил:

— Я не против. Зайдем.

Когда мы вышли из закусочной, Асхак занял у меня десять рупий и пошел по своим делам. Мне очень нравился Асхак. Когда у него водились деньги, он никому не отказывал — всех угощал. Если же денег у него не было, он ни у кого, кроме меня, не просил в долг. С голоду умрет, но ни у кого не займет. Я очень гордился нашей дружбой и испытывал необъяснимую радость при встречах с ним. Мне начинало казаться, что на сердце нет горя, нет печали, что весь мир веселится, а все базары на свете шумят именно для меня. Ведь бывает же у некоторых людей такое состояние...

И сейчас, после встречи с Асхаком, настроение у меня было прекрасное. Я купил на базаре два яблока и съел их. Подал нищему целых два анна. Потом прошелся пешком до набережной. У меня в кармане были деньги, поэтому домой спешить не хотелось. Погуляв по набережной, я вышел на Харн-би роуд.

Мне очень нравятся магазины, расположенные на Харн-би роуд, особенно те, у которых зеркальные витрины с разноцветной мигающей иллюминацией. И какие только красивые вещи не выставлены за высокими, в рост человека, прозрачными стеклами! Чудесные галстуки, носки, чулки, различная одежда, модная обувь. Каждую неделю все эти прекрасные вещи располагаются в витринах в другом порядке. Обычно по вечерам, прежде чем вернуться домой, я подолгу стоял у этих витрин. Это доставляло мне такое же наслаждение, какое я испытывал, помню, в детстве, когда получал новую игрушку.

Я опустил руку в карман и, потрогав новенькие хрустящие банкноты, подошел к витрине отдела товаров индийского производства. Господи, какую красивую рубаху я увидел! Миндального цвета, с вышивкой и красной каймой. Я провел рукой по рваному воротнику своей рубахи... Интересно, как я буду выглядеть, если надену эту расшитую рубаху с красной каймой. Я представил себе, как я стою перед высоким, в рост человека, зеркалом. Ах, что это было за зрелище! Рубаха стоила всего тридцать рупий, а в моем кармане лежало сейчас в три раза больше. Я мог бы купить ее, но хотелось присмотреть что-нибудь получше, и я двинулся дальше.

В следующей витрине были выставлены пористые губки, полотенца, душистое мыло. Достаточно было взглянуть на все это, как у вас появлялось неудержимое желание мыться. А в другой витрине — мужские халаты. Такие яркие, красочные шелковые халаты, что даже полировщик мебели, надев один из них, выглядел бы, как египетский паша. Халат стоил семьдесят рупий. А у меня в кармане была сумма побольше. Я представил себе, что надел этот халат и лечу куда-то далеко-далеко на персидском ковре-самолете. Воздух прозрачен. Подо мной проплывает земля, покрытая роскошными садами, в темнозеленой лощине сверкает на солнце серебряная змейка реки.

Я приказываю ковру-самолету снизиться. Он опускается на берег реки и превращается в скатерть-самобранку. На ней появляется кувшин, затем я вижу руку, глаза, красивое лицо. Затем... кто-то толкает меня и говорит хриплым голосом:

— Проходи, проходи! Дай и другим посмотреть. Полчаса уже стоишь, пялишь глаза без толку!

Улыбнувшись, я взглянул на человека, который бранил меня. Это был одетый в форму слуга из отдела товаров индийского производства. Я поплелся дальше.

---

[1] Уважаемый.

Разве он, бедняга, мог знать, что я обладаю персидским ковром-самолетом и что у меня в кармане побольше, чем семьдесят рупий? Я мог бы сейчас зайти в магазин и купить этот халат, но я просто не пожелал этого сделать. Ведь на Харн-би роуд найдутся вещи и получше халатов. А что касается этого одетого в форму раба, то его можно проучить в любое время.

Я подошел к витрине, в которой были выставлены фотоаппараты. Я мог бы купить себе один из этих аппаратов и сфотографировать всю ту мебель, которая была старой и ободранной, а затем благодаря моим стараниям снова блестела, как новенькая. Я подумал: возьму фотоаппарат, пойду к Асхаку и скажу ему: «Давай я сниму тебя сегодня вместе с твоей любимой». Эх, стать бы владельцем ковра-самолета и фотоаппарата, я сфотографировал бы прекраснейшие виды!

Рядом с фотоаппаратом стоял волшебный фильмоскоп. Заглянув в него, можно было увидеть красочные картины. Помню, когда я был еще маленький, в наш квартал частенько приходил один старик и приносил огромный фильмоскоп. Мы платили ему один пайса и смотрели картинки. Сейчас, когда я увидел фильмоскоп, мое сердце радостно забилось, и я переступил порог магазина.

— Сколько стоит этот фильмоскоп? — спросил я молодого человека, стоявшего у прилавка.

— Тридцать семь с половиной рупий, — ответил он.

Молодой человек был одет в красивую рубаху. Его курчавые волосы, зачесанные назад, блестели, как новая лакированная мебель. На губах, покрытых пушком молодости, играла такая гордая улыбка, какая появляется у человека только в момент подписания чека. Он смотрел на меня, но тут же заметил красивую девушку, которая вошла в магазин вслед за мной, и все свое внимание перенес на нее. А мною занялся вертлявый продавец, вероятно, помощник первого. Кожа на его лице была какого-то грязного цвета, и я заметил, что местами она облупилась. Он даже не пытался улыбаться.

— Покажите мне этот фильмоскоп, — попросил я его.

Заправив в фильмоскоп свернутую пленку, он подал его мне и сказал:

— Нажмите кнопку, поверните ручку, и перед вами будут появляться все новые и новые картины.

Я нажал кнопку: перед моими глазами появился Тарзан, едущий на слоне. Еще раз нажал кнопку и увидел: Тарзан прыгает с высокой скалы, а какие-то страшные крокодилы копошатся внизу...

Я снова нажал кнопку: девушки в юбках из живых цветов и увешанные гирляндами из роз исполняли волшебный танец.

Еще раз нажал кнопку: на песчаном берегу сидела женщина с опущенными глазами. Тут же стояла бутылка с вином, а на прозрачных тарелочках разложены фрукты, бисквиты и другие вкусные вещи; лицо женщины было настолько близко от меня, что я поспешно нажал кнопку: персидский ковер-самолет опустился на землю.

— Это очень хороший фильмоскоп, в тысячу раз лучше того, что я видел в детстве. За сколько вы продадите его? — спросил я у чесоточного гуджаратца.

— Фильмоскоп стоит тридцать семь с половиной рупий. Да придется взять еще к нему дюжину цветных пленок, которые стоят десять рупий. Кроме того налог... В общем, все обойдется вам более чем в пятьдесят рупий, — ответил он без тени улыбки.

Опустив руку в карман, я нащупал новенькие хрустящие банкноты, сложенные в пачки по десять рупий. Вы не поверите, но до этого момента в моем сердце было единственное желание приобрести волшебный фильмоскоп. Но едва я дотронулся до денег, как почувствовал, словно что-то толкнуло меня, и без всякого нажатия кнопки передо мной замелькало множество картин.

Вот на сыром полу сидит ребенок в рваной рубашонке и плачет. Я узнал его сразу: это мой мальчик. А вот женщина, прикрытая покрывалом, из-под которого торчат ее лохматые волосы. Одна штанина ее старых шаровар гораздо длиннее другой. Я сразу узнал ее... Вот человек стоит у порога. Его лицо и наружность каждое мгновение меняются, а его гнев и злость каждое мгновение возрастают. То он предстает передо мной в качестве управляющего домовладельца, требующего уплаты за квартиру, то он превращается в слугу коммерсанта, торгующего молоком, то это сборщик платы из «Электрокомпании», то это агент из департамента водоснабжения, то это...

Затем я увидел в моем доме на полу пустую тарелку, на ней стакан, опрокинутый вверх дном... Я достал из кармана банкноты и сжал их в руке. Красивый клерк магазина продал красивой девушке фотоаппарат и, проводив ее до порога, вернулся к прилавку. Я же тем временем быстро вышел из магазина. Я знал, что этот напомаженный молодой клерк смотрел на мой грязный рваный воротничок и улыбался.

Сжав зубы так, что они заскрипели, и, не глядя больше на витрины магазинов, я направился прямо на набережную. У меня было такое чувство, словно меня здорово обманули. Мне дали сто рупий, а отняли у меня двести и вместе с деньгами отняли и мой персидский ковер-самолет и мой волшебный фильмоскоп... На каждом моем банкноте было написано: «Это не для тебя». Шаги мои все тяжелели. Я сознавал, что каждая бумажка, заработанная моим трудом, — это оковы печали, которые я сам надеваю на себя. Добравшись до набережной, я вдруг решил, что сегодня я не поеду домой поездом, а пойду пешком от набережной до Сайин роуд...

Было уже далеко за полночь, когда я, страшно усталый, приплелся домой. Жена сидела расстроенная и озабоченная, в нетерпении ожидая меня. Увидев, что я принес деньги, она очень обрадовалась. Но она не могла понять моей печали и потому спросила:

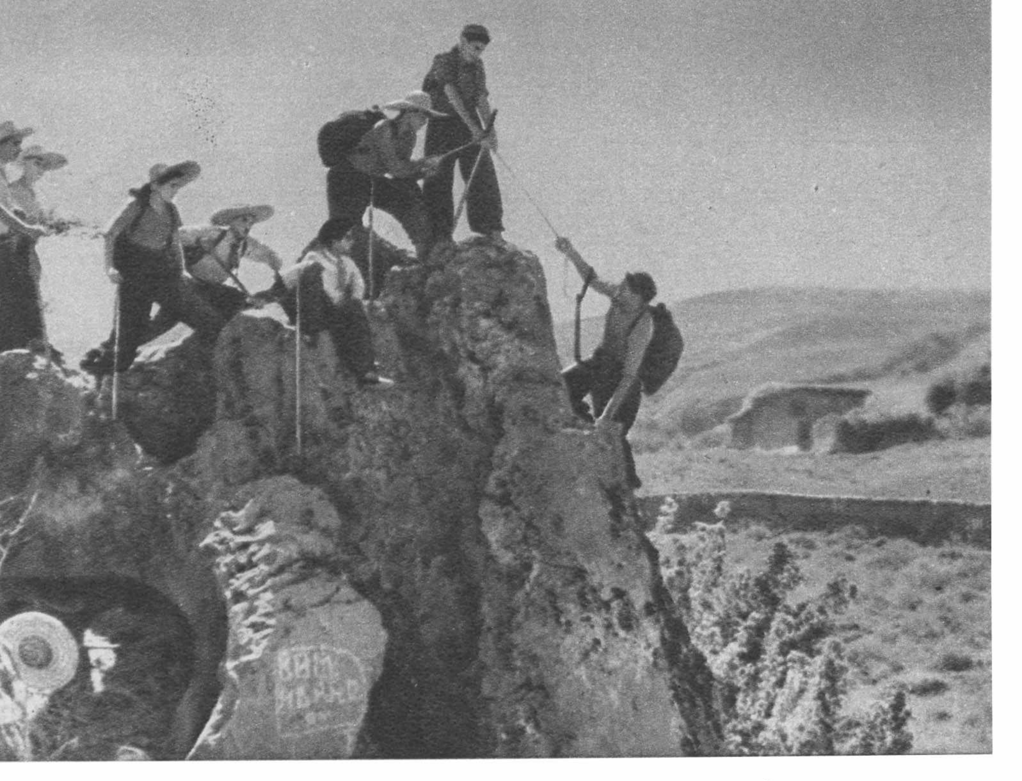
— В чем дело? Почему ты сегодня такой расстроенный и совсем не рад заработку?

— Дорогая моя, — ответил я, садясь на кровать, — сегодня я понял, как стар этот мир, в котором мы живем. Мне нужен такой мир, который бы улыбался, как счастливые дети.

— Я не понимаю тебя. О чем ты говоришь? — спросила жена.

— Я говорю, дорогая моя, что хватит уже реставрировать и подкрашивать старое — теперь надо новое создавать.

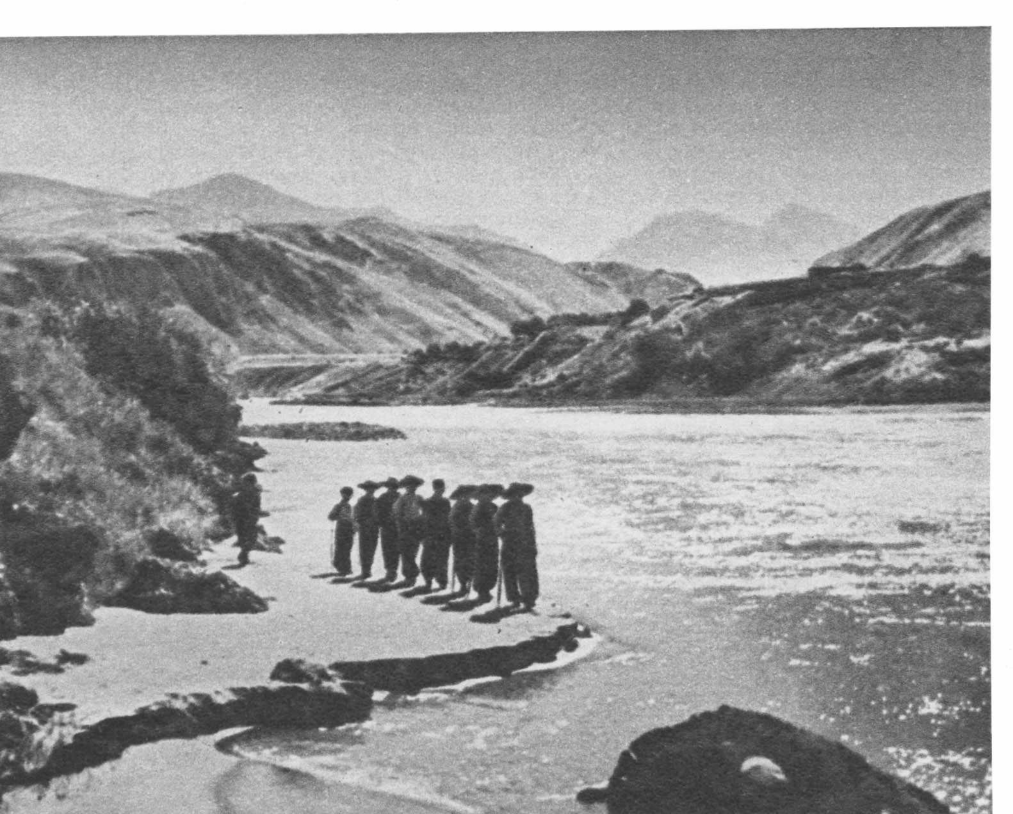
Перевел с языка урду
Ю. ЛАВРИНЕНКО.

ЮНЫЕ ТУРИСТЫ. Фото Дони Якубова, ученика 8-го класса.

НАТУРАЛИСТЫ. Фото Толи Щипанова, ученика 8-го класса

ЭТО СНИМАЛИ

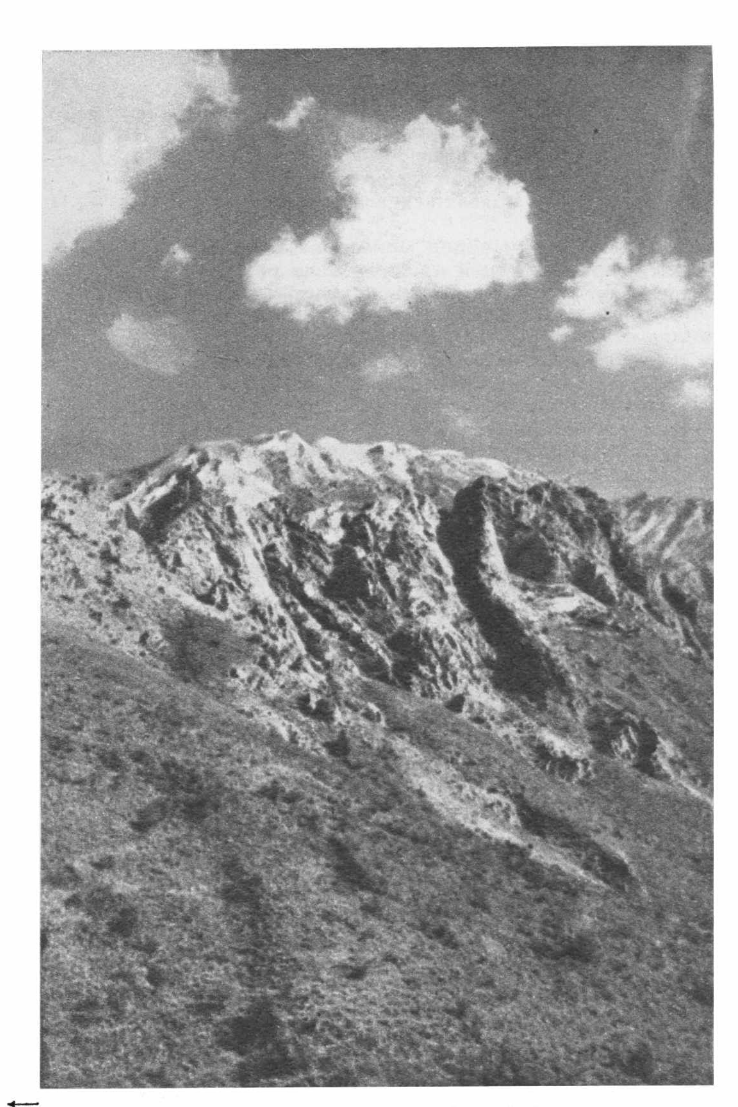
ШКОЛЬНИКИ

Со всех уголков Узбекистана в Ташкент, на республиканский фотоконкурс, пришло около тысячи снимков юных фотолюбителей. Лучшие из этих работ представлены на недавно открывшейся здесь выставке.

Как страницы прекрасной книги, повествуют снимки о счастливом детстве, о том, как бережно и любовно растят молодое поколение Коммунистическая партия, советское правительство. На выставке нашла яркое воплощение горячая любовь молодежи к родному краю, к его живописным горам, к голубым озерам и причудливым скалам.

Но не только о любви к родной природе свидетельствуют снимки узбекских школьников. Они показывают, как широк и разнообразен круг их интересов. Школьники изучают памятники древнего зодчества, строят машины, совершают альпинистские походы. Каждый день их жизни наполнен интересными делами, смелыми мечтами о будущем.

Н. Соловьева

← В ВЕРХОВЬЯХ ЧИРЧИКА. Фото Валерьяна Пономарева, ученика 10-го класса.

ПЕЙЗАЖ. Фото Александра Несбыткова, ученика 8-го класса.

Два боксера

Мих. АЛЕКСАНДРОВ

Он стоит за прилавком магазинчика на углу нью-йоркской улицы, узкой и душной, как штольня. Его тяжелое, одутловатое лицо пасмурно.

Спешит, суетится человек за прилавком. Ведь, если разобраться, он пока просто баловень судьбы. Другие товарищи по рингу кончали хуже. Он иногда встречает их, бездомных бродяг.

Бывает так: прямо с ринга в больницу, а оттуда на улицу...

Тяжело вздыхает человек за прилавком. Бывало, при упоминании его имени сразу оборачивались прохожие. А когда он выходил на ринг в окружении секундантов и менажеров, не оказывалось в огромном зале человека, который не рукоплескал бы. Король ринга, шутка ли! Пятнадцать раундов отрабатывал, как автомат. Бывало...

А теперь он стоит за прилавком, угодливо улыбаясь редким клиентам...

* * *

У подъезда московского цирка, залитого светом, толпится, шумит народ. Сегодня в цирке большие соревнования по боксу.

И перед самым началом у входа встретились два товарища, два старых боксера. Встретились случайно и, как всегда бывает в таких случаях, сказать надо многое, а разговор получается немного суматошный. Только когда надо было уже расходиться, спешить в зал, заговорили о главном.

— Слушай, Константин Петрович, — сказал один, — ведь я тебя еще не поздравил! Мы, конечно, читали о тебе в газетах. Наш Лебедев — сталинский лауреат!..

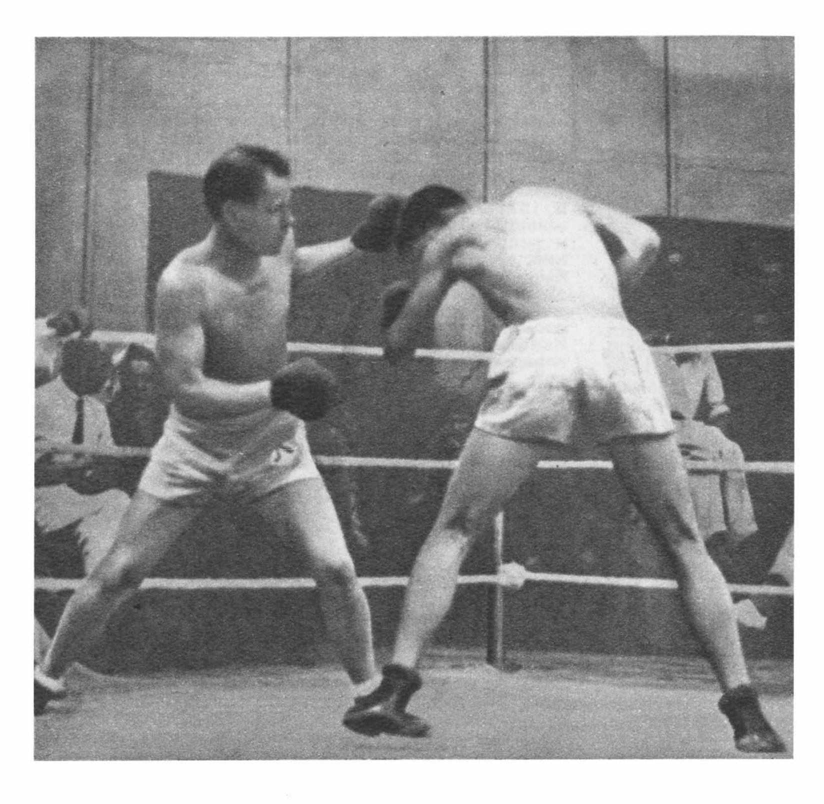
— Есть и тебя с чем поздравить, — отозвался собеседник, — говорят, выпустил новый учебник, кандидат наук... Слышал, знаю, рад сердечно!..

Потом мы видели их в зале. Один сидит во время боев в углу, у ринга. Это ему дружно аплодирует зал, когда объявляет диктор: «Старший тренер команды боксеров Москвы, заслуженный мастер спорта Константин Васильевич Градополов...»

Другой — среди зрителей. Значок мастера спорта и медаль сталинского лауреата у него на груди. Это Константин Петрович Лебедев.

За большим судейским столом — главный судья соревнований, ветеран бокса, военный инженер Сергей Андреевич Емельянов. Окинув взглядом зал, он говорит тихо соседу: «Смотрите, наш старый коллега Лебедев тоже, конечно, здесь. Любопытно, он нарочно приехал из Ленинграда на соревнования или по оказии?»

Звонкий удар гонга. Начинается первая встреча. Но мы не станем говорить о ней. Перенесемся сразу на четверть века назад, побываем в небольшом спортивном зале Ленинградского технологического института. Здесь идет упорная тренировка. Студенты старательно обрабатывают боксерские «мешки» и «груши». Среди других здесь занимаются Сергей Емельянов, боксер уже не безызвестный в спортивном мире, и совсем еще молодой Константин Лебедев.

Момент боя К. П. Лебедева (слева) с боксером Кривеньковым на первенство Советского Союза 1934 года.

Кто из нас не увлекался какимнибудь видом спорта? Студент Костя Лебедев любил и бокс, и плавание, и лыжи, и коньки. Ленинградцы постарше помнят, наверное, как, бывало, любовались они в тихий летний вечер смелым мастерством пловца Лебедева, совершавшего прыжки с вышки водной станции, что возле Петропавловской крепости на Неве.

На ринге он был противником опасным, упрямым, настойчивым в атаках. Нам вспоминается декабрьский вечер 1930 года. Так же тогда толпился у входа в московский цирк народ. Шли международные соревнования по боксу, состязались сборные команды боксеров СССР и Турции.

За кулисами, в комнате, где обычно гримируются артисты перед выходом на арену, готовился к встрече на ринге молодой ленинградский боксер Константин Лебедев. Волновался он, конечно, старался представить себе своего противника средневеса Фами-бея в бою, на ринге. Хороший боксер, с сильным ударом, но очень самоуверенный.

Пять раундов длился этот бой. Пять раундов подряд, от гонга до гонга, атаковал ленинградец, теснил Фами-бея, отпускал и снова теснил к канатам.

Победа была убедительной, полной.

Тогда же и другую победу одержал молодой инженер-конструктор одного из ленинградских механических заводов. Первый наш, отечественный, советский мотоцикл «родился» в конструкторском бюро при самом горячем участии инженера-спортсмена Лебедева!

Прошло немало лет. Константин Лебедев завоевал почетное звание чемпиона страны. Потом с годами покинул ринг. Но любовь к спорту не угасла.

И попрежнему труд и спорт идут рука об руку в жизни инженера К. П. Лебедева. Не ушли хорошие увлечения молодых лет. Снежные просторы и водная искристая гладь попрежнему манят бывшего чемпиона советского ринга.

Большой навык спортсмена тоже, конечно, не пропадает даром. Как водится у нас, мастер спорта Лебедев делится опытом с подрастающей сменой. Немало юных боксеров-ленинградцев с эмблемой общества «Трудовые резервы» прошло подготовку у тренера К. П. Лебедева. Нет в Ленинграде такого крупного соревнования по боксу, во время которого не оказался бы на ринге спортивный судья Лебедев, строгий во всем, что касается этики спортсмена.

* * *

Может быть, именно в тот день, когда американский боксер был выброшен боссом на улицу, советский инженер Лебедев закончил работу над созданием новой дорожной машины.

Для нас не может быть радости светлей и чище, чем радость творчества для своей родной страны. Вот сидит в зале московского цирка инженер Лебедев, смотрит внимательно на молодых боксеров, пришедших на смену ветеранам. А в это время на больших просторах Родины работают машины, целый комплекс сложных машин, прокладывающих прочные бетонированные дороги. Ручной труд тысяч людей заменили эти машины. Они быстро движутся вперед, сооружая чудесную новую автомагистраль!

Машины, строящие дороги, — творческая гордость группы советских инженеров и в их числе инженера Константина Петровича Лебедева.

И, конечно, на этом не кончилось творчество. К. П. Лебедев приехал на соревнования в цирк прямо с завода, на котором строятся опытные образцы новых машин конструкции Лебедева и его товарищей.

Инженер К. П. Лебедев в конструкторском бюро.
Фото Г. Малиновского.

Первая русская типография

Точная дата начала книгопечатания на Руси неизвестна. Выход русской первопечатной книги «Апостол» в 1564 году обычно считается началом русского книгопечатания, 19 апреля 1563 года, когда была начата работа над ней,— датой основания в Москве первой русской типографии.

Типография помещалась в специально для нее построенном по указу Ивана Грозного на Никольском крестце деревянном здании, названном Печатным двором. Во главе типографии стал москвич, дьякон одной из кремлевских церквей Иван Федоров. Помощником его был Петр Мстиславец. Первая книга, вышедшая из типографии — «Апостол»,— напечатанная четким шрифтом в две краски (черной и красной), украшенная заставками с одной гравюрой, свидетельствует о высокой технике и искусстве русских первопечатников. Деятельность их, как известно, продолжалась в Москве недолго. Они подверглись гонениям со стороны реакционных элементов, враждебно относившихся к преобразовательной деятельности Грозного, и вынуждены были покинуть Москву, уехав в Литву. Типография, созданная их трудами, была, повидимому, разгромлена. Иван Федоров впоследствии жаловался на всякие обиды «не от самого государя, а от многих начальников духовных и светских... невежд, людей злонравных, неискусных в разуме, не навыкших грамматической хитрости».

Однако развитие типографского дела в Москве не прекратилось. В 1568 году Печатный двор был снова отстроен. Продолжателями дела Ивана Федорова явились его ученики Андроник Тимофеев и Никифор Тарасов. В 1571 году пожар, опустошивший Москву, испепелил и типографию. Книгопечатание, по повелению Грозного, было перенесено в Александровскую слободу. В Москве книгопечатание возобновилось в царствование Федора Ивановича. Типография, возглавляемая тем же Андроником Тимофеевым, непрерывно выпускала разные книги до 1611 года, когда была разорена литовско-польскими интервентами. Но уже через год типография возобновила свою деятельность, временно поместившись в Кремле, в дворцовой набережной палате. На месте сгоревшего Печатного двора была начата постройка нового двухэтажного каменного здания, примыкавшего к Китайгородской стене. Постройка была закончена в 1620 году.

Несмотря на то, что Печатный двор и в дальнейшем неоднократно страдал от пожаров, продукция его к половине XVII века настолько увеличилась, что помещение стало тесным. Поэтому в 1645 году был построен новый каменный дом в два этажа, фасадом по Никольской улице (ныне улица 25 Октября). Ворота с островерхой высокой башней разделяли дом на две половины. Колонны ворот, покрытые орнаментом, были увенчаны высеченными из белого камня изображениями льва и носорога.

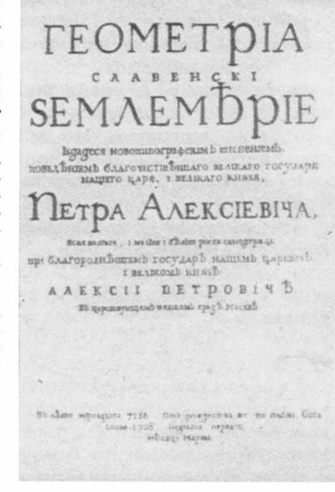
В 1679 году старое здание у Китайгородской стены было перестроено. Все стены и своды в нем были расписаны красками с серебром и золотом живописцем Леонтием Ивановым с товарищами. Здесь разместилась библиотека и «правильная палата», в которой работали «справщики» — корректоры и редакторы. В 1681 году при Печатном дворе была устроена школа, чтобы «при смотрении и правленьи книжному делу были в типографии люди ученые... а не невегласи», то есть невежды, неграмотные. На станках Печатного двора печатались «Ведомости» — первая русская газета, основанная Петром I. В 1707 году там началась отливка гражданского шрифта. Первой книгой, напечатанной этим новым шрифтом, отлитым «словолитцем» Михаилом Ефремовым, была «Геометрия славенски землемерие», вышедшая в 1708 году.

Главное здание типографии, построенное в 1645 году, с годами сильно обветшало. Еще в 1773 году надворотная башня дала трещину и была разобрана, а в 1810 году пришлось разобрать и все здание. В 1814 году на месте его было построено новое, в готическом стиле, в орнаментике фасада которого сохранены мотивы старинных узоров каменных колонн, а также изображения льва и носорога — герба Печатного двора.

В начале 60-х годов XIX века это здание едва не было снесено с целью постройки на его месте торговых помещений, которые давали бы большой доход Московской городской думе. Предложение о сносе исторического здания было внесено в городскую думу реакционным историком М. П. Погодиным, который, между прочим, сам ревностно собирал для своего «древлехранилища» старопечатные книги и различные памятники старины. К счастью, предложение это не было принято, дом сохранился поныне. Сохранились и палаты Печатного двора, построенные на том месте, где 390 лет назад начал свою работу Иван Федоров, «друкарь книг пред тем невиданных».

В реставрированных зданиях Печатного двора теперь помещается Историко-архивный институт.

Н. АШУКИН

ГЕОМЕТРІА
СЛАВЕНСКІ
ЅЕМЛЕМѢРІЕ
ПЕТРА АЛЕКСІЕВИЧА,
АЛЕКСІИ ПЕТРОВИЧѢ

Рассказ о прошлом

В основанной художником И. И. Бродским галерее изобразительного искусства в городе Осипенко (бывший Бердянск), Запорожской области, представлено большое полотно, занимающее целый простенок в зале, «Аукцион за недоимки». Это картина передвижника Василия Максимовича Максимова.

Широко известны его произведения: «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу», «Семейный раздел», «Больной муж», «Все в прошлом». Крестьянин по происхождению, Максимов хорошо знал пореформенную русскую деревню и всей душой сочувствовал страданиям обездоленных ее бедняков.

Впервые воспроизводимая в печати картина «Аукцион за недоимки» — одна из характернейших в творчестве художника. Законченная им в 1880 году, она была куплена частным лицом. В дальнейшем след ее потерялся. Долго о картине знали лишь по воспоминаниям, письмам да по некоторым сохранившимся этюдам.

...Низкое облачное небо чуть пожелтело у горизонта. Избы, покрытые слежавшимся снегом, колодец с журавлем — таков скупой пейзаж, которым ограничился художник в картине. Ничего яркого, эффектного, преобладают серые, коричневые, охристые тона.

На картине изображен аукцион — насильственная продажа последнего имущества бедняков, не уплативших недоимок. Перед крыльцом волостного правления сидит, чувствуя себя полным хозяином, пристав.

Угодливо изогнулся рыжий, с сытым лицом кулак в новой шубе, подпоясанной ярким кушаком. Он прицеливается к вещам, держа в руке еще не заполненный мешок.

Весь облик крестьянина, стоящего непосредственно за спиной кулака (по словам Максимова, писанный им с брата, скитавшегося по деревням в качестве портного), говорит о безвыходности создавшегося положения. Справа от него — длиннобородый крестьянин в картузе, в упор уставившийся на пристава. Из-под надвинутого на насупленные брови картуза смотрят живые, умные, порицающие глаза. Третьего крестьянина, стоящего с опущенной непокрытой головой и, как видно, совершенно и окончательно разоренного, Максимов назвал «заклеванным».

В правом углу картины старик и старуха, видимо, муж и жена. Старуха плачет, припав к своей кормилице — корове, уже привязанной к чужим нарядным саням.

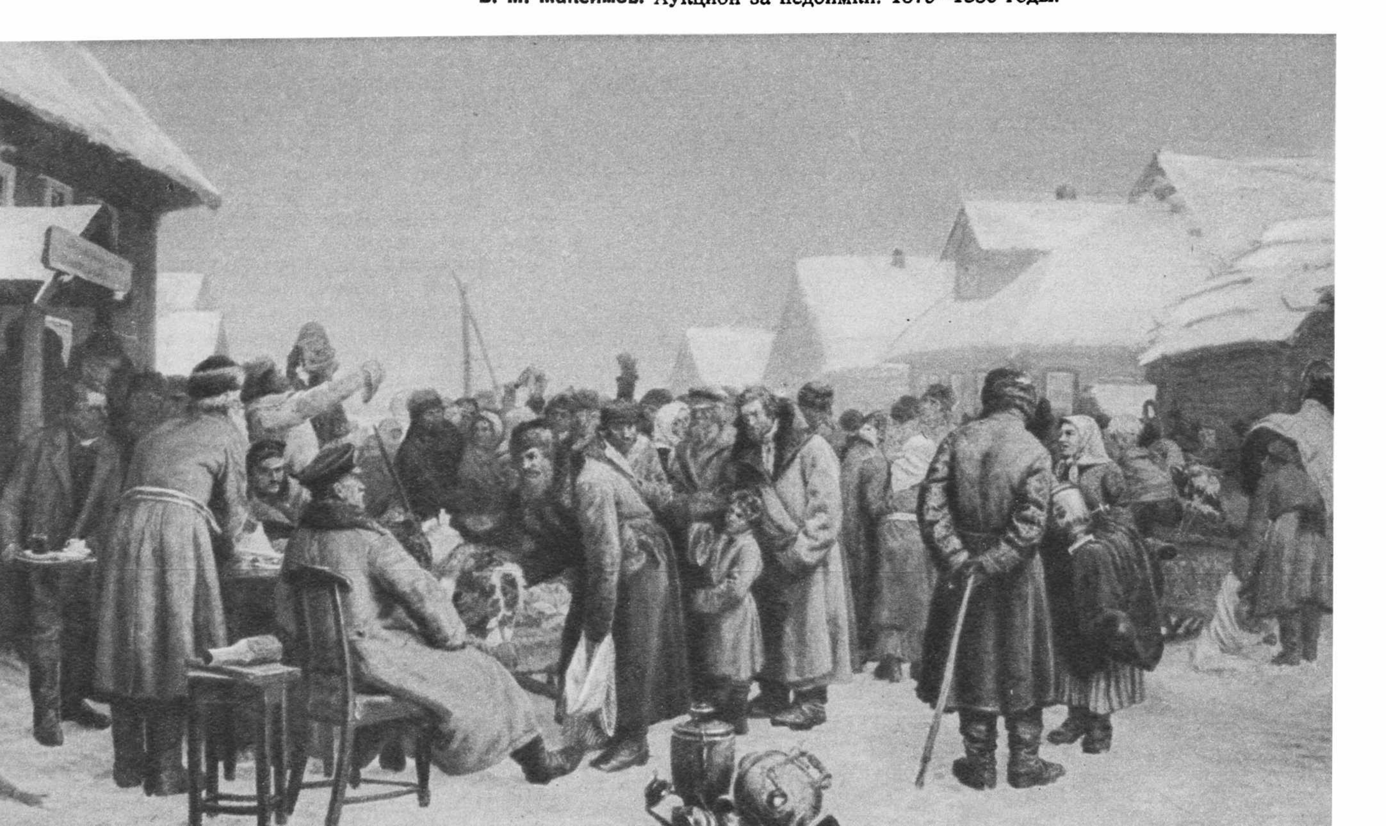
В глубине справа стоит еще один бедняк, в рубахе и шапке, в его глазах, на исхудалом лице ненависть и возмущение грабежом чиновников. Это один из наиболее ярких образов картины — «фигура с руганью на бога и все людские неправды» (слова Максимова). Несомненна заслуга художника, запечатлевшего глухой протест обездоленной и обираемой деревни.

Художник нашел выразительные средства для передачи своей темы.

Можно только пожалеть, что это значительное произведение до сих пор оставалось неизвестным широким советским зрителям, давно уже оценившим творчество В. М. Максимова, согретое любовью к народу.

С. ИВЕНСКИЙ

В. М. Максимов. Аукцион за недоимки. 1879—1880 годы.

РАВНОДУШИЕ

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Письмо послал в горисполком
Петров, стахановец-рабочий...
Большим столом с тугим замком
Конверт с лежавшим в нем листком
Был механически проглочен.

Не пригодившись никому,
Лежали в ящике дубовом
Страницы, ввергнутые в тьму, —
К листку листок, письмо к письму,
Строка к строке и слово к слову.

Поскольку в обществе таком
Сосед сочувствовал соседу,
Все письма
с другом-новичком
Тем языком, что им знаком,
Вели сердечную беседу.

И нераскрытому письму
Понятным стало, что к чему...

В простых словах простые люди,
Чья цель — одна, чей путь — един,
Несли стране свой опыт будний,
Свои мечты и свой почин,
Несли и радость и тревогу,
Свои раздумья, свой напор,
Всему хорошему — подмогу,
Всему плохому — приговор.
В поправках, замыслах, расчетах
Родных и близких нам людей
Жила
Хозяйская Забота
О благе Родины своей...

Но грузной,
холодной,
бесчувственной тушей
Сидело
за этим нарядным столом
Гнилое,
тупое к всему
Равнодушье
С глазами,
закрытыми мутным стеклом.
Даны Равнодушью
и руки и уши,
Но слух у него
анемичен,
ленив,
А руки свои
бережет Равнодушье —
И даже работает,
руки сложив.
Его разговор
к обещаньям привычен,
Улыбка
монетой блестит ходовой,
Но веет на всех
от нее
безразличьем
И к делу,
и к людям,
и к жизни живой.

Ему ненавистны
любые новинки.
Ему, Равнодушью,
всегда и везде
Охота
работать и жить по старинке,
Без риска,
дерзанья,
без темпа в труде.

Быть смелым и твердым —
ему непривычно.
Быть зорким и острым —
ему не дано.
Кого на работу принять?
Безразлично!
Кому доверять?
Ну, не все ли равно!

Легко пробираясь
в его окруженье,
Враги благоденствуют
и подлецы.
Неплохо живут
на его иждивеньи
Растратчики,
воры,
шпионы,
лжецы.

Над письмами думать,
над жизнью людскою,
Чиновная кукла
не станет вовек,
Хоть правда стоит
за любою строкою,
За каждою просьбой —
живой человек.

...И ходит порою
средь нас
Равнодушье,
Чье слово фальшиво,
чье дело черно,
И гасит,
и давит,
и глушит,
и сушит
Все то,
что возьмет или схватит оно.

Лежали письма долго-долго
В дубовом ящике стола.
Весна ушла, зима ушла,
Соединилась с Доном Волга,
А здесь была все та же тьма,
Густая пыль, застой глубокий...
Исчезла с каждого письма
Печать почтового клейма,
Но не поблекли писем строки!
В них пламень мысли не погас, —
И, полный волей непреклонной,
Звенит их голос,
обращенный
Ко всем — и к каждому из нас:
— Если Отчизна
тебе дорога,
Зорче, товарищ,
гляди кругом,
Непримиримый
к любым врагам,
Неутомимый
в бою с врагом.
Верным солдатом
в советском строю,
Ложь ненавидя
и правду любя,
Вкладывай душу
в работу свою,
Вкладывай в дело
всего себя.

Руша и строя,
творя и борясь,
Где бы ты ни был,
трави и круши
Гниль Равнодушья,
чиновную мразь,
Косность ума
и косность души!

Из почты «Огонька»

ОРЛЕНОК

Мы занимались геологической съемкой в окрестностях ущелья, где, зажатый скалами, метался Енисей. Породы всюду были одноцветны. И вдруг я увидел белое пятно. Оно четко вырисовывалось на темном фоне, подобно снежному островку на весенней проталине. «Пятно» неожиданно зашевелилось и, раскрыв клювастую пасть, уставилось на меня. Да это же орленок, настоящий желторотый орленок!

Неуютным было его гнездо. Несколько толстых сучковатых палок, небрежно разбросанных на каменной плите, пучок сухой травы, обрывок закоптелого войлока, очевидно, из тувинской юрты, а посредине кусок овчины, положенный шерстью вверх.

Орленок жалобно попискивал. Не отдавая себе отчета, я схватил птенца, посадил в рюкзак и, вскочив на коня, помчался в лагерь.

По-разному отнеслись в лагере к орленку. Дедушка Давид, наш повар, назвал его общипанным гусаком. Таня, лаборантка, заявила, что орленок очень хорошенький, очень миленький, и поцеловала его в большой горбатый клюв. Все засмеялись, потому что орленок, по правде сказать, походил на урода. Толстый, неуклюжий, вместо перьев у него был редкий белый пушок, лохмотьями болтавшийся на красной морщинистой коже.

Игрунья Чита, наша сторожевая собака, посмотрела на птицу свысока и отвернулась в полном убеждении своего превосходства.

Орленок все время пищал, и Таня дала ему кусочек мяса. Проглотил. Дала другой. Проглотил... Больше килограмма за раз уничтожил!

Утром я застрелил суслика и положил его перед орленком: пусть привыкает к своим хищным обязанностям. Но птенец взял и... проглотил его целиком. И опять стал жалобно пищать, будто умирал с голоду.

Прошел месяц. Орленок рос не по дням, а по часам. Пушок сменился перьями. Лапы стали толстыми, лохматыми. Только хвост еще был куцый.

Бывало, сядет орленок на солнцепеке и начнет прихорашиваться: то перышки клювом почистит, то расправит их, то белые пушинки начнет выбирать. А Чита бегает вокруг и лает. Поиграть хочется. Да что там Чита! Дедушка Давид, и тот не прочь был подразнить орленка. Возьмет суслика за хвост, покажет его орленку и отойдет в сторону. А сам посвистывает: «Тююу... тююуу...» Мол, иди сюда. И что вы думаете? Орленок уже шагает к нему, этак важно переваливаясь с боку на бок. Подойдет, откроет рот и ждет. Обязательно мяса давай, иначе обидится.

Наступил сентябрь. Природа увядала. Но орленок с каждым днем расцветал. Оперился хвост, окрепли когти, заострился клюв. Бегал он теперь вприпрыжку, бойко размахивая полутораметровыми крыльями. Чита уже смотрела на него с уважением и почтительно уступала дорогу.

Когда лагерь перебрался в горы, орленок загрустил. Заберется на выступ и сидит неподвижно, нахохлившись. А Чита с ним неразлучна.

И вот как-то слышим: Чита завизжала, будто ей кто-то на хвост наступил. Потом начала выть, да так жалобно, так печально! Глядим, она сидит на вершине одна, морду вверх задрала, а высоко над ней орленок вьется.

Вот он раскинул широкие крылья и застыл неподвижно. Потом стремительно сложил их и, со свистом рассекая воздух, ринулся вниз. Мы подбежали к орленку. Из его груди вырывался победный клекот. А на траве судорожно извивались куски растерзанной гадюки.

«Любимец ты наш крылатый!» — сказала Таня и, вынув из косы шелковую ленту, повязала вокруг его шеи красивый голубой бантик.

Через несколько минут орленок снова кружился над лагерем. Он подымался все выше и выше и наконец скрылся из виду. Неожиданно пришла машина. Лагерь требовали срочно перебросить в другой район. Быстро скатали палатки, быстро погрузились, и машина тронулась.

Дедушка Давид нервно теребил бороду: «Прощай, орленок!»

П. СИГУНОВ,
студент Ленинградского горного института.

Вначале походил орленок на общипанного гусака...

...Орленок рос не по дням, а по часам...

— А ведь я нынче на этой сумке изрядную сумму сэкономила.

Рисунок Е. Ведерникова.

НА СТРОИТЕЛЬНОЙ ПЛОЩАДКЕ

На строительную площадку пришли экскаваторы. Предстояло вырыть два котлована, из которых один вдвое больше другого.

Начав рыть больший котлован и проработав полдня, экскаваторщики разделили свои машины на две равные колонны. Первая из них продолжала выемку грунта на большом котловане и к концу рабочего дня закончила его, а вторая колонна начала рыть меньший котлован.

Сколько было экскаваторов, если известно, что в течение следующего дня оставшуюся часть работы выполнил один экскаватор, а выработка каждого из них принимается одинаковой?

ПАЛЬМА ДОНЕЦКОГО КУЗНЕЦА

На Васильевском острове, в музее Петербургского горного института, среди образцов горной техники появился необычный экспонат — пальма. Одиннадцать веерообразных листьев образуют ее крону. Пальма, высотою почти в три метра, высажена в металлическую кадку из кольцевого проката, скрепленную отрезками рельсов.

Надпись на остекленной табличке, укрепленной в кадке растения, гласит:

«Пожертвовано Горному институту Новороссийским Обществом каменноугольного, железного и рельсового производства.

Экспонировалась на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году».

В инвентарной книге музея о новом экспонате коротко сказано: «Пальма, выкованная из мартеновского рельса в Юзовке».

История стальной пальмы весьма интересна. В конце прошлого века на заводе в Юзовке, теперь столице Донбасса городе Сталино, для Нижегородской Всероссийской выставки были изготовлены модели завода, доменной печи, заводской шахты, поселка Юзовки и эта пальма. После закрытия выставки экспонаты были переданы в 1898 году музею Горного института.

Кто же автор этой пальмы? В музее знали, что она отковала на бывшем Юзовском заводе, но кем именно, это оставалось загадкой. Иностранцы, владельцы завода, пренебрежительно относившиеся ко всему русскому, умолчали имя талантливого кузнеца. И только сейчас, спустя пятьдесят пять лет, оно стало известным.

Оказывается, пальму отковал из одного цельного куска железнодорожного рельса донецкий кузнец Алексей Иванович Мерцалов. Об этом поведали ветераны-металлурги нынешнего завода имени Сталина в Донбассе. Здесь и до сих пор трудится один из товарищей Мерцалова, семидесятисемилетний мастер Филипп Федотович Шкарин, работавший тогда вместе с ним молотобойцем.

К. КОНСТАНТИНОВ

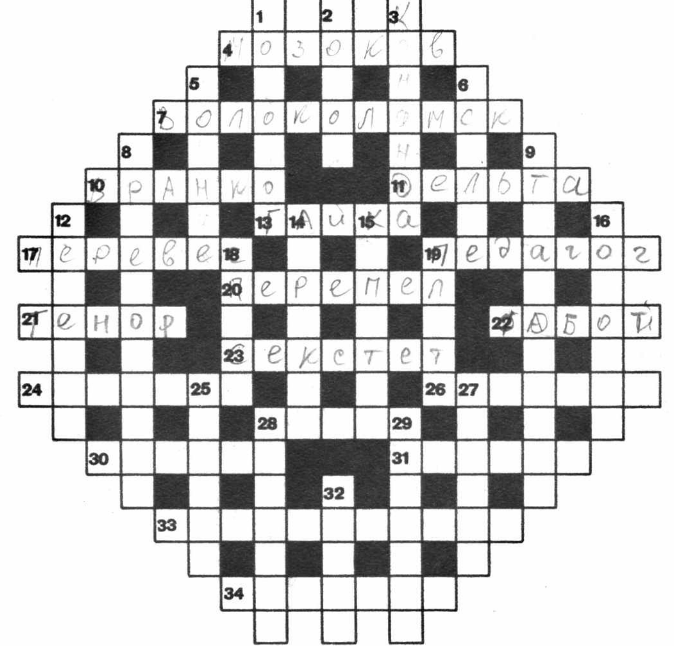
КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Герой романа Т. Керашева «Дорога к счастью». 7. Один из старейших русских городов. 10. Деятельница Федерации бразильских женщин. 11. Буква греческого алфавита. 13. Деталь для крепления. 17. Преимущество. 19. Учитель. 20. Полевая птица. 21. Мужской голос. 22. Музыкальный инструмент. 23. Музыкальное произведение. 24. Название некоторых бобовых растений. 26. Советский музыковед и композитор. 28. Дерево. 30. Буквоед. 31. Стихотворение А. Кольцова. 33. Утверждение верховной властью международного договора. 34. Государство в Южной Америке.

По вертикали:

1. Млекопитающее южных стран. 2. Остров в Эгейском море. 3. Спортивный коллектив. 5. Небесное светило. 6. Напряжение. 8. Награжденный орденом. 9. Слой атмосферы. 12. Великий русский ученый-физиолог. 14. Южный плод. 15. Офицерское звание. 16. Разиня. 18. Деталь в огнестрельном оружии. 19. Денежное вознаграждение. 25. Сатирический журнал, издававшийся в Петербурге в XIX веке. 27. Животное из отряда грызунов. 28. Бессодержательный ответ. 29. Русский писатель. 32. Заключительная часть.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

7. Волейбол. 8. Лекторий. 9. Сплавщик. 11. Вездеход. 12. «Коршун». 13. Эстамп. 15. Оптика. 17. Альтернатива. 18. Гибридизация. 21. Чардаш. 23. Калган. 25. Пенсия. 27. Радиатор. 28. Ягнятник. 29. Методика. 30. Клубника.

По вертикали:

1. Роспись. 2. Декада. 3. Котик. 4. Селен. 5. Доцент. 6. Пилотка. 10. Коллекционер. 11. Вулканизация. 14. Мельница. 16. Повариха. 19. Гамалея. 20. Записки. 22. Движок. 24. Латунь. 25. Почка. 26. Ягель.

ТАЙНА ДВУХ СКВОРЕЧНИКОВ

У меня в саду, на липе, против дома, висят два скворечника: один обыкновенный, другой — по «архитектурному проекту» сынишки Петруши, большего размера, «многосемейный».

Обыкновенный скворечник каждую весну заселялся прилетными «дачниками» — скворцами, а «многосемейный» пустовал.

Однажды зимним утром Петруша посмотрел в сад и вдруг кричит мне:

— Папа! В моем домике живет какая-то серая птичка!

Стали мы следить за неизвестной птицей.

Как-то утром увидели на сучке возле «многосемейного» скворечника незнакомую птицу. Я навел бинокль... Дрозд-рябинник! Я даже не поверил своим глазам. Дрозд немного посидел на сучке и нырнул в большой скворечник. Вскоре вылез из него на крылечко, посидел немного, вспорхнул, перелетел к маленькому и скрылся в нем. Каждое утро и перед вечером дрозд вылезал из маленького скворечника, перелетал в большой и обратно в маленький.

Что за диковина такая: ночует в маленьком, а затем перелетает в большой? Какая тайна тут скрыта?

— Приходи ко мне посмотреть, как в скворечнике зимует дрозд-рябинник,— звоню я по телефону одному любителю птиц.

— Это что: охотничий рассказ? — спросил с ехидством мой знакомый.

Но все-таки пришел после обеда.

Сидим и наблюдаем в окно. Перед вечером, как всегда, из маленького скворечника вынырнул дрозд. Посидел на крылечке, вспорхнул, перелетел к большому и скрылся в нем.

— Да, верно. Дрозд. Вот разбойник! — сказал любитель птиц, отнимая от глаз бинокль.— Это — очень редкое явление. Зачем же дрозд посещает оба?

На следующий день утром мы отправились в сад. Подставили к липе большую лестницу, сын полез обследовать скворечники. Только что стал он приближаться к маленькому скворечнику, как из него с криком «Чок! Чок!» вылетел дрозд. Сын поднялся выше, посмотрел во внутрь и кричит нам:

— Ничего нет, кроме пуха!

Затем перелез к большому скворечнику, заглянул в него, засунул руку, достал что-то и рассматривает.

— Что там? — с нетерпением спросил я.

— Ягоды рябины!

Оказывается, дрозд-рябинник, случайно оставшийся на зимовку, приспособил большой скворечник себе под кладовую и столовую, натаскав в него рябины, а маленький — для жилья, так как в нем теплее.

Интересный, редкий случай!

Н. НИКОЛЬСКИЙ

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций диорамы «Альпийский поход Суворова» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 02209. Подп. к печ. 14/IV 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,625 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 314. Заказ 691. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ТАЛЫЕ ВОДЫ. Фотоэтюд М. Савина.

Цена 3 руб.